

ОЛЕГ ЯНИЦКИЙ

**ЭКОМОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА,
ПЕРСПЕКТИВА**

Институт социологии РАН

Яницкий О.Н.

**ЭКОМОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВА**

Москва 2011

УДК 316.422
ББК 60.56
Я62

Рецензенты:

доктор политических наук Д.В. Ефременко,
доктор социологических наук М.Ф. Черныш

Монография подготовлена и опубликована при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант: 09-06-00061а

Яницкий О.Н.

Я62 Экомодернизация России: теория, практика, перспектива. М.:
Институт социологии РАН. 2011. – 215 стр.
ISBN 978-5-89697-201-3

В монографии рассматриваются понятие, основы теории и социально-политические проблемы и перспективы экологической модернизации России в трех пространствах: территориальном, социальном и виртуальном. Анализируются позиции структур власти, бизнеса и гражданского общества. Подчеркивается значение сетевых междисциплинарных и межсекторальных систем охраны природы в данном процессе. Анализируются случаи экокатастроф как силы, мобилизующей организации гражданского общества. Книга рассчитана на широкий круг специалистов, интересующихся теорией и практикой охраны природы России.

УДК 316.422
ББК 60.56

УДК 316.422
ББК 60.56
Я62

The book is prepared and published with the support of the Russian foundation for fundamental research, grant: 09-06-00061a

Yanitsky Oleg

Я62 Ecological Modernization: Theory, Practice, Prospects. Moscow: Institute of Sociology Russian academy of science. 2011. – 215 pp.
ISBN 978-5-89697-201-3

The notion, theoretical foundations and social-political problems and prospects of ecological modernization in Russia are considered in three spaces: Territorial, social and virtual. The positions of power, business and civil society organizations in relation to ecological modernization process are analyzed. The meaning and role of interdisciplinary and inter-sectorial networks in the above process are stressed. A set of case-studies of ecological disasters and catastrophes shows that they play a mobilizing role in relation to civil society organizations. The book addresses to a wide range of professionals as well as of civic activists who are concerned with theory and practice of ecological modernization and nature protection in Russia.

УДК 316.422
ББК 60.56

Монографии того же автора

1. Социальные движения: сто интервью с лидерами. М.: Московский рабочий. 1991.
2. Экологическое движение России. Критический анализ. М: Институт социологии РАН. 1996.
3. Риски и опасности «переходного» общества. М: Институт социологии РАН. 1998 (отв. ред.).
4. Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, практика). Новосибирск: Сибирский Хронограф. 2002.
5. Семейная хроника. 1852-2002. М.: Издательство LVS. 2002.
6. Социология риска. М.: Издательство LVS. 2003.
7. Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики. М.: Наука. 2007.
8. Экологическое мышление эпохи великого передела. М.: РОССПЭН. 2008.
9. Досье инвайронменталиста. М.: Институт социологии РАН. 2009.
10. Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment (T.Deelstra and O. Yanitsky, eds.). Moscow: International Relation Publishers. 1991.
11. Russian Environmentalism. Facts. Opinions. Leading Figures. Moscow: ISAR. 1993.
12. Russian Greens in a Risk society. A Structural Analysis. Helsinki: Kikimora Publications. 2000.
13. Russian Environmentalism. The Yanitsky Reader. Moscow: TAUS. 2010.

Оглавление

Введение.....	9
Глава 1. О понятии экомодернизации	13
Проблема	13
Предварительные замечания	13
Понятие социально-экологической модернизации.....	16
В позиции догоняющих	20
Заключение	22
Глава 2. Модернизация в трех пространствах	25
Биосферное, социотехническое и виртуальное	25
Внешние вызовы и внутренние ограничения	27
Пространство ее субъектов (агентов)	31
Местное самоуправление – базовый элемент охраны природы... ..	35
Ситуация начинает меняться.....	37
Экомодернизация как системный процесс.....	38
Выводы	41
Глава 3. Расстановка сил.....	42
Значение расстановки сил.....	42
«Кто был кто» в процессе экомодернизации.....	43
Новый этап.....	47
Расстановка сил: вчера и сегодня.....	49
Выводы	53
Глава 4. Бизнес, население, среда обитания.....	55
Цель главы и источники.....	55
Методологические и этические проблемы	56
О некоторых результатах российских исследований.....	61
«Экологический ресурс» гражданского общества	67
О проекте комплексного «экологического поворота» на местах .	70
Дифференциация типов про-экологического сознания и поведения.....	73

Принципы формирования экологической культуры персонала ..	74
Информационное обеспечение и контроль	76
Выводы	77
Глава 5. Фрейминг и сети экомодернизации	79
Постановка вопроса	79
Что такое фрейм и фрейм-анализ	80
Характеристики фреймов	81
Фрейм как связка между познанием и культурой	84
Объединение (группировка) фреймов	85
О роли современных сетей	85
Фрейминг катастроф	89
Выводы	91
Глава 6. Экомодернизация как сетевая мобилизация	92
Формы мобилизации	92
Социально-экологический метаболизм	93
Позиция социологов	95
Экологическая катастрофа создает сети	95
Методы социологического анализа экокатастроф	97
Мобилизация: суть и результаты	98
Фаза реабилитации	101
Что дальше?	102
Глава 7. Экокатастрофа как мобилирующий фактор	104
Постановка вопроса	104
Мобилизационный потенциал гражданского общества	107
Немного теории	108
Изменения в структуре сетей	111
Выводы	115
Глава 8. Социальный капитал российского экологического движения ...	117
Постановка вопроса	117
Релятивная сущность социального капитала	118
Капитал: индивидуальный и сетевой	121
Первичная экоструктура и социальный капитал индивида	122
Постмодерн и трансформация социального капитала	126
Выводы и дискуссия	128
Глава 9. Профиль эоактивиста	131
Постановка вопроса	131
Становление активиста	132
Его сети, ресурсы и идентичность	134
Альтруизм и укорененность	136
Специфика профессионализма	138

Стиль жизни	138
Мобилизация и самомобилизация	139
Тип социального капитала	141
Человек сети	144
Глава 10. Защита Байкала: расстановка сил и их динамика.....	147
Введение	147
Теоретические основы.....	148
Расстановка сил и их динамика.....	149
Позиция местного сообщества.....	159
Характеристика «пакета фреймов»	160
Заключение и дискуссия.....	161
Глава 11. Лесные пожары в центральной России	164
Введение	164
Ответственность государственных институтов	165
Роль бизнеса.....	168
Погорельцы и местная власть.....	172
Невосполнимые потери	173
Заключение: что делать социологам?.....	175
Глава 12. Ледяные дожди.....	177
Специфика катастрофы.....	177
Причины возникновения.....	179
Ситуация и расстановка сил.....	180
Поведение населения	181
Реакция властей	182
Фаза реабилитации	185
Выводы для социологов и политиков.....	188
Глава 13. Перспективы экомодернизации России.....	191
Необходимые условия.....	191
Роль социолога	193
Информатизация: инструмент или тип культуры?	195
Социология для «экологического поворота»	198
Выводы и рекомендации	199
Литература	204

Введение

Человечество ведет непрерывную борьбу с природой: и тогда, когда оно просто живет за ее счет, и тогда, когда решает собственные проблемы и конфликты, используя ее ландшафт и потребляя ресурсы, и тогда, когда стремится познать ее законы, чтобы поставить их на службу себе. «Человек живет природой», и с этим ничего нельзя поделать, даже если бы удалось реализовать космическую идею В.И. Вернадского об «автотрофности человечества», то есть превращения энергии Солнца непосредственно в продукты, которыми питается человек. Эта экспансия человека в среду своего обитания сегодня достигла таких масштабов, что природа (точнее, биосфера, то есть глобальная экосистема), изменяясь, оказывает растущее обратное влияние на человеческое общество. Сегодняшние глобальные изменения климата, местные и региональные экологические катастрофы, возвращение, как казалось некогда, навсегда побежденных болезней, нищета, голод и порождаемые ими насилие и войны – все это не что иное, как «экологический бумеранг» (У. Бек) неудержимой экспансии человека в биосферу, в окружающий его природный мир.

Значит, у человеческой экспансии в этот мир, а сегодня уже и в мир собственный как биологического существа и «мыслящего тростника», есть естественный предел, о котором ученые предупреждают уже более полутора столетий. Но человечество не может перестать развиваться, оно может лишь снизить темпы этого развития или сделать его более экологически эффективным и менее болезненным, например, затрачивать все меньше энергии и материалов на единицу конечного продукта. Все меньше раскачивать естественные ритмы природы и отнимать у нее кажущиеся человеку «лишние» куски естественного ландшафта. А, главное, – все меньше вмешиваться в сложившийся тысячелетиями круговорот (метаболизм) вещества и энергии в биосфере. Принцип врачевания «Не навреди!» здесь абсолютно адекватен. В противном случае, как сказал Нобелевский лауреат Ян Тзен Ли, открывая XVII конгресс ISA в 2010 г., если рост народонаселения и количество потребляемой энергии на душу человека будут продолжаться, то излучаемая солнцем энергия скоро просто *не будет покрывать* растущие потребности населения Земли.

Более 15 лет назад я назвал современное общество «обществом всеобщего риска» (Яницкий, 1994, 1996), связав, вслед за У. Каттоном и Р. Данлэпом (Catton and Dunlap, 1980), преодоление этого критического состояния с концепцией всеобщего эко-ориентированного развития. Сегодняшний терроризм – это война против всех, но прежде всего против мирного населения.

Политологи: «терроризм – это третья мировая война». Но экологическая катастрофа – это тоже «война против всех», без разбора! Значит, моя концепция «общества всеобщего риска» подтверждается снова и снова? Э.Фромм когда-то написал свое «Бегство от свободы», имея в виду западного индивида. Но в «обществе всеобщего риска» уже и физически бежать некуда. Нет никакого «другого», то есть более безопасного, места, чем то, которое в данный момент поражено экологической катастрофой. И ее лицо знакомо людям уже тысячи лет: пожары, засухи, землетрясения, наводнения, торнадо и тайфуны.

Поэтому «экологическая модернизация» (далее, экомодернизация) должна быть также не локальным, а *всеобщим* и *системным* (в моей терминологии, средовым) процессом. Вечная мечта человечества создать «рай на Земле», то есть локус идеальных условий жизни («оазис благоденствия») при неизменности сложившихся форм человеческой деятельности, так и осталась мечтой. Всякий такой «оазис», созданный усилиями власть предержащих, ученых и изобретателей, неизбежно будет съеден окружающей средой, природной и человеческой, какими бы высокими стенами от мира он не отгораживался. Сегодня на смену идеала всеобщего благоденствия приходят императивы глобального устойчивого развития и средовой безопасности (*environmental safety*), потому что несущая способность среды обитания многократно превышена.

Но и другой способ решения социально-экологических проблем, который пропагандировали А.С. Ахиезер и его последователи, а именно – сделать российское общество максимально открытым «через развитый утилитаризм» (Ахиезер, 1997, 1997а), оказался разрушительным для ее природы и населения, поскольку, как показали прошедшие 15 лет, резкое открытие России миру дало противоположный эффект: вместо притяжения интеллектуальных ресурсов и развития новых технологий наблюдается всевозрастающее бегство из нее финансового и социального капитала и «сброс» на российскую территорию ядерных и других разрушительных отходов.

Экомодернизация не может быть осуществлена как последовательность мер: сначала модернизация экономики, потом политической системы, затем системы образования и культуры и т. д. Новейшие технологии ломаются и наносят непоправимый ущерб природе, если сознание человека-оператора не изменено – вспомним недавнюю экологическую катастрофу в Мексиканском заливе, экосистема которого уже никогда не будет прежней. Гигантские чисто технические решения и проекты (каскады ГЭС, искусственные моря, освоение целинных земель), принеся краткосрочный экономический эффект, потом на десятилетия становятся причинами обнищания населения целых регионов и следующих за ними ресурсных войн, в которых гибнут сотни тысяч людей, а оставшиеся в живых могут жить только на средства благотворительной помощи. Ресурсные войны – реальность наших дней (Къеза, 2006). Но люди страдают и умирают не только от войн за миску риса и клочок земли для жизни. Они страдают и умирают от поспешно сертифицированных лекарственных средств, изобретенных наукой, – последняя просто не успевает отследить «риски будущего» от собственных инноваций. Поэтому экомодернизация должна быть общим руслом развития любой человеческой деятельности, включая и социологическую науку, а посему – разрабатываться, моделироваться и осуществляться комплексно.

Уже не кажется парадоксальным тезис, что экомодернизация как процесс «примирения» человека и природы – глубоко *конфликтный процесс*. Ключевой социологический вопрос, говорит У. Бек, с какой стороны и от кого придет поддержка про-экологическим изменениям, поддержка, которая во многих случаях вероятно подорвет их собственный образ жизни, их привычные стандарты потребления, их социальный статус и изменит условия их существования? Или, иначе: каким образом искомая космополитическая солидарность, идущая поперек любых национальных границ, станет реальным, «зеленеющим обществом», солидарность, которая является необходимой предпосылкой для транснациональной политики сдерживания климатических изменений? Или еще жестче: «чем более мир будет объединен изменением климата, – говорит он, – тем более он также будет им разделен, разобщен». Именуя это противоречие *космополитической диалектикой* климатических изменений, Бек задается вопросом: как эти противоборствующие тенденции могут приспособиться друг к другу? То есть что ждет нас впереди: конфликт или кооперация? (Бек, 2010). Для России, как ресурсно-ориентированной страны, идущей к тому же в русле специфической исторической модели «власте-собственности» (Пивоваров, 2006) и потребительской идеологии, это особенно трудный вопрос.

Но вот действительный парадокс: экокатастрофа стимулировала возникновение в нашем «вертикальном» и атомизированном социуме «горизонтальных» общностей равнодушных людей. Оказалось, что не все члены гражданского общества равнодушны ко всему, что не касается их лично, и не все оно заражено потребительством. Более того, серия летних экокатастроф мобилизовала тех, кого она никак непосредственно не затрагивала. То есть она *консолидировала* значительную часть общества. Они одновременно оказывали помощь пострадавшим и сделались нужными друг другу. Надолго ли? – вопрос открытый. Увлекаясь изучением глобальных проблем, мы забываем о важности сохранения человеческих микрокосмов, самоорганизующихся общностей. Я называю данную мобилизацию *экологической*, потому что нужно было спасать именно экосистемы, социальные и природные. В стране система управления – ведомственная, директивная, а в критических случаях, подобно рассматриваемому, требуется *интерактивная и горизонтальная* с обязательной обратной связью.

Так или иначе, экомодернизация должна начинаться с *рефлексии*, самокритики и глубокого *переосмысления* отношения «человек–природа». То есть человеку придется начинать с себя, своих привычек, потребностей и образа жизни. И честь этого начала, как свидетельствует история европейской и русской науки XIX-XX вв., принадлежит ученым, естественникам и гуманитариям, действовавшим совместно. Практически это означает, что принципы «Новой экологической парадигмы», созданной более 30 лет назад американскими социологами (Catton and Dunlap, 1980), должны быть критически переосмыслены, затем – разработана новая экологическая парадигма именно как социальная (социетальная), а потом на ее основе должны быть созданы теории среднего уровня, учитывающие реалии информационного общества, и в конечном счете они должны быть институционализированы, то есть превращены в систему законов, культурных кодов, а также сил контроля и принуждения к их исполнению.

Подобная рефлексия глубоко укоренена в культуре, которую я называю посткапиталистической или после-рыночной. Эта культура не отрицает существования частной собственности, но рассматривает ее функционирование как подчиненное целям производства общего блага. Поэтому предлагаемый вниманию читателя материал акцентирует внимание на нормативно-ценностной стороне деятельности агентов процесса экомодернизации и противостоящих ему сил. В анализе широко используются такие морально-этические категории, как чувство долга, честность, порядочность, открытость, ответственность. В целом я рассматриваю категории научной и культурной рациональности как равновеликие и одинаково необходимые для последующего анализа (Яницкий, 2006, 2006а).

Что касается развития самой науки социологии, то, по моему глубокому убеждению, экосоциология есть ее неизбежная перспектива (Яницкий, 2009). Это не означает отмены всех других отраслей социологического знания, это означает их экологизацию как метатеоретический принцип. События последних лет и особенно «горячего лета» 2010 г. и последовавших за ним ледяных дождей были лишь «репетицией», прелюдией того, что ждет мир в ближайшее десятилетие, если мы будем оставаться на старых позициях: сначала экономика (политика, оборона и т. д.), а уж потом – экология.

ГЛАВА 1

О понятии экомодернизации

Проблема

Интересующую нас проблему можно увидеть через «окошко» частного случая, когда случается экологическая катастрофа, и институты и организации должны работать в мобилизационном режиме. Но, как оказалось, они частично разрушены, частично разделены высокими ведомственными барьерами, а то и просто не готовы к работе в таком режиме. Вот свежий пример.

«Пожарное лето 2010 г. показало, что ни МЧС, ни армия, ни лесозаготовители-арендаторы, ни добровольцы – не могут заменить лесных специалистов в борьбе с лесными пожарами. Примерно 150 тысяч человек, потерявших работу в российском лесном хозяйстве за время действия нового Лесного кодекса – это те люди, чьих сил, опыта и знаний хватило бы для того, чтобы удержать ситуацию с лесными пожарами под контролем. Ущерб от лесных пожаров в 2010 г. в десятки раз превысил экономию, полученную от их сокращения. Существующая государственная система контроля и управления лесами в настоящее время неспособна к адекватным действиям для минимизации лесных пожаров и наносимого ими ущерба. Новое лесное законодательство России облегчает получение быстрой прибыли крупными лесопромышленниками, оставляя незащищенным лес как экосистему, ограничивая права граждан на пользование лесами и не обеспечивая экологической безопасности лесопользования» (Заключение общественной комиссии..., 2010: 18).

Предварительные замечания

Во-первых, в современных условиях природные явления – это все чаще материализованное инобытие социальных идей, проектов, процессов. Это результат трансформации социального действия в измененный природный процесс, механизмы которого социологи не умеют распознавать и не хотят изучать. Во-вторых, в отличие от социального мира, который социологи искусственно отделяют от природного, где господствует принцип действие-ответ (отсюда парные категории «интервьюер-респондент», действие–противодействие

и т. п.), реальный социоприродный мир основан на гораздо более сложных взаимозависимостях. Это – результат *социально-природного метаболизма*, где «ответ» природы на вмешательство человека не может быть предсказуем ни по месту-времени, ни по масштабу «ответного» действия. То есть в действительности существует единая социобиотехническая система, по традиции именуемая Биосферой (хотя, строго говоря, ее следовало бы именовать социобиотехносферой, где социальное начало играет сегодня ведущую роль). В-третьих, социологи, основываясь на постулате «социальные факты – только из социальных фактов», фактически изолировали объект своего исследования от его *alma mater*, природной экосистемы. С другой стороны, власть предержажные являются адептами узко технологической концепции процесса, именуемого модернизацией. В результате, столь актуальная сегодня проблема модернизации России рассматривается в отрыве от проблемы состояния среды обитания российского общества.

В-четвертых, все сложные технические системы рано или поздно выходят из строя, дестабилизируя окружающую жизнь, внося в нее беспокойство и вредные вещества, малые и большие потери материальных ресурсов и социального потенциала или порождая глобальные катастрофы, какими были Чернобыль или Бхопал (Индия). Всякая сложная социотехническая система имеет внутренние пределы своей безопасности и, следовательно, потенциально опасна для окружающего мира (Sagan, 1993: 278). Еще в 1977 г. Ч. Перроу заметил, что теоретики из академической среды часто конструируют модели некоторой организации гораздо более рациональные и эффективные, чем это имеет место в сложных системах реального мира (Perrow, 1977: 31). «Серьезные инциденты неизбежны, и не имеет никакого значения, насколько тщательно мы готовимся к ним» (Perrow, 1984: 153).

Далее, в-пятых, природные системы, так же, как сам человек и все, что он конструирует, имеет *пределы своей несущей способности*. И если они превышаются, наша среда обитания превращается из привычного, на взгляд социолога (и обывателя), из места за забором, где все как-то перерабатывается, «переварится», «устаканится» (западный аналог “Not in My Backyard!” или позднее “Not in Any Backyard!”), в грозный источник рисков для общества и всего того, что оно успело построить и сконструировать до того. В-шестых, чем больше человек создает искусственных систем – от мостика через ручей до межконтинентальной баллистической ракеты, – тем более он вынужден за ними ухаживать, создавая специальные службы и даже институты для их поддержания и реабилитации. Победа человека над природой оказалась пирровой, скорее он становится все более зависимым от нее. Он создает бесконечные технические регламенты и тут же забывает о них, но сами эти регламенты ничего не «чинят» и ни от чего не «уберегают», если сам человек не осознает необходимость их неукоснительного соблюдения. Это, в свою очередь, означает, что экологическое воспитание – не «довесок» к «серьезным» школьным и вузовским дисциплинам, а залог существования будущих поколений. А экологическая культура – не экзотика, а этическая система, противостоящая этике потребительского общества (Яницкий, 2007, 2008).

В-седьмых, в мире под влиянием растущей подвижности финансового капитала, борьбы геополитических интересов и возможностей, предоставляемых новыми технологиями, идет интенсивная реструктуризация ранее социально-освоенного пространства. Социально-экономическая жизнь становится

все подвижнее, она непрерывно трансформируется в поисках новых источников ресурсов, включая человеческий капитал. Как и ранее, эта инициированная человеком реструктуризация, проникающая не только в недра Земли, но и изменяющая течение природных процессов, не учитывает тот факт, что эти процессы имеют пределы своей устойчивости, своего метаболизма. Конфликт между «поток» и «местом», как и предсказал З. Бауман, будет нарастать.

Наконец, в-восьмых, как справедливо утверждает М. Арчер, индивидуализм как идеология и либерализм как политика также противостоят устойчивости социума. «Атомизированный индивидуум» не испытывает чувства долга по отношению к своей социальности; это означает, что не может возникнуть никакого коллективного поведения, создающего общественные блага ('public goods'). Такой человек есть только наемный работник, его обязанности всегда предопределены кем-то или чем-то другим и, следовательно, несовместимы с человеческой кооперацией и взаимопомощью; такой человек в сущности «аморальный агент», поскольку он лишь «выполняет роль», нежели создает ее (персонализируя ее в соответствии со своими ценностями), он никогда не апеллирует к «человеческому достоинству», – он «лишь выполняет свою работу». Смерть традиционных групп (социальных классов или домашнего хозяйства) равносильна утере *солидарности* и *взаимопомощи*; «Индивидуализация» есть самостоятельная социальная структура второй модернити...». 'Do-it-yourself biographies' суть сериалы само-созидания, само-изобретения (serial self-reinvention) такого человека, безотносительно к потребностям и законам социума. Доверие, вторит Арчер П. Штомпка, есть социальный клей коллективного общественного действия, направленного на благие цели, который сегодня в большом дефиците.

«Все связано со всем и все куда-то попадает» – эти слова Барри Коммонера следовало бы внести в качестве эпиграфа во все учебники социологии. Наконец, изоляционизм, какими бы благими намерениями он ни мотивировался, это смерть для любой науки, в том числе и для социологии. Приведу только один пример. Когда в 2007 г. на праздновании полувекового юбилея Европейского Союза и для обсуждения перспектив его дальнейшего развития собралась вся его элита, там были представлены *все* виды наук и искусств... кроме социологии (Fraser, 2007). Мы что, хотим того же? Недавний всемирный «антикарбонный конгресс» социологов в Швеции показал дистанцию нашего отставания, или, лучше сказать, непонимания того, что происходит. Потребовалось пригласить в качестве keynote speaker лауреата Нобелевской премии по биологии, чтобы сдвинуть это дело с мертвой точки.

Несмотря на различные интерпретации процесса экомодернизации, следующие вопросы являются общими: ее сущность, ее акторы и их действия, которые инициируют инновации, ведущие к данной цели, в какой мере различные способы сохранения и улучшения среды обитания отражают изменения экоидеологии в данном обществе и каковы формы и ареалы пространственного распространения этих инноваций.

Понятие социально-экологической модернизации

Западные коллеги выделяют пять теоретических «кластеров» проблемы экомодернизации: (1) изменяющаяся роль науки и технологии. Вместо их традиционной роли «помощи и исправления» уже нарушенной природы они теперь все более ориентируются на *предотвращение* негативных изменений в ней посредством социальных и технических методов, начиная с процесса проектирования технологических и организационных инноваций; (2) возрастает роль рыночной динамики и его агентов (производителей, потребителей, посредников, кредитных институтов, страховых компаний и т. д.) как агентов экологических реформ; (3) изменение роли национального государства. Возникает более децентрализованный, менее «директивный», более адаптивный и консенсусный стиль регулирования (*governance*). Открывается больше возможностей для негосударственных акторов, берущих на себя функции регулирования, менеджмента, корпоративных и посреднических функций национального государства. Возникновение *наднациональных* институтов также подрывает традиционные формы экологических реформ, осуществляемых национальным государством; (4) изменение позиции, роли и идеологии социальных движений. Они во всевозрастающей мере вовлекаются в процессы публичных и частных решений, касающихся экологических реформ. Наблюдается также их сдвиг от анти-системной и демодернизационной идеологий в сторону реформистской; (5) меняющиеся дискурсивные практики и возникновение новых идеологий. Полное отрицание важности экологических проблем и фундаментальное противостояние экономических и экологических интересов более не является главенствующей политической позицией. Межпоколеновая солидарность в отношении устойчивости среды жизни (*sustenance base*) выступает сегодня безусловным ключевым принципом (Mol and Sonnenfeld, 2000: 6–7).

Еще раз повторим ключевую социологическую дилемму устойчивости глобальной экосистемы, сформулированную У. Бекком: «с какой стороны и от кого придет поддержка про-экологическим изменениям <в глобальном обществе>, поддержка, которая во многих случаях вероятно подорвет их собственный образ жизни, их привычные стандарты потребления, их социальный статус и изменит их условия жизни? Или, иначе: каким образом космополитическая солидарность, идущая поперек любых границ, станет реальным, «зеленеющим обществом», которая является необходимой предпосылкой для транснациональной политики, препятствующей климатическим изменениям?» Ключевая гипотеза Бека выглядит следующим образом: чем более мир будет объединен изменением климата, тем более он также будет им разделен, разобщен. Бек, именуя это *космополитической диалектикой* климатических изменений, задается вопросом: как эти противоборствующие тенденции могут приспособиться друг к другу? То есть, что ждет нас впереди: конфликт или кооперация? Заметим, что и Бек методологически ставит вопрос о *конflikте* в центр проблемы.

Ответы на эти вопросы, говорит далее Бек, предполагают изменение парадигмы: от все еще доминирующего сегодня «методологического национализма», оперирующего на основе не обсуждаемой предпосылки очевидной связи (и соответствия) между нацией, территорией, обществом и культурой –

к «методологическому космополитизму». Точнее, мы живем не в век космополитизма (в его старом философском понимании – О.Ян.), а в век космополитизации – «глобальный другой» уже внутри нас. Как климатические изменения инициируют новые формы власти, неравенства и небезопасности – вот фокус эмпирического исследования глобальной устойчивости (Бекк, 2010).

Мировое социологическое сообщество наконец стало осознавать, что люди и они сами, социологи, живут на Земле, потребляют ее ресурсы, и что потребительская идеология элиты и масс несет реальную угрозу всему живому. Если полугодом ранее Климатический саммит в Копенгагене на высшем уровне (2010) не произвел на социологов никакого впечатления, то полугодом позже лидеры мировой социологии только и говорили о последствиях глобального потепления. Причем не просто «говорили», а старались понять их предметно: строили графики, вычисляли вероятность наступления очередной экологической катастрофы, степень ее влияния на экономику и население и т. д. Как ни старались социологи десятки лет смотреть на мир отстраненным взглядом аналитика *социальных* процессов, катастрофа в Мексиканском заливе произвела на них шоковое впечатление. Потопы в Европе и Азии, засуха и пожары в России, катастрофа в Японии лишь повысили градус дискуссий относительно связи социума и Биосферы. Вообще временами создавалось впечатление, что социологи начинают познавать азы «устойчивого» (sustainable) сосуществования человечества и природы, хотя его принципы не-социологи сформулировали почти полвека назад. Достаточно напомнить исследования международной группы по руководством Д. Медоуза, которые велись в 1970-е гг. (доклады Римскому клубу), работы таких классных специалистов как У. Бека (Германия), Р. Данлэпа (США), М. Фишер-Ковальски (Австрия) или группы под руководством Ст. Бойдена (Австралия), а также русских ученых М. Будыко, А. Яблокова, Н. Реймерса, М. Лемешева. Но нет, тогда предостережения экологов и экосоциологов остались втуне, поскольку мир был обуян страстью экономического роста и потребительства.

Заметим, что если обозначенные сдвиги присущи высокоразвитым странам, то в переходных обществах и тем более в развивающихся странах ситуация сильно отличается. Вот те же, обозначенные западными экосоциологами позиции, но применительно к России: (1) да, роль науки и технологии в России тоже изменяется. Но в каком направлении? – Прежде всего продолжается распад комплекса наук, ориентированных на экологические реформы (Нигматулин, 2001). Оставшиеся силы направлены на самосохранение или действуют в традиционном направлении «участия в ликвидации последствий». Лишь в очень немногих отраслях, и то под давлением гражданских организаций, сдвиги, подобные тем, что происходят на Западе, начинаются; (2) «рыночная динамика» до сих пор в отношении природы носит потребительский и разрушительный характер. Лишь в лесной и немногих других отраслях по инициативе гражданских организаций российский бизнес учится работать по международным стандартам; (3) роль национального государства не ослабляется, а, напротив, усиливается. Властная вертикаль исключает участие гражданских организаций в принятии государственных решений и формировании экологической политики, концепции, которой до сих нет, – не выполняются даже экологические требования Конституции РФ; (4) экологическое движение существует, борется с нарушениями экологического законодательства, но это – реактивные действия. У него тоже нет науч-

но-обоснованной позитивной программы. Оно по-прежнему преимущественно протестное, и сдвига в сторону реформизма как идеологии и как практики не наблюдается. Слабость его еще в том, что оно, поддерживаясь западными единомышленниками, практически до самого последнего времени не взаимодействовало с другими российскими социальными движениями. Только в 2010 г., накопление критической массы социальных проблем по всей стране привело к консолидации сил гражданского общества для решения экологических проблем уже как социальных; (5) отрицание государством важности экологических проблем, разработки программы экологической модернизации страны и фундаментальное противостояние экономических и экологических интересов продолжается. Что касается межпоколеновой солидарности, то она попросту отсутствует: дети богатых уезжают в западные страны, а детям бедных уготована роль риск-потребителей. Вообще, проблема поколения “next” для экологической модернизации России – одна из ключевых. Какой выбор оно совершит? Что для него будет конечной целью: индивидуальное благополучие или общественное благо? Оно просто выскажет свое мнение или включится в небезопасную длительную борьбу за сохранение природы? Замечу, что надежды зеленых прибалтийских стран после вступления их независимых государств в Европейский Союз значительно потускнели (Rinkevicius, 2000), а кризис 2008-09 гг. вообще привел их на грань развала.

Вернемся однако к выявлению сущности экомодернизации: и в мире, и в России должна быть не только информационная и технологическая модернизация, но и *социально-экологическая*. Социально-экологическая модернизация (далее СЭМ) понимается мною как *процесс* развития общества и государства в глобальном контексте, обеспечивающий одновременное достижение нескольких целей: устойчивое, но при этом поступательное развитие общества, наращивание его экономической мощи и социального потенциала при одновременном сохранении чистой и безопасной среды обитания, обеспечение его экономической и иной безопасности при минимальных рисках и необратимых потерях для локальных экосистем и биосферы в целом. То есть СЭМ – *системное* понятие, в основе которого лежат ключевые цели и ценности общества. Показательно однако, что в оргкомитет недавно прошедшей в конце прошлого года Всероссийской научно-практической конференции «Экологическая модернизация России: роль науки и гражданского общества» не вошел ни один социолог или политолог, не говоря уже об экономистах и специалистах по геополитике.

Исторически развитие идеи СЭМ прошло несколько этапов. Сначала человек стремился захватывать части природного ландшафта, сохранять их (и уничтожать тоже) в чисто утилитарных целях для обеспечения собственного существования. За эпохой Великих географических открытий последовала эпоха великих геополитических войн и колониальных захватов. Позже, там, где индустриализация развивалась особенно бурно, родилась противоположная идея: «возврата к природе», «к жизни в мире с нею», одним из выразителей которой был Р.У. Эмерсон (см. о нем: Покровский, 1995). Далее, ученые поняли, что поскольку эксплуатация природы охватывает весь мир, все его среды (горы, землю, океан, леса и озера), то необходимо создавать и сохранять эталоны природы в виде заповедников, заказников и других особо охраняемых территорий. С сугубо научной точки зрения, это была необходимая идея и программа, поскольку нетронутых человеком экосистем оставалось все меньше.

Но реально, политически это была ущербная доктрина, поскольку, с одной стороны, есть трансграничный перенос, с другой, – природные аномалии и катастрофы, а с третьей, – невозможно было уследить за теми, кто явно или тайно этот заповедный режим нарушал. Как только в стране утвердился капитализм, эти лакомые куски природы были употреблены по иному назначению вновьявленными именитыми собственниками. Сегодня власть взялась за восстановление некоторых экосистем, многое уже утеряно безвозвратно.

В современном мире, охваченном транснациональным капиталом и перемещением огромных масс ресурсов, населения и информации по всему свету, нет уже отдельно «человека» и «природы»: человек экологизирован, природа социализирована. Но это – в теории. На практике СЭМ становится *все более конфликтным процессом* потому, что потребительское общество «живет природой». Их отношения – замкнутый круг: человек, все больше вмешиваясь в природу, используя ее ресурсы, создавая искусственные экосистемы, вынужден вкладывать все больше сил и средств в ее восстановление или поддержание в измененном (искусственном) состоянии. Сегодня «отходы» производимые обществом потребления, не только в виде мусора или промышленных отходов, но и людей, этих париев общества, которые ему уже не будут нужны никогда (*wasted people*, по выражению З. Баумана) – растущий по значению ограничитель любых усилий по модернизации производства и общества, так как всякое превышение несущей способности локальных экосистем и биосферы в целом вследствие интенсификации производства, строительства, освоения новых месторождений, вырубки лесов Амазонки, а главное – вследствие производства огромной массы ненужных человеку продуктов, порожденных индустрией дизайна и моды («копеечное разнообразие»), *возвращается бумерангом обществу* в форме сокращения рождаемости, роста заболеваемости и смертности, роста миграционных расходов и, самое главное, глобальными изменениями климата. Можно сказать, что поддержание социобиотехносистем (далее экосистем) есть необходимое условие поддержания социального порядка в целом. Но даже если рассматривать природу только как ресурс-для-человека, то ресурсы дикой природы, эстетическая ценность ландшафта, экологически качественная среда обитания в ближайшей и особенно отдаленной перспективе оказываются более выгодными экономически, чем традиционные сельское хозяйство или индустрия. Экологический туризм, рекреационная охота и рыболовство, просто отдых в окружении уникального ландшафта, неистощительное сельскохозяйственное производство оказываются экономически востребованными «очагами» СЭМ.

С точки зрения науки и этики, СЭМ – чрезвычайно сложная задача, потому что впервые ученым и политикам придется сопоставлять эффекты целевых краткосрочных вложений в целях модернизации и результаты ее средовых «бумерангов», не имеющих ни четкого адресата (риск-потребителя), ни определенной территории, ни однозначного срока давности. Придется сопоставлять и вычислять вложения в одну сферу (например, в повышение благосостояния) и их экологические риски (например, от вырубки лесов и застройки берегов рек). Наконец, надо готовиться к грядущему пересмотру базовых международных принципов, определяющих принадлежность ресурсов тем или иным странам. Если Земля – действительно «Общий Дом», а иной альтернативы, похоже, нет, то неизбежно придется делиться дефицитными ресурсами. Это – чрезвычайно болезненная экономическая и гуманитарная

проблема, к которой только начинают искать подходы. Хотя теоретический ключ к ней давно найден: это – междисциплинарность, системность теоретического анализа, умение социологически интерпретировать природные процессы и, наоборот, – способность видеть в социологическом анализе ключ к пониманию природных явлений. Этими качествами обладали не только люди эпохи Возрождения, но и наши русские ученые: В.В. Докучаев, В.С. Соловьев, В.И. Вернадский, Д.И. Менделеев, П. Сорокин и многие другие (Менделеев, 1991; Моисеев, 1982, 1996; Соловьев, 1996; Сорокин, 1994, 2004). Работа П. Сорокина «Голод как фактор», основанная на огромном статистическом материале, является, с моей точки зрения, классикой социально-биологического исследования. Куда же эта ценнейшая способность русской науки делась? – Она исчезла тогда, когда власть создала непроницаемые институциональные границы между дисциплинами, создала «закрытые города», подчинила естественные науки нуждам ВПК и всю систему образования построила по монодисциплинарному принципу. Заметьте: как только эта железная пята ослабевала, в Академии наук и вне ее возникали многочисленные межведомственные советы и комиссии, принцип работы которых был не отраслевой, а *проблемный*.

В позиции догоняющих

Ключевые положения В.И. Вернадского о «человеке как геологической силе», изменяющей природный мир и самого себя, его же идея «автотрофности человечества» опередили на полвека разработанную американскими учеными У. Каттоном, Р. Данлэпом и Л. Милбресом в конце 1970-х – начале 1980-х гг. концепцию новой экологической парадигмы (НЭП), ключевым постулатом которой является идея предела вмешательства человека в природу (Catton and Dunlap, 1980; Milbrath, 1984). Если даже не обращать внимания на работы Д.Н. Анучина, В.В. Докучаева, Д.И. Менделеева, В.С. Соловьева, П. Сорокина и других выдающихся российских ученых второй половины XIX – начала XX вв., говоривших о том же самом, но только с цифрами в руках, а не чисто теоретически, то в работах членов Римского клуба 1960-70-х гг. идея «пределов» была не только высказана, обоснована, но и просчитана на гигантском статистическом материале планетарного охвата. Однако американская социология, тогда лидер мировой социологии, проигнорировав все это, выдвинула НЭП как новацию, как открытие, и она силами ее же авторов ввела НЭП в историю мировой социологии. Типичная гегемонистская позиция. Поэтому, не раз писав об этом (Яницкий, 2007), на проблеме приоритета я не буду больше останавливаться.

Теперь несколько слов о собственно проблемах социально-экологической модернизации. СЭМ России представляет собой очень трудный качественный переход. Ее базовые цели противоречивы – устойчивость социума и биосферы, безопасность, идентичность, сохранение целостности России и мобилизации способности к развитию ее человеческого потенциала. По сути эти цели взаимосвязаны, например, целостность обеспечивается общностью базовых ценностей и респонсивностью социальных институтов. Способность к развитию – справедливым перераспределением богатства и преодолением отчуждения между властвующей элитой и гражданским обществом, а не

только ростом доходов и «непрерывным обучением» и т. д. Но иного выхода нет, поэтому, повторюсь, экосоциологию (в эпистемологическом смысле) я рассматриваю как перспективу развития социологической науки вообще (Яницкий, 2009).

Основные ориентиры СЭМ: (1) не продажа природных ресурсов и тем более не добровольная отдача ресурсов интеллектуальных, а расширенное воспроизводство последних, прежде всего институтов образования, науки и инженерии для того, чтобы осуществить переход от модернизации, основанной на «ресурсной модели», к развитию, основанному на сохранении культурной традиции и «информационных технологиях»; (2) от модели роста только «сверху вниз» к сбалансированному развитию, включающему позитивную динамику «изнутри вовне» и «снизу вверх»; (3) это в совокупности означает, что необходим постепенный отход от «геополитики труб» в направлении усилий по консолидации основных социальных сил в городах и регионах, по накоплению социального капитала, преодолению отчуждения богатых и бедных, реальной самоорганизации на местах и сохранению культур малых народов. «Ещё В.В. Леонтьев сказал, что, если хотите удостовериться в состоянии производства, то посмотрите, какова динамика энергопотребления. В сельском хозяйстве энергопотребление упало на 20%. То же самое происходит и в железнодорожных перевозках. Общая идея такова, что нам нужно опираться на собственные ресурсы; основным инвестором должен быть народ, а не иностранный капитал. Имея достойную зарплату и идя в магазин – человек сам инвестирует в свою страну» (Нигматулин, 2001: 6); (4) поскольку «триада» ведущих стран (США, ЕС и Китай) тоже развивается, нам нужна *стратегия ускоренного прохождения* необходимых этапов формирования «информационной модели», как-то: обучение, копирование западных образцов и самостоятельное производство новейших технологий. Значит ли это, что речь опять идет о модели «догоняющего развития»? – вопрос пока остается открытым.

Переход к СЭМ России очень труден по многим причинам: (1) она – северная цивилизация, отсюда ресурсы дороги и будут дорожать по определению, инфраструктура тоже, и вообще – процесс обживания территорий потребует больших вложений; (2) «Кольцо нестабильности» вокруг России будет постоянно отвлекать ресурсы для обеспечения ее безопасности, для политики сдерживания. То есть доступ к ресурсам и их воспроизводство будут все более дорогостоящим делом; (3) постоянно будет возникать противоречие между задачами роста и развития, скажем, насыщением потребительского рынка и обеспечением безопасности страны, между «открытостью», то есть необходимостью включения в глобальные торговые, экономические и информационные системы, и «закрытостью», необходимой для сохранения целостности и безопасности страны и идентичности ее граждан; (4) это, в свою очередь, как показал опыт стран Юго-восточной Азии и Латинской Америки, означает, что элементы авторитаризма как условия обеспечения этого перехода в той или иной степени неизбежны; (5) это также задача преодоления внутреннего сопротивления компрадорской буржуазии и связанного с нею сервис-класса, которых устраивает status quo; и (6) наконец, это задача коллективного лидера СЭМ, способного политически сформулировать цели такого перехода и возглавить их реализацию.

Отдельно следует рассмотреть геополитический аспект устойчивости экомодернизации. Внутренняя российская периферия более чем нестабильна. Но внешняя периферия – Средняя Азия, Ближний Восток, страны Черноморского региона (так называемая «дуга нестабильности») тоже вносит элемент неустойчивости или, по крайней мере, отвлекает силы и ресурсы, необходимые для поддержания устойчивости. Сегодня в связи с начавшейся борьбой за ресурсы шельфов Ледовитого океана «дуга нестабильности» грозит превратиться в «круг нестабильности», охвативший страну. Россия всегда считала себя европейской державой, и ее ресурсные потоки и культурные связи направлены прежде всего на Запад. Но каковы будут отношения с Востоком – с Китаем и странами Юго-Восточной Азии? Как рассматривать сеть транснациональных нефтепроводов Восток-Запад: как стабилизирующий или как дестабилизирующий фактор?

Теперь о лидерах СЭМ. Этот вопрос особенно труден. В течение всего XX в. это была интеллигенция. Но этой группы осталось мало. Лидерами СЭМ явно не могут быть ни чиновничество, ни сервис-класс. Вопрос о властвующей элите как о лидере СЭМ остается открытым. Первые лица страны периодически делают ширококовачательные заявления о необходимости охраны природы, но реальная промышленная и техническая политика идет пока в противоположном направлении. О коррумпированной и теневой экономике я уж не говорю. Остается интеллигенция, молодая и умудренная опытом, которая с начала XX века была и остается лидером этого процесса, насколько он вообще возможен в нынешних условиях. Но чем хуже будет становиться среда непосредственного обитания масс людей, тем больше их примкнет к экологическому движению, возглавляемому этой интеллигенцией. Или покинет страну? К тому же, поскольку капитал становится транснациональным, у российского экологического движения нет иного выхода как стать частью глобального гражданского общества. Наконец, можно ли разделить экологию и политику? Как пишет Б. Вишневский, «Многие экологи считают, что решать экологические проблемы можно, не заходя на политическое поле. Мол, надо только 'научиться влиять на власть'. Но как это сделать, если нет реальных выборов и ответственности власти перед обществом? Как изменить государственную политику, в том числе экологическую, не заходя на политическое поле, и соответственно – не участвуя в процессах, которые только на нем и могут решаться? Иначе говоря, нельзя разделять борьбу за решение экологических и политических проблем: они прочно взаимосвязаны» (Экология и права..., 2010: 4).

Заключение

Попытаюсь собрать «пакет экомодернизации», то есть сумму неотложных (это не значит сиюминутных) практических мер, необходимых для ее реализации на деле.

Прежде всего необходима разработка идеологии экомодернизации. Ее ключевой элемент – это устойчивость экосистем (sustainability), однако такая устойчивость, которая не мешала бы ускоренному развитию, а была бы его опорой, стартовой площадкой. Но и то, и другое требует энергии. Значит, такое двуединое сохранение-развитие должно осуществляться при всемерной

экономии энергии, особенно учитывая рост населения Земли и сопровождающий его рост бедности. 50 лет – *реальный шаг отставания* социологии как науки от осознания (понимания) того, что нет отдельных природы и человека: природа социализирована, человек зависим от нее, а низко-углеродное общество – абсолютно необходимое условие для его дальнейшей устойчивой модернизации. Мы нуждаемся в глобальной солидарности, говорит Бек. Сегодня мы живем в исторически переходный период «космополитизации» (cosmopolitization). Отсюда, мы нуждаемся в разработке такого социологического взгляда на мир (master frame), а затем и проекта, на основе которых эта солидарность может быть создана.

Вообще сочетание устойчивости и изменчивости – ключевая проблема науки о биотехносфере, в которой мы живем. Но этого мало. Человечество создало города и села и связывающие их сети (дороги, подъездные пути, мосты и эстакады). Оно использовало реки и моря тоже как сети для своих нужд. Потом оно создало сети воздушного транспорта, сжигая кислород. Наконец, оно создало сеть нефтепроводов по всему миру. Для этого оно вырубало леса, изменяло течение рек и уничтожало национальные святыни и места национальной исторической памяти. При этом оно пренебрегало тем, что у природы тоже есть свои эко-сети (eco-networks), абсолютно необходимые для миграции птиц и животных и поддержания генетического разнообразия планеты в целом. Чтобы сохранить природу, нужно восстановить эти природные сети, пропустив их через городскую и иную застройку. Человек и дикая природа могут быть рядом, но не мешая жить каждому своей жизнью.

На этой диалектической паре (парадигме) должен быть основан пакет законов, регулирующих отношения человека и природной среды. Во многом такой пакет в СССР/России уже существовал, но был отменен в 2000-х гг. Теперь он снова должен быть актуализирован, но, естественно, в соответствии с новыми реалиями и вызовами, например, с грядущим изменением климата, растущей значимостью гражданских организаций, появлением интернета и т. д. Государство, бизнес и гражданские организации должны стать союзниками в деле сохранения природы России. Это – непростое дело, потому что принципом деятельности транснационального капитала является «набег» на некоторую территорию, содержащую нужный ему ресурс, с целью быстрого получения максимальной выгоды и столь же быстрое исчезновение, чтобы не понести никакой ответственности за причиненный вред.

Первым шагом здесь должно быть возрождение и укрепление института государственной и межгосударственной экологической экспертизы и общественных слушаний, они должны быть возвращены обществу и законодательно закреплены. Далее – это возвращение экологического воспитания и обучения на предприятия, в школы и вузы независимо от их ведомственной принадлежности. Особое внимание должно быть уделено экологическому обучению бизнеса и силовых структур. Рациональное использование природных ресурсов постепенно должно стать выгодным для бизнеса делом. Эти воспитание и обучение должны начинаться с раннего возраста, должны быть непрерывными, быть законодательно зафиксированы и финансово подкреплены. Во всех этих делах обеспечения просвещения, интерпретации и убеждения в необходимости охраны природы, в обучении населения и работников простейшим мерам предотвращения экологической опасности ключевая роль принадлежит СМИ. Особое внимание следует уделить технологическим решениям, инженерии

и проектированию в самом широком смысле слова: от проектирования отдельного инструмента и вплоть до разработки систем расселения, генеральных планов городов и инфраструктурных проектов. Вообще всякая реконструктивная деятельность и тем более инновация должны подвергаться тестированию на экологическую совместимость и безопасность.

Другая сторона этой проблемы: мониторинг. Современные технические средства позволяют отслеживать и выявлять любые нарушения экологического законодательства, а также фиксировать появление экологических угроз и возникновение экологических катастроф. Подготовка специалистов – дело особой важности. Подобно «президентскому корпусу», государство совместно с гражданскими организациями должны озаботиться формированием «корпуса защитников природы», начиная от граждан-экспертов на местах и до высших чиновников министерств, ведомств и международных организаций. Наконец, как я уже говорил, экосистемы имеют свою пространственную структуру, свои сети, с которыми должна согласовываться человеческая деятельность. В частности, я имею в виду бассейновый принцип организации и управления биосоциальными системами. А это значит, что необходимо сохранение не только особо охраняемых территорий, но и разнообразия сложившихся «устойчивых» социоприродных ландшафтов.

ГЛАВА 2

Модернизация в трех пространствах

Биосферное, социотехническое и виртуальное

Как мы выяснили в предыдущей главе, процесс экомодернизации РФ многомерен. Конкретно – это наличие трех уровней природоохранной деятельности или, шире, *трех уровней* экосистемных усилий человека: собственно природоохранного (и как его части – *территориального*, земного, воздушного или водного планирования); *социотехнического* (население, производство и его инфраструктура, институты, имеющие двойственный, территориально-поточный характер) и *виртуального*, где все природоохранные меры осуществляются в сетях и узлах виртуального пространства.

Иными словами, процесс экомодернизации развивается в *трех* пространствах: биосферном, социотехническом и виртуальном. Типологически, основой первого является территориально закрепленный «ландшафт» (суши или океана), обладающий некоторой совокупностью ресурсов и встроенный в метаболизм биосферы Земли. Этот ландшафт имеет определенную конфигурацию, размеры и несущую способность или предел интенсивного использования (*carrying capacity*), превышение которых превращает его из источника благ в источник рисков. «Ландшафт» особенно на местном уровне, требует бассейновой организации социально-экономических процессов. В течение веков главными ресурсами «ландшафта» были плодородная земля, леса и водные артерии. Сегодня таким ресурсом все более становятся водные ресурсы и полезные ископаемые.

Типологически основой второго, социотехнического пространства являются человеческие поселения, которые практически не имеют ни территориальных ограничений, ни пределов интенсивности их использования. Примером первого является строительство на польдерных землях в Голландии и Японии, а второго – Гонконг. Это – социально-экономически и технологически эффективный ландшафт, «вмещающий» столько финансовых, людских и иных ресурсов, сколько требуется для производства и транспортировки ресурса данного «места». Этот ландшафт практически независим от локальных условий, поскольку снабжается ресурсами извне и способен поставлять про-

дукцию далеко за пределами данного локуса. В пределе это – целиком сконструированный искусственный ландшафт, функционирующий прежде всего в интересах государства, территориального сообщества или общества в целом. Для модернизации российских регионов этот техногенный ландшафт абсолютно необходим, но создает риски для культуры и способов хозяйствования местных человеческих сообществ и поддерживающих их экосистем.

Третьим пространством является всемирная паутина обмена информацией и производства знаний как ресурса. Здесь я исхожу из такого ее понимания, согласно которому «какова бы ни была данная реальность, для нее возможна (при определенных условиях) виртуальная реальность, заменяющая, но не вытесняющая данную реальность», причем мы будем иметь дело как с пассивной, так и активной виртуальной средой (Силаева, 2009: 5, 6). Эта среда практически делокализована, хотя имеет пространственно фиксированные «точки опоры». Это – ведущая в мире «отрасль» производства, детерминирующая развитие двух предыдущих. Она также структурирована, имеет свои узлы и сети, свою плотность жизни, но в отличие от первых двух она фиксирована территориально лишь в нескольких точках, причем эти точки легко «отрываются» от земной привязки. Назовем его *сетевым* или *виртуальным поточным* пространством.

Но это – лишь теоретическая модель, на практике три названные пространства не только находятся в постоянном взаимодействии, но конфликтуют. Основой конфликта является разделение мира на богатых и бедных, *winner and losers*. Значительная часть населения России, особенно на огромных пространствах Сибири и Дальнего Востока, несмотря на десятилетия реформ, которые привели к резкому увеличению его зависимости от ситуации на мировых рынках и транснациональных экономических процессов, *остается сегодня в значительной мере привязанным к «месту»* – экономически и культурно.

Участившиеся неурожай, аварии и катастрофы, наличие заброшенных угодий и, напротив, ожесточенная борьба за владение участками земли в центрах и пригородах больших городов показывают, что функционирование этих трех уровней (пространств) не согласовано. Эта их рассогласованность имеет несколько причин, внутренних и внешних, объективных и субъективных. Но главным является тот факт, что *мир разделился на текучий и привязанный к месту*. «Текучесть» и «привязанность» – это социологический эвфемизм деления общества на богатых и бедных. Как пишет Зигмунт Бауман, мир все более разделяется на тех, кто живет, свободно перемещаясь во времени, и тех, кто вынужден жить в пространстве, то есть оставаться привязанным к «месту» (месту работы, городу, селу, жилищу, шести соткам, реке, лесу, природной экосистеме). Поэтому «Последняя четверть XX столетия, весьма вероятно, войдет в историю под названием “Великой войны за независимость от пространства”. В ходе этой войны происходило последовательное и неумолимое освобождение центров принятия решений (а также расчетов, на основе которых эти центры принимают решения) от территориальных ограничений, связанных с привязкой к определенной местности» (Бауман, 2004: 18).

Это – новая изменчивая *макроэкология мира*, в которую все более втягивается и Россия. Всепроникающий и постоянно мигрирующий поток (капиталов, товаров, природных ресурсов, людей, информации) против территориально закрепленного природного и культурного разнообразия «мест»

(социоприродных ландшафтов), которые поддерживают биосферу в относительном равновесии, – ключевой социально-экологический конфликт современности и главная проблема экомодернизации эпохи глобализации. Более того, Бауман еще 10 лет назад назвал нашу эпоху «текучей современностью», предвещая новый этап борьбы за передел мира. Сегодня этот процесс идет повсеместно. Понятно, что передел подразумевает не только захват территорий, но иное их использование. Другими словами, учитывая круговорот веществ в природе и обществе, Биосферу будут делить заново, но только более мощными средствами.

Стабильность Биосферы – неперемное условие существования всего живого, включая людей, организации и социальные институты. Как сделать так, чтобы, сохраняя динамизм социального и виртуального пространств, не разрушить его природную основу? Более того, модернизировать, то есть минимизировать это вмешательство, а если это необходимо, принять меры по реабилитации природных экосистем. Иными словами, *ключ к экомодернизации лежит в социальной системе* и ее виртуальном двойнике, в их целях, ценностях и институтах.

Внешние вызовы и внутренние ограничения

Три названных пространства не только взаимодействуют, но находятся под постоянным давлением внешних и внутренних сил. Однако направления действия этих сил противоположны. В «директивных», вертикально управляемых обществах природная среда рассматривается как неиссякаемый источник благ или как «отхожее место». В демократических обществах усилия гражданского общества направлены на экономное, эффективное использование этих благ с максимальным эффектом рециклирования, то есть возвращения в названные выше первое и второе пространства ресурсов и энергии для их повторного использования. Однако и в том, и в другом случае процессы метаболизма продолжаются с мало предсказуемым результатом, потому что, например, отходы ядерного, химического и ряда других производств рециклируются десятилетиями или не подлежат утилизации вовсе. Вот почему зеленые совместно с населением все активнее протестуют против захоронения отходов ядерного производства – как на своей территории, так и против ее транспортировки в другие страны.

С точки зрения власть предержащих, цели, задачи и методы экомодернизации должны разрабатываться в соответствии со стратегическими целями модернизации российского государства и общества, а именно:

- ослаблением ресурсной зависимости и диверсификацией экономики;
- повышением ее энергоэффективности;
- модернизацией производственного и инфраструктурного комплекса с целью экономии энергии и материалов, достижения западных стандартов качества;
- ростом народонаселения и повышения уровня его благосостояния;

- преодолением инерционности общественных процессов, мобилизацией интеллектуальных ресурсов для скорейшего перехода к информационному обществу;
- рациональным использованием природного потенциала регионов и сохранения разнообразия их экосистем.

Очевидно, что эта «плановая» стратегия сегодня плохо согласуется с изменчивостью внешнего мира, меняющейся диспозицией основных глобальных игроков, потоками капитала, людей и информации. Тем не менее, реализация указанных выше целей модернизации России, особенно при одновременном снижении нынешнего удельного потребления энергоресурсов, – условие ее самосохранения. Например, за прошедшие 30 лет Японии удалось повысить свой ВВП в 2 раза и сохранить высокие жизненные стандарты, не увеличив при этом энергопотребления и, следовательно, сохранив среду обитания (Мосахико, 2008: А04). Как пишет Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, для устойчивого развития экономики ключевое значение имеет соотношение расходов и сбережений – как государства, так и рядовых граждан (Стиглиц, 2008: А04). Чтобы максимально эффективно решать задачи (эко)модернизации, надо посмотреть на ресурсы, требуемые для этого, и ограничения, налагаемые на этот процесс извне. Критическими для определения путей и сроков экомодернизации России являются внешние вызовы и внутренние ограничения, которые в совокупности определяют общий *коридор возможностей* модернизации РФ. Часть внутренних ограничений детерминирована историческим (давним и советским) прошлым СССР/России, их социальной структурой, менталитетом и др. (так называемый *path dependence*). Однако, чем дальше, тем более именно *внешние вызовы* будут определять коридор возможностей модернизации России.

К таким внешним вызовам относятся:

- совокупная экономическая мощь «триады» (США, ЕС и Китай), оказывающая на РФ растущее экономическое и социальное давление (через финансовые рынки, потребительскую идеологию и средства массовой коммуникации);
- зависимость России от Запада вследствие хранения ее стабилизационного фонда в активах западных банков, и растущего долга частных заемщиков из России;
- нестабильность современной и неопределенность будущей финансово-экономической ситуации в мире, которая может неожиданно резко ухудшить положение России (как, например, падение цен на нефть и газ, уже идущий рост цен на продукты первой необходимости, коммунальные услуги, бензин, стройматериалы и т. д.). В результате этих и многих других процессов снова снизятся жизненные стандарты россиян, в который раз переводя часть «среднего класса» в категорию бедных;
- вхождение РФ во Всемирную торговую организацию (ВТО) на не слишком выгодных для нас условиях может окончательно дезорганизовать наше сельское хозяйство и потребовать реструктуризации промышленного производства, то есть практически – всего социально освоенного пространства;

- климатические изменения и техногенные катастрофы, способные хаотизировать установившуюся было «стабильность». Только для того, чтобы восстановить десяток домов в г. Невельске, разрушенных землетрясением в августе 2007 г., потребовалось несколько заседаний Правительства РФ, выезда высших чиновников на место и т. д. Что же тогда говорить об уже наступившей острой нехватке воды в ряде зерносеющих районах России;
- приближение НАТО к границам РФ, что, помимо дополнительных ресурсов на оборону, также потребует реструктуризации социально освоенного пространства, перемещения ряда промышленных производств на Восток, продолжение реформы армии;
- военная мощь США, превосходящая на порядок российскую, ограничивающая доступ РФ к дефицитным ресурсам;
- формирование по всей внешней границе РФ «круга нестабильности» и даже враждебности, что будет отвлекать ресурсы, необходимые для модернизации и ослаблять целостность российского государства;
- идеологическая война, ведущаяся против нас зарубежными СМИ, расшатывающая два идентифицирующих и объединяющих общество символа: образы (интерпретацию) прошлого и будущего. Уже началась «война памятей», подрывающая общность базовых ценностей не только россиян, но и всей группы славянских народов.

Отмечая значимость внешних ограничений, не забудем и о внутренних. К таковым прежде всего относятся:

- отсутствие «образа желаемого будущего», объединяющего нацию и способного вызвать «импульс модернизации». Ведущие теоретики мира ищут сегодня такой образ. Интеллектуальная элита России пока не способна создать образ будущего, который стимулировал бы российскую экомодернизацию. Как на Западе, так и на Востоке, осознают и используют мобилизующую роль идеологии, а мы в лучшем случае пытаемся импортировать новые производственные и социальные технологии. Разрыв между накоплением (внедрением) *hard power*, то есть попросту говоря, железа, и утечкой *soft power* (интеллектуального капитала) продолжает расти;
- но даже только «технологическая модернизация» имеет свои необходимые этапы: сначала надо приобрести ее образцы за рубежом, что мы сейчас и делаем, затем обучить работать на них российский персонал (его еще надо воспроизвести в достаточном количестве), и только потом можно начинать изобретать свои собственные новинки (В. Иноземцев);
- «усталость народа», истощение его энергетики, которую отмечают не только психологи, но и многие гуманитарии (В. Соловей, А. Ципко, В. Федотова и другие). Терроризм демобилизует население и стимулирует рост охранных и других консервирующих наличную ситуацию структур;

- «ресурсное проклятье», то есть возможность жить только за счет продажи сырья, привело к расколу нации на богатых и бедных, с разными целями и интересами, одновременно порождая вопрос: «Модернизация для кого? В чьих интересах?». Слой буржуазии, ориентированной на цели национальной модернизации, очень тонок, тогда как слой компрадорской буржуазии, заинтересованной в сохранении существующего, то есть (ресурсно-ориентированного) порядка, не уменьшается;
- отсутствие профессиональной и энергичной элиты, способной создать такой образ (модель) будущего, который бы мобилизовал население на его реализацию;
- как отмечают социологи, «модернизационный рывок захлебнулся», в том числе потому, что в РФ 60 процентов населения «низкоресурсное» и только 40 процентов – более или менее ресурсное (Н. Тихонова). В РФ растет не трудовой активный средний класс (О. Шкаратан), а сервис-класс, не желающий никаких перемен (Л. Бызов);
- наука и образование – по-прежнему в загоне, они не являются, как в развитых странах, мотором модернизации, в том числе экологической. Дипломы и научные степени имеют символический характер, а не являются сертификатом способности к модернизации чего-либо. «Образование без науки мертво», говорил В. Вернадский;
- объективно лидеры РФ стоят перед трудно совместимыми задачами. С одной стороны, нужны ресурсы для «удержания территории и сбережения населения» (Н. Шмелев, В. Федоров), то есть вложения в людей и среду их воспроизводства, в том числе, в охрану природы и уменьшение загрязнения окружающей среды; с другой, – нужны те же ресурсы для «рывка модернизации». Однако значительная часть уже накопленных ресурсов уходит в «черные дыры» коррупции и теневой экономики, лидерам которых нужно сохранение status quo, а отнюдь не модернизация. Коррупционные капиталы никогда не работают на модернизацию, они могут иметь с нее лишь «откат»;
- наконец, вся финансовая и управленческая система страны требует реконструкции в соответствии с международными стандартами менеджмента (прозрачность, подотчетность, проверяемость и т. д.).

Если кратко суммировать сказанное, то критическими для российской модернизации являются: политическая воля, резкое повышение жизненных стандартов основной массы занятых и ее интеллектуального капитала и время, то есть скорость осуществления перемен. Однако, по моему мнению, педагогический корпус страны, особенно на периферии, вынужден заниматься латанием дыр в общей культуре студентов, образовавшихся в семье и средней школе, а также озабочен проблемами собственного выживания, нежели приобщением студентов к актуальным проблемам современности и ростом их интеллектуального потенциала.

Наконец, еще одна серьезная проблема заключается в том, что ресурсы, требуемые для начала экомодернизации, сами требуют ресурсов, прежде всего – вложений в *мотивацию* и повышение качества обучения *обучающих*. Однако на нашем «рынке» ключевыми критериями являются не накопле-

ние интеллектуального капитала, а размер прибыли, способность удержать ее в своих руках. С этой точки зрения, наиболее доходными (ликвидными) являются добыча и транспортировка природных ресурсов. За ними следуют коммерческое жилищное строительство и СМИ. Далек позади них находится тяжелая индустрия, требующая огромных затрат на техническое перевооружение, модернизацию управления и (переобучение) персонала. Наконец, на последнем месте находятся вложения в науку и высокие технологии, в подготовку квалифицированной (и потому дорогой) рабочей силы. Собственник всегда ориентируется на «предложения, сулящие прибыль» (value creative proposition), которые сегодня исходят из «ресурсной сферы», но не от науки и техники.

Как отмечалось, критическое значение имеет *время* – время устойчивого реализации планов экомодернизации, сроков расчета по вексям (у нас велик внешний долг государства, и, в особенности, частного бизнеса и массового индивидуального заемщика). Огромное значение имеет момент наивысшего эффекта вложений в человека, синхронизации экономических и социальных мер, время мобилизационного перехода к следующей фазе развития, время освоения (интернализации) инноваций. Одним из самых трудно вычисляемых временных параметров является время (период) смены ценностных установок элит. Как свидетельствует истории России, легче создать новую элиту, чем перестраивать старую, которая и является главным противником экомодернизации или придерживается ее узкотехнической версии: развитие нанотехнологий, модернизация нефтегазового комплекса.

Диверсификация экономики и, следовательно, появление новых точек роста в пространстве страны, уже началась. Однако, как полагают эксперты, сложившаяся ресурсная ориентация экономики в целом весьма инерционна, геополитически зависима от мировой конъюнктуры и потому будет развиваться в существующем (или слегка модифицированном) ритме еще как минимум 20–25 лет.

Как же в таком неопределенном, подвижном и непредсказуемом, а главное, утилитарно ориентированном мире, строить стратегию экомодернизации России? Как вписать текущий социальный и экономический мир в Биосферу, стабильность которой формировалась сотни тысяч лет?

Пространство ее субъектов (агентов)

Прежде всего – кто они? Как их много? В общем и целом – это граждане мира, обеспокоенные состоянием среды своего непосредственного обитания и получившие благодаря IT возможность профессионального и бытового общения в двух сферах (на двух площадках): «земной», где действуют правила и нормы общества, и виртуальной, где санкционированные нормы общения слабее или даже могут устанавливаться самими общающимися. В последнем случае это «общение индивидов как индивидов», то есть почти по К. Марксу, с той только разницей, что Маркс имел в виду общение рабочих во время досуга, которое он называл «сферой возвышенной деятельности». Сегодня же виртуальная сфера может быть средоточием возвышенного или напротив, «смехового низа» (М. Бахтин).

Я называю всех их экологически обеспокоенными (*environmentally concerned*), потому что они уже *осознали связь* состояния среды обитания (а некоторые из них, и биосферы в целом) и качества своей жизни и жизни своих детей и внуков. С точки зрения социологии, это – экологически ориентированная часть общества, как чиновничьего, так и гражданского. Ориентированного, но по-разному, поскольку они делятся на две группы: большую (пассивную), которая в принципе хотела бы жить в чистой и безопасной среде, но никаких конкретных усилий для создания сетей охраны природы не предпринимает. И меньшую, активную (которых называют субъектами, акторами или агентами экомодернизации), которую составляют те, кто в той или иной форме действительно охраняют природу. Последняя группа в свою очередь делится на несколько подгрупп, о которых будет сказано ниже.

Виртуальная сфера экологически обеспокоенных имеет многослойную и чрезвычайно подвижную организацию. Ее типологическими полюсами являются: [1] пассивная масса (так сказать, виртуальная «толпа обеспокоенных», в которой могут быть свои лидеры); и [2] активные субъекты (акторы) экомодернизации в форме совокупности групп, возглавляемых учеными, независимыми экспертами и/или рядовыми гражданами. Между ними находится «виртуальный бульон», то есть экологически обеспокоенные индивиды, группы и движения разной ориентации и калибра, разбросанные по всему миру и имеющие доступ к виртуальной сфере. Часть из них – сторонники обеспокоенных, поддерживающие их морально и материально люди, то есть их социальная база (*constituency*). Другая часть состоит из пассивных обеспокоенных и «наблюдателей» (*free-riders*), которые в случае успеха активных субъектов, не прилагая никаких усилий, не прочь воспользоваться плодами их усилий. Но все эти три типа суть *таксономические группы*, то есть люди, имеющие некоторые общие характеристики, но которые могут быть или не быть связанными между собой. Здесь принципиально важно, что в этой сфере люди могут свободно высказывать свое мнение, дискутировать или просто общаться, создавать *ad hoc* группы и объединения и переходить из одной в другую.

Соотношение между активными и пассивными зависит от многих обстоятельств, то есть от контекста, но в принципе до недавнего времени экологически обеспокоенные всегда составляли меньшинство. Во-первых, человек вообще живет природой. Во-вторых, капитализм интенсивно эксплуатирует ее, следовательно, все вовлеченные в капиталистическое производство потенциально являются анти-экологистами. Но если дикий капитализм, как у нас, попросту грабит ее, то более цивилизованный, как в постиндустриальном мире, эксплуатируя природу, заботится о минимизации негативных для природы и населения последствий. В-третьих, в богатых странах обеспокоенных больше, чем в бедных, что естественно. В-четвертых, СМИ по всему миру, но прежде всего у нас, работают против экологически обеспокоенных граждан, создавая анти-экологическую информационную среду. Потому что целью капиталистического способа производства является накопление капитала любой ценой. В-пятых, наличие множества локальных войн и вооруженных конфликтов означает не только разрушение природы, но отсутствие общественного контроля за ее состоянием. В-шестых, еще не закончившийся экономический кризис показал, что даже цивилизованный капитализм думает о сохранении природы в самую последнюю очередь (см. пример с экологической катастрофой в Мексиканском заливе, сотворенной “British Petroleum”). Наконец, капита-

лизм как система создал свою экологическую идеологию: «заплати рубль и за тебя посадят дерево», То есть капитал стремится перевести охрану природы на свои коммерческие рельсы.

Теперь – о борьбе земных и виртуальных сил. Собственно говоря, борьба за экомодернизацию есть борьба между акторами второго и третьего пространств. М. Кастельс: «в сетевом обществе властные отношения в значительной мере определяются внутри пространства коммуникации» (Castells, 2007). Это означает, что глобальные группы СМИ (media) суть ключевые социальные акторы, потому что они способствуют формированию социального мира посредством контроля над интерпретацией проблем (issue-framing) и узлами входящих и исходящих информационных потоков (information gate-keeping) (Arsenalt and Castells, 2008: 488). «Где в сетевом обществе сосредоточена власть?», спрашивают эти авторы. – «С одной стороны, наиболее фундаментальным механизмом ее доминирования является ее способность исключать индивидов и человеческие сообщества из тех сетей, которые конституируют властную структуру сетевого общества. То есть власть действует по принципу включения/исключения (inclusion/exclusion). С другой, если мы посмотрим на тех, кто включен в сети, их способность контролировать других зависит от двух базовых механизмов: [1] программирования и ре-программирования целей, предписанных этим сетям; и [2] способности соединять различные сети, обеспечивая их кооперацию посредством общности целей и роста их ресурсов. Держатели первого механизма суть “программисты”, держатели второй – “переключатели”» (Arsenalt and Castells, 2008: 489). «Переключатели» – это те, кто связывает воедино политическое лидерство, сети СМИ, научные и технологические, военные и безопасности с целью формирования нужной геополитической стратегии. Сила «переключателя» зиждется на трех стратегиях: [1] вертикальный контроль и горизонтальные связи; [2] безжалостная рыночная экспансия; и [3] овладение общественным мнением и мнением политической элиты (Arsenalt and Castells, 2008: 491). Фактически это бизнес-стратегия. Возникает вопрос: должны ли акторы экомодернизации следовать ей?

Очевидно, что первая, «свободная» сеть находится в конфликте со второй, директивной, предписывающей первой тот или иной тип поведения. Отсюда, на первый взгляд, следует, что «свободная» (виртуальная) сеть охраны природы будет лишь в том случае *оптимальной*, то есть *эффективной*, если обретет подобную же силу «программиста» и «переключателя», объединяя в своих действиях политическое лидерство, общественное мнение, научные и технологические ресурсы и т. д.

Ключевой вопрос для идеологов и лидеров экомодернизации: повторять эту бизнес-стратегию или искать свою? Верно, что коль скоро эколидеры нацелены на экомодернизацию, они тоже должны обладать способностью «программировать и переключать», что они уже и делают. К тому же у указанной бизнес-стратегии есть две существенные независимые переменные: потребности и интересы людей и сила самой природы. Как показало жаркое лето 2010 г., экокатастрофа изменила общественное мнение людей, резко увеличив число экологически обеспокоенных, создала виртуальные общности помощи погорельцам, стимулировала интернет-мобилизацию человеческих и технических ресурсов для помощи людям и борьбы со стихией, повлияла на позиции политических лидеров страны. С осторожностью можно сказать, что возник и укрепился альтернативный центр силы про-экологической направленности.

Что нужно, чтобы эта сила возрастала и дальше? Первое, необходимо иное понимание охраны природы: не как «защиты» или «борьбы против», но как *креативного* процесса, поднимающего ценность природного участка или ареала и повышающего социальный потенциал его создателя. Не только экономика, но и охрана природы должна стать креативной. Творчество основано на программировании и само-программировании, «переключение», включая процесс «включения-обособления» эоактивиста, о котором речь шла выше, необходимо для повышения его творческого потенциала.

Второе, это – интеграция и консолидация природоохранных сетей. Сегодня бизнес, а за ним власть фактически приобрели *транснациональный* характер, а сети защитников природы, за исключением нескольких, все еще в своей массе разделены локальными или национальными перегородками. Речь не идет о создании новых зеленых партий – как выяснилось, они не слишком эффективны ни в «мирное», ни тем более в «мобилизационное» время. Речь идет о другом – о создании природных коридоров, необходимых для устойчивого функционирования живых экосистем (eco-net) (Соболев, 2003, 2003а) и, соответственно, – о быстром и эффективном объединении в сеть экологически обеспокоенных граждан России и всего мира, включая тех, кто обеспокоен угрозой вселенской экологической катастрофы. А этот тренд существует и давно отслеживается учеными (см. Kaldor et al., 2003). Нет иного средства реализации способности «программировать и переключать» экологическую политику, как создание *глокального* виртуального экологического сообщества. «Глокальность» здесь обозначает включение местных сил в общемировое экологическое движение.

Третье. Государственное программирование сетей охраны природы должно гибко сочетаться с их само-программированием и реструктурированием в зависимости от изменения социально-экономической и природно-климатической ситуации. Одно дело – стратегическое программирование, осуществляемое государственными органами охраны природы в устоявшейся ситуации и совсем другое – в мобилизационной, связанной как с целью модернизации, так и экокатастрофами.

Четвертое, – это создание публичной площадки для дискуссии, альтернативной официальным СМИ. По существу сегодня им уже является виртуальное пространство. Разве на этом поле обеспокоенные не способны работать над общими целями охраны природы, вести пропаганду экологических знаний, превращать локальные и национальные экологические движения в транснациональные? Превращать – не значит раствориться в них, а объединяться вокруг общих целей.

Пятое. Как показало «горячее лето» и ледяные дожди 2010-11 гг. в России, виртуальная сеть есть наиболее эффективный инструмент мобилизации сил для ликвидации последствий экологических катастроф, для оказания помощи погорельцам, для реабилитации пострадавших и восстановления природы. Вместе с тем, опыт полувековой борьбы за сохранение озера Байкал показал, что гражданские организации способны не только «программировать» митинги протеста и мобилизовывать ресурсы в защиту озера, но и предлагать и разрабатывать *альтернативные проекты* реабилитации загрязненных территорий.

Шестое. Участвовавшие экономические кризисы и экологические катастрофы постепенно формируют анти-потребительское отношение к природе и ее ресурсам. Не только масса «трудяг», но и богатые начинают осознавать, что их «оазисы благоденствия» могут быть стерты с лица Земли или потерять свое качество жизни в результате очередной экологической или техногенной катастрофы. Пример: blackout на Рублевке и других элитных пригородах Москвы или катастрофа в Японии.

Седьмое. Природоохранная сеть (в ее земном и виртуальном вариантах) – мощный инструмент экологического воспитания и образования. Для чего необходим переход от предметного обучения к *проблемному*, когда целью учебного процесса является не получение «пакета знаний», а способность решать конкретные социально-экологические проблемы. Это автоматически выводит нас на проблему междисциплинарного и межсекторального взаимодействия. Организационными формами такого экологически ориентированного обучения должны быть сайт (форум) и проект. «Стрелялки» как модель жизни должны быть вытеснены из детского и подросткового досуга «сажалками» (деревьев и садов) и «гулялками» (с собаками и другими домашними животными) как модель созидания, креатива и принятия ответственных решений. Смысл интерактива как основы виртуальной экологической игры – не погоня (хищник-жертва), а взаимодействие, приспособление друг к другу (Кавтарадзе, 2009).

Местное самоуправление – базовый элемент охраны природы

Именно на этом уровне сосредоточены главные проблемы ее охраны. И главная из главных – это экономическое и политическое ограничение местного самоуправления, несмотря на наличие соответствующего закона РФ и ряда подзаконных актов. Я приведу оценку сложившейся ситуации «снизу», данную действующими лицами этой структуры (см. подробнее: Макарова и др., 2009).

Первоочередная их них: финансовая. Бюджетные доходы излишне централизованы, а муниципальные дотационны. Чем меньше поселение, тем больше вероятность что оно является или будет банкротом. Образуется замкнутый круг: *нет ресурсов – население пассивно*, так как знает, что средств на развитие поселения нет. Одной из причин является пресловутый Лесной кодекс РФ, который закрепляет за органами местного самоуправления полномочия в отношении лесных угодий только применительно к лесным участкам, находящимся в муниципальной собственности. Как справедливо отмечают местные депутаты, «Лесная деревня осталась без леса», который до сих пор был ее кормильцем. Передача свободных земель, находящихся в государственной собственности под юрисдикцию местных поселений не завершена, чем пользуются рейдеры, часты самозахваты этих земель.

Коль нет достаточных прав и ресурсов, то депутаты советов поселений к выполнению своих обязанностей не готовы, по поводу периодически возникающих конфликтных ситуаций негде и не с кем проконсультироваться, тем более – иметь доступ к необходимым источникам информации. Власть одной партии приводит к политическим кризисам *поселенческого уровня*.

Попытки объединения сил гражданского общества не приводят пока к декларированным результатам. Так, «выразителем интересов поселений и их помощником мог бы стать Совет муниципальных образований Республики Коми – некоммерческая организация, существующая на взносы муниципалитетов, в которой 90% голосов принадлежит представителям поселений. Но... этого не происходит, Совет МО Республики Коми не выполняет своих уставных задач» (юридическая и методическая поддержка, защита их интересов, наличие собственного органа СМИ и т. д.). Отсюда, как полагают на местах, необходимы:

- «либо поддержка слабой политической оппозиции на муниципальном уровне, либо деполитизация муниципальной власти»;
- развитие стратегического планирования, включая «программу поддержки и развития местного самоуправления»;
- постоянное информирование населения «любыми доступными средствами», привитие знаний и практических навыков самоуправления начиная со школьной скамьи (Макарова, 2009: 8–11).

Среди других рекомендаций, выработанных депутатами совместно с представителями общественности Республики, названы:

- создание Советов муниципальных районов по принципу равного числа представителей от каждого поселения;
- информационное обеспечение, включая создание консультативного центра и налаживание обмена информацией между поселениями;
- создание площадок для диалога власти и общественности для общения и обмена опытом;
- содействие развитию различных форм территориального общественного самоуправления;
- поиск и поддержка лидеров общественного мнения, без которых эффективное местное самоуправление невозможно;
- стимулирование работы муниципальных образований по расширению налогооблагаемой базы поселений (Выводы..., 2009: 34–35).

Возвращаясь на 10-12 лет назад, к чести российских социологов надо сказать, что попытки их систематического сотрудничества с экоактивистами и представителями местной власти делались неоднократно, в частности в рамках проекта «Участие. Социальная экология регионов России», который тогда осуществлялся при финансовой поддержке Программы «МАТРА» Министерства иностранных дел Нидерландов (см. Халий, 1999), причем в ходе работы по данному проекту, в частности выяснилось, что еще в дореволюционной России существовали самодеятельные организации, осуществлявшие охрану лесов. Однако, как только социологи уходили, проекты и программы, разработанные ими совместно с местными активистами и депутатами, прекра-

щали свое существование (см. одноименную серию публикаций под редакцией О. Аксеновой и И. Халий). Местная администрация делала все, чтобы единолично распоряжаться ресурсами, как находящимися под ее юрисдикцией, так и за ее пределами.

Ситуация начинает меняться

В течение полувека государства и транснациональные корпорации (ТНК) не обращали внимания на предостережения ученых, отсекая их от рычагов экологической политики. Напротив, капитализм всеми возможными средствами развивал потребительскую идеологию, которая требовала все больших трат природных ресурсов. Но в конце прошлого века наступил *кумулятивный эффект* «суммы антиэкологических технологий». Рост народонаселения и его потребления, сведение тропических лесов, опустынивание, тайфуны и торнадо, резкие колебания климата, превращение плодородных земель в территории, непригодные для жизни, в сочетании с геополитическими войнами и этно-политическими конфликтами создали «эффект бумеранга» (У. Бек). Сохранение среды обитания из программ научных дискуссий перешло в политическую повестку дня. Пока было плохо у кого-то там, далеко в Африке, богатый мир это мало волновало. Но когда природные катаклизмы ударили по виллам и пляжам самых богатых, когда качество жизни среднего класса резко пошло вниз, лидеры стран «золотого миллиарда» забеспокоились.

С другой стороны, социологи и политологи наконец поняли, что экология – это остро социальная и политическая проблема. Свидетельство тому – недавний Всемирный социологический конгресс, прошедший под флагом экономии энергии и сокращения потребления. Мировые авторитеты поняли, что переход от осознания серьезности проблемы устойчивости Биосферы к ее практическому решению угрожает фундаменту капиталистического общества. Повторю еще раз формулировку ключевого социологического вопроса: «с какой стороны и от кого придет поддержка про-экологическим изменениям, поддержка, которая во многих случаях вероятно подорвет их собственный образ жизни, их привычные стандарты потребления, их социальный статус и изменит их условия жизни? Или, иначе: каким образом космополитическая солидарность, идущая поперек любых границ, станет реальным, «зеленеющим обществом», солидарность, которая является необходимой предпосылкой для транснациональной политики климатических изменений?» (У. Бек).

Бек говорит о необходимости глобального исследовательского проекта с целью использования идеи «методологического космополитизма» для разработки социологического концепта (framework) для понимания последствий изменений климата с двух взаимодополняющих позиций. Первая: в какой степени изменение климата будут фактором *глобальной трансформации* власти и неравенства, потенциально ведущих к конфликтам с применением насилия? И вторая: насколько далеко изменения климата будут способствовать созданию *космополитических «риск-сообществ»*, пока что сильно разобщенных социально и отдаленных друг от друга географически?

Ключевая гипотеза Бека выглядит следующим образом: «чем более мир будет объединен изменением климата, тем более он также будет им разделен, разобщен». Бек, именуя это *космополитической диалектикой* климатических

изменений, задается вопросом: как эти противоборствующие тенденции могут приспособиться друг к другу? То есть, что ждет нас впереди: конфликт или кооперация? Ответы на эти вопросы предполагают изменение парадигмы: от все еще доминирующего сегодня «методологического национализма», оперирующего на основе не обсуждаемой предпосылки якобы очевидной связи (и соответствия) между нацией, территорией, обществом и культурой, – к «методологическому космополитизму». Точнее, говорит он, мы живем не в век космополитизма (в его старом философском понимании – О.Ян.), а в век космополитизации – «глобальный другой» уже внутри нас. «Как климатические изменения инициируют новые формы власти, неравенства и небезопасности» (Бек, 2010) – вот фокус современного *экосоциологического* исследования. То есть Бека волнует судьба современного мира и его институтов, а не силы, способные изменить его в лучшую сторону! Соглашаясь в принципе с Бекем, следует отметить, что нарастающий дефицит невозобновляемых ресурсов ведет к новым геополитическим войнам, например, в Арктике или на Дальнем Востоке, что опять отвлечет мир от решения коренного вопроса: кто и почему будет защищать природу?

Экомодернизация как системный процесс

Экологическая модернизация – системный *социальный процесс*, требующий одновременно экологизации общественного сознания, создания эффективных институтов охраны природы, экологического воспитания и образования, и совершенствования общественного производства. Его основными целями являются создание замкнутых производственных циклов, экономия энергетических ресурсов, эффективное, но неистощительное земледелие, сохранение традиционных форм ведения хозяйства, максимальный возврат долга природе (то есть рециклирование отходов), в идеале – все больше замкнутых производственных циклов. Однако экомодернизация не может быть ведомственной или отраслевой, поскольку три названных нами ее пространства взаимопроникают, взаимодействуют. Экомодернизация – это прежде всего изменение сознания, осознание старой истины, что, несмотря на все технические инновации, человек по-прежнему «живет природой», что «все связано со всем» и «все куда-то попадает» (Б.Коммонер). Если угодно, экологическая модернизация – важнейший инструмент реализации экологической этики, противостоящей этике утилитаризма, потребительства и варварства.

По своему характеру, экологическая модернизация есть «опережающий» процесс, основанный на методе определения необходимых природоохранных и других мер путем «отсчета от будущего» (*foresight method*), что предполагает ведущую роль науки в этом процессе. Больше внимание науке и ее прогнозам – меньше экологических катастроф и последующих расходов на реабилитацию. Сюда я отнес бы также экологическое воспитание и просвещение с *раннего возраста*, экологическое просвещение как фактор непрерывной в наше время социализации. Экологическая модернизация возможна только при реструктуризации науки как социального института в междисциплинарную сеть. Но не менее важным является локальное знание (*local knowledge*), представляющее собой сплав опыта, знания местной ситуации и веры. Если междисциплинарность – ведущий принцип, то нужна разработка методов (и

языков) междисциплинарного диалога. Только тогда, когда большинство населения Земли осознает, что оно живет в замкнутом пространстве, обладающем ограниченными ресурсами, оно серьезно займется экомодернизацией всего и вся. Но чтобы превратиться из множества обеспокоенных индивидов в политическую силу, оно должно *объединиться во всемирную сеть*. Глобальная сеть обеспокоенных граждан – главная движущая сила экологизации.

Такое объединение – дело неотложное, потому что основной тренд ближайших лет и источник конфликтов – это новый этап реструктуризации всего обитаемого пространства Земли и Космоса в целях обеспечения себя ресурсами самосохранения. Появление новых игроков на мировой арене (Китай, Индия) и рост потребления в них, диверсификация производства, ресурсные войны, в том числе фьючерсные покупки, начиная от земель и месторождений углеводородов и вплоть до слияния информационных холдингов, появление на мировой экономической арене тандема «власть–собственник» (Пивоваров, 2006) с силовым сопровождением, перемещение огромных масс рабочей силы в связи с переносом «грязных» производств в страны третьего мира, потоки беженцев и вынужденных переселенцев и, наконец, ожидаемые климатические изменения – все это ведет к очередной *разрушительной реструктуризации* всего обитаемого пространства Земли и Космоса. Силовой передел мира, его ресурсной, поселенческой и информационной структур уже начался и будет идти нарастающими темпами. Менее, чем за 10 лет, Россия стала мощной энергетической державой, от которой сегодня зависит вся Европа, Китай – мастерской мира, а США – экспортером «силовой демократии». При этом, если США и ЕС продолжают накапливать ресурсы, субсидировать своих производителей продовольствия и ограничивать доступ на свои рынки развивающимся странам, то мы действуем в противоположном направлении.

Экологическая модернизация невозможна без демократизации доступа к знаниям. Здесь придется сказать несколько слов о стереотипе мышления, укоренившемся в науке и политическом сознании, начиная с века Просвещения: знание – это всегда «сверху–вниз», от высокой теории к реализации ее на практике, в конкретном решении проекте, месте. Однако выяснилось, что «место» обладает собственным онтологическим статусом.

В литературе по социологии и социальной антропологии локальное экологическое знание (далее, локальное знание) трактуется сегодня как знание непрофессионалов, «людей улицы» (laypersons), которые тем не менее имеют право быть услышанными, то есть это знание должно быть учтено при принятии решений (Beck, 1992; Irwin, 2001). Для определения степени приближения процесса трансляции этого знания «наверх» к идеалу демократического участия были разработаны соответствующие шкалы. Иными словами, локальное знание интерпретировалось как уже данное и в этом смысле стоящее ближе к традиции или «укладу», нежели к научному знанию как таковому. Противоположная точка зрения заключалась в том, что в условиях глобализации такого знания, строго говоря, не существует – оно всегда ситуативно, то есть всякий раз задается «пересечением» глобальных сил (потоков) в некотором «месте». Завтра ситуация может кардинальным образом измениться (Hannigan, 1995; Waters, 1995).

В действительности локальное знание есть не только либо «традиционное» (результат ментальной кристаллизации многолетней повседневной практики местного населения), либо только «ситуативное», то есть не поддаю-

щееся рациональному исчислению. Это знание постоянно и сохраняется, и изменяется под воздействием многих сил – локальных, региональных и транс-локальных. Локальное знание вырабатывается в результате *взаимодействия* населения, бизнеса и властных структур, имеет сложную *процессуальную* структуру и должно использоваться в региональном планировании, поскольку оно увеличивает научную базу принятия решений, демократизирует их процедуры, экономически дешевле, а также способствует смягчению несправедливого распределения средовых рисков на его территории.

Россия «отвечает» на внешние вызовы по-разному, потому что ситуация внутри нее различна. Теоретически, каждый из ее регионов должен максимально использовать и развивать свой производственный и человеческий потенциал. Но реально их различия столь велики, что их разделение на доноров и реципиентов вероятно сохранится и за пределами 2020 года. Тем не менее, в литературе выделяются некоторые общие условия их модернизации: (1) сбережение населения, перспективные формы занятости и создание условий социальной мобильности для всех возрастных категорий; (2) позитивное развитие среды обитания, то есть как среды социализации, снижения ее социальной рискогенности и уровня загрязнения; (3) минимизация конфликтов между интересами государства и региона (например, между прокладкой трубопроводов стратегического назначения и сохранением ландшафта и традиционных форм хозяйствования); (4) миграционный оптимум: баланс эмиграции и иммиграции в зависимости от специфики региона; что, в свою очередь, зависит от (5) общей и инвестиционной привлекательности региона, возможностей социальной мобильности; (6) наличие публичной площадки (физической и виртуальной) для дискуссии и сотрудничества между региональной (местной) властью, бизнесом, наукой и общественными организациями; (7) приведение форм экономической, социальной и управленческой документации и коммуникации к международным стандартам.

Обозначенные выше принципы – реальность. Например, это добровольная лесная сертификация, осуществляемая в России по схеме международной неправительственной организации – Лесного попечительского совета (Forest Stewardship Council). Сегодня ею уже охвачено более 10% эксплуатируемого лесного фонда, и она становится реальной альтернативой бюрократическим попыткам модернизировать лесопользование. Противоречия между необходимостью получения финансовой прибыли и принципами ответственного лесопользования могут быть минимизированы путем вложения средств и интеллектуального ресурса в производство лесной продукции глубокой переработки, то есть повышения его эффективности за счет технологической модернизации и эффективного менеджмента. Благодаря единству принципов, критериев и стандартов такой сертификации, она позволяет создавать множественные очаги экологически и социально ответственного и экономически устойчивого лесопользования при одновременном сохранении лесных богатств и удовлетворении потребностей местного населения. Лесная сертификация стала важнейшим процессом экологизации и развития лесной отрасли и является примером того, как рыночные силы и рыночные игроки, в сотрудничестве с некоммерческими организациями способны направить собственное развитие в русло ответственного управления лесами (по материалам сайта URL: <http://www.fsc.ru/>). К сожалению, значительное число регионов РФ обременено инерционными процессами и конфликтами, которые до сих пор

развивались по следующей схеме: приватизация источников высоколиквидных ресурсов региона крупными собственниками (монополистами), то есть наиболее экономически ценных участков природного и социального ландшафта, неразвитость малого бизнеса, монополизация информационной сферы, отсутствие каналов социальной мобильности для молодежи и ее отток в Москву или за рубеж, снижение жизненных стандартов основной массы населения. В результате – развитие односторонней сырьевой или индустриальной специфики производства данного региона, сложившейся еще в советские времена.

Выводы

Сосуществование и синхронизированное развитие трех пространств экомодернизации России может быть осуществлено на принципах диалога, прозрачности, социальной справедливости и экономической заинтересованности агентов, формирующих эти пространства. В теории это обозначается как соединение принципов рыночной и раздаточной (распределительной) экономик (Бессонова, 2006). Чем больше мировая экономика будет «турбулентной», тем более будут цениться (то есть обладать конкурентным преимуществом) регулируемые рынки и прозрачные компании. Однако поскольку федеральные власти прежде всего заинтересованы в управляемости регионов, централизации добычи и торговли стратегическими ресурсами и снижении социальной напряженности, приходится признать, что развитие рассматриваемых нами трех пространств будет ориентировано на решение именно этих трех тактических задач.

Тем не менее «турбулентный» глобальный социум, в который мы включены, – враг «коротких перебежек» и «ручного управления». Поэтому я бы назвал *мобилизацию* местных и национальных сил и их ресурсов для скорейшей экологической модернизации страны *стратегической* задачей. Мобилизацией потому, что нам приходится начинать с очень низкого (по сравнению с мировой экономикой) старта. Достаточно напомнить, что сети мобильной связи третьего поколения, уже работающие в ЕС и Азии, в России только начинают создаваться. Беспроводной интернет тоже делает только первые шаги. Для сокращения загрязняющего эффекта предприятий тяжелой индустрии при одновременном снижении удельных энергозатрат потребуется 5–10 лет. Но самые главные проблемы – в изменении общественного сознания и в использовании современных информационных технологий для создания всемирной сети экологически обеспокоенных организаций и граждан, способной переломить современные тренды утилитаризма и потребительства.

ГЛАВА 3

Расстановка сил

Значение расстановки сил

В контексте данного исследования я различаю понятия «социальный актор» и «сила». Под первым в социологической литературе обычно имеются в виду акторы коллективного социального действия (инициативные группы, группы интереса и социальные движения), тогда как понятие «сила» обозначает некоторую общую социальную и/или политическую позицию, слагающуюся из ценностей, интересов и общественного мнения.

Анализ расстановки сил относительно процесса экологической модернизации России имеет принципиальное значение. Во-первых, он показывает, как этот процесс складывался *исторически*, кто реально участвовал в нем и каковы были позиции противоборствующих сил. Во-вторых, расстановка сил это – демонстрация соотношения и динамики сил государства и гражданского общества. В-третьих, расстановка дает общее представление о структуре интересов и мотивов, по которым власть, бизнес, гражданские организации и социальные движения и население выступают за или против экомодернизации или же занимают позицию стороннего наблюдателя. Расстановка сил есть политическое выражение конкурирующих в обществе взглядов на мир (иначе, главных фреймов), о чем подробно будет сказано в Главе 5. В-четвертых, расстановка сил, рассматриваемая в динамике, дает представление о ценностных и структурных трендах в российском обществе. Наконец, в-пятых, анализируя эту расстановку, мы можем узнать, каковы перспективы кооперации коллективных акторов и их мобилизации для целей экомодернизации.

Рассматриваемая проблема – не сиюминутная, потому что она связана с изменением социальной структуры общества и ценностных ориентаций его агентов. Данная глава базируется на материалах полевых исследований, проводившихся в период 1985-2010 гг., то есть за четверть века, но, подчеркну еще раз, в контексте социально-экономической и политической истории России/СССР/России. Как и в других главах, я обращал особое внимание на позиции сил, представляющих гражданское общество.

«Кто был кто» в процессе экомодернизации

Сама проблема экомодернизации как проблема изменения характера социальных отношений человека и природы возникла еще в середине XIX века. Но тогда и еще очень долго, примерно до 1920-х гг. XX в., эта проблема существовала прежде всего как научная, типологическая. Американский исследователь российского экологического движения Д. Винер выделил три идеальных типа отношения «человек-природа», за которыми, вообще говоря, можно было усмотреть определенные социальные силы. Эти типы следующие: пасторалисты, то есть не только сторонники абсолютного невмешательства в природу, но и подчинения всего хозяйственного уклада и образа жизни человека ее законам и ритмам; экологи (или сайентисты), то есть те, которые допускали это вмешательство в научно обоснованных рамках; и, наконец, те, которые полагали, что природу можно использовать так и столько, сколько необходимо развивающемуся социалистическому обществу, то есть практически неограниченно, – они получили «титул» утилитаристов (Weiner, 1988).

Но кто стоял за этими идеальными типами реально? Сторонников первого типа было немного, тем более в условиях революции, гражданской войны и последующей разрухи. Тем не менее, пасторалисты реально существовали, особенно в сибирской тайге, их было немного, но они были. Конечно, это была не интеллигенция, изобретшая этот термин. Это были крестьяне (чаще всего староверы), не желавшие подчиняться законам революции и последующего раскрестьянивания (коллективизации). Точнее, их следовало бы именовать сторонниками традиционно крестьянского (общинного) образа жизни, которые действительно наносили минимальный урон природе весьма экономным рачительным ведением хозяйства. Другим носителем пасторализма как образа жизни я назвал бы людей типа Ф.Э. Фальц-Фейна (1863-1916), человека высокообразованного, создателя уникального степного заповедника Аскания-Нова в Таврической губернии России (Фальц-Фейн, 1995; Борейко, 1997). Активисты охраны природы рассматривали человека как хранителя участков дикой природы, позже превращенных в заповедники. И та и другая категории защитников природы жестоко преследовались советским режимом. Первые за то, что уклонялись от общей линии партии большевиков и вообще стремились обособиться от советской власти и ее политической линии на коллективизацию сельского хозяйства; вторые за то, что требовали для своей деятельности каких-то особых условий и ресурсов для поддержания и охраны этих уникальных участков природы. Охрана природы тогда была совсем не в почете. Находясь как бы на разных полюсах культуры, эти две группы активистов имели общую черту: свою особость, *уникальность*, ключевым моментом которой было *бережное* отношение к дикой природе. Без таких энтузиастов и создателей заповедных зон никакой экомодернизации быть не может.

Была и третья, может быть, самая важная, группа. Я имею в виду ученых, которые в трудные послереволюционные годы стремились закрепить охрану природы законодательным образом (Д.Н. Анучин, Д.П. Бородин, А.П. Семенов-Тянь-Шанский). Это были путешественники и ученые-практики, понимавшие значение легализации дела охраны природы, то есть создания института охраны природы для будущего страны. Однако и эта группа была

вскорости отвергнута новым режимом, а носители идеи заповедания вынуждены были эмигрировать, были репрессированы или надолго замолчали. Идея охраны природы, памятников культуры и истории, природного и культурного ландшафта и вообще – сохранения народом своих корней, культуры и исторической памяти – решительно отвергались коммунистической идеологией. Господствовала идея тотального разрушения старого, но никак ни его охраны.

Наконец, коммунистическая власть, обуреваемая идеей организации всего и вся – вспомним А. Богданова и его «Всеобщую организационную науку тектологию» (Богданов, 1925), сформировала из остатков природоохранных инициатив прошлого еще один «приводной ремень» партийной политики. Я имею в виду Всероссийское общество охраны природы (ВООП), где под надзором политических бонз масса людей могла делать тысячу практически полезных дел (от уборки мусора и до выращивания образцовых огурцов и капусты). Политический смысл этой организации был ясен: занять появляющееся свободное время у масс трудящихся делом самопрокорма и элементарного благоустройства своего места жительства, разрушенного войной и разрухой. Это общество с некоторыми изменениями просуществовало благополучно до нашего времени, что свидетельствует о его абсолютной аполитичности и отсутствии какой-либо эко-идеологии, кроме «службы делу строительства социализма» и еще одной формы управляемого коллективизма. Массовость этого Общества создавалась декретом сверху: все его члены платили членские взносы. Кроме того ВООП служило отстойником для провинившихся или проворовавшихся «номенклатурных» фигур низшего звена.

Почему я обращаю внимание читателя на это Общество? Его членам, а это были в основном вчерашние мигранты из деревни, которым надо было привить элементарные нормы городского общежития, причем в форме, близкой по ментальности вчерашнему крестьянину или жителю пригородов (посадских), мало чем от них отличавшихся. То есть ВООП был одним из «тылов» начавшейся в стране индустриализации и связанной с ней урбанизации. В этом узком смысле оно работало на идею экомодернизации. Поскольку все в стране было подчинено декретам сверху, ВООП действительно был «приводным ремнем» Советского государства-партии и его идеи всеобщего коллективизма. Но тут было одно «но». Основой коллективизма и единообразия ВООПа была *индивидуальная* творческая деятельность «сознательных граждан», которая порождала ожесточенные конфликты, как только плоды трудов членов общества попадали на рынок. Думаю, что ВООП просуществовал столь долго не благодаря, а вопреки своему формальному и безыдейному коллективизму. Червь индивидуализма медленно разъедал и сегодня окончательно съел его. Так что с точки зрения расстановки сил, ВООП и подобные ему организации были скорее про-экологическими, хотя и подчиненными государству.

Антиподом ВООПу было движение краеведения. Знание своего места – деревни, края, их людей и специфической культуры – противоречило духу коммунистической идеологии и ее центральной идее создания нового человека. Краеведы были не только хранителями ценностей, предметов старины или исторических документов, они были знатоками и хранителями культуры народов, населявших многонациональную дореволюционную Россию. Такое знание и такие люди были не нужны строителям нового общества. Поэтому краеведы как общественное движение первыми были подвергнуты политическим репрессиям. Помимо чуждой коммунистам идеологии, тут была и цель

вполне практическая: уничтожить тех, кто знал, кем и сколько было разворовано воителями нового режима. Только сегодня мы узнаем, как тайно и явно систематически расхищались провинциальные музеи, бывшие дворянские усадьбы, церкви и монастыри и чьи подписи стояли под распоряжениями о конфискации. «Старое» имело вполне определенную и весьма высокую стоимость в твердой валюте, а масса предметов и утвари была вообще бесценной. Они пошли на другую модернизацию: форсированную индустриализацию страны и создание репрессивного аппарата для мобилизации сил для этой цели.

Индустриализация и коллективизация, сопровождаемая партийными и комсомольскими мобилизациями, растущей милитаризацией повседневной жизни, голодом, массовыми репрессиями, постоянным перемещением огромных масс людей – все это вело к отрыву людей от насиженных мест, от пригнанных друг к другу трудом многих поколений привычных условий существования, иными словами, к *утере культурных корней*. Интенсивно пропагандировалась и организационно закреплялась культура вневременного, казарменного уклада жизни. Крестьянская культура как культура места окончательно теряла свои корни, носителей и организационные формы (Чаянов, 1925; Ахиезер и др., 2002). В этих условиях сформировалась и в течение многих десятилетий вперед господствовала культура *кочевого образа жизни*, где, среда, природная или городская, «для мобилизованной и призванной» человеческой единицы была лишь временным пристанищем, станцией пересадки, пунктом сбора, лагерем, бивуаком.

В 1928 г. В.И. Вернадский писал: «В такие эпохи истребления, разрушения было складывавшегося заботливого ведения хозяйства и на перевод *coûte que coûte* [любой ценой] всего, что возможно, в валюту (идущую в первую голову – идейно на мировую революцию, реально и на веселую жизнь господствующей группы), основы национального богатства должны быть затронуты, и это отражается на столь же быстром и разрушительном изменении природы, как разрушается и меняется социальный строй живущего в этой природе социального механизма» (Вернадский, 2001: 82).

Но и этого мало, чтобы понять, каковы были те условия, в которых отдельные энтузиасты старались сохранить природу, ее уникальные участки или ландшафты. Главным контраргументом идее и политике экологической модернизации было общее понижение уровня российской культуры, насильственное срезание «точек роста», всеобщая массивификация и унификация. Мировая и гражданская войны, голод, разрушение индустрии, науки и образования, массовое бегство интеллигенции – все это были причины «отрицательной селекции» (Сорокин, 2003), то есть резкого и длительного понижения человеческого и интеллектуального потенциала российского общества. И это была главная контр-экологическая сила. В стране, до того находящейся более полувека на подъеме науки и образования, давшей ей и миру выдающихся ученых: биологов, генетиков, селекционеров, теоретиков и практиков охраны природы – наступил длительный период распада ее интеллектуального ядра. Да, были отдельные ученые с высоким чувством гражданской ответственности, были гражданские организации, например, члены МОИП, шедшие против течения массовой мобилизации и уравниловки, но они не могли переломить ситуацию. Один за одним они шельмовались, изолировались от общества и отправлялись в края, «не столь отдаленные».

Но тоталитарное государство, обладая абсолютной властью, все же не могло обойтись без идеи, без образа желаемого будущего. Поначалу большевиками была реанимирована идея «города-сада», уже опробованная на российской почве в предреволюционные годы. Однако в преддверии индустриализации потребовался культурный эталон, образец организации производства и быта «нового человека». Для «просвещенных большевиков» (А.В. Луначарский, Г.М. Кржижановский, Н.К. Крупская и др.) и связанной с ними «служилой» интеллигенции таким эталоном стал «зеленый город». В его основе лежала социалистически интерпретированная идея «города-сада» английского экономиста и публициста Э. Говарда, которая доступными массам средствами должна была выразить идею «социалистического переустройства быта» – так называемый соцгород (Сабсович, 1929; Барщ, Гинзбург, 1930; К проблеме..., 1930). Естествоиспытатели выдвинули идею заповедника как эталона нетронутой природы, необходимого для решения не только для научных, но задач воспитания и просвещения, что тоже можно трактовать как культурный эталон. Следует отметить, что 1920-е гг. были «золотым десятилетием» краеведческого движения, сочетающего цели сохранения памятников культуры и природы (Смидович, 1930; Шмидт, 2004). Городское население усилиями местных отделений ВООПа стало вовлекаться в массовые акции по сохранению природы («Дни Леса», «Дни птиц»), сельское – силовым образом приобщается к колхозной, по сути феодальной, культуре. Так или иначе, но традиционная крестьянская культура начала разрушаться.

Вместе с тем, началась длительная полоса идейного противостояния: критики «голой идеи консервационизма» против адептов принципа «природа ценна сама по себе». Другая линия противостояния: сайентисты («рациональное использование природы») против утилитаристов («все ресурсы на службу социалистическому строительству»). Иными словами, эволюционные принципы противопоставлялась конструированию, ценность «места» (и знания о нем) – включению в поток революционной ломки.

Самодеятельность, самоорганизация, исследование и прогноз – краеугольные камни в конструкции концепции экологической модернизации. Строго говоря, рассуждать о существовании того или иного ее типа (как о типе отношения и характере вмешательства некоторого социального субъекта в среду обитания) можно лишь при наличии элементов самоорганизации социальной жизни и научного предвидения. Если же жизнь не выходила за рамки казармы, то есть налагаемой извне конструкции, безразлично фабрично-заводской, военной или лагерной, то *казарма и была средой обитания* – ценностного отношения к тому, что находилось за ее пределами, просто не существовало. Эта казарменная культура была достаточно агрессивной, постоянно стремилась расширить поле своего влияния (на сферу образования и воспитания, гражданский быт, сферу свободного времени) посредством ее расчленения и кодификации. Как сказал позже М. Фуко, «Дисциплинарная власть делает норму принципом принуждения» (Фуко, 1999: 76).

Восстановление хозяйства (1946-50 гг.) после Великой отечественной войны, продолжение форсированной индустриализации в городе и на селе, разрастание военно-промышленного комплекса, лысенковщина, борьба с космополитизмом, дальнейшее огосударствление творческих союзов и добровольных обществ – все это были формы конструктивистского, анти-экологического отношения к природе. Господствующая утилитаристская идеология: «все

ресурсы природы на службу социалистическому строительству» дополнялась конструктивистской – амбициозным «сталинским планом преобразования природы» (Решения партии..., 1968: 531–549). Ключевыми словами этого и многих подобных государственных и партийных документов были: «обязать», «довести задания», «установить», «создать», «закрепить» и бесконечное число раз «организовать». Территория заповедников под тем или иным соусом «целесообразности» сокращалась.

Войны, голод и репрессии произвели в очередной раз гигантскую отрицательную селекцию населения. Кроме того, организованный набор на восстановительные работы и освоение Севера, призыв в армию, после которого молодежь оседала в городах, – все это приводило к перемещению и перемешиванию десятков миллионов людей и, тем самым, к отрыву их от своих культурных корней. В сельской местности выживание за счет личного подсобного хозяйства, охоты и собирательства, то есть за счет природы, были формами массовой экологической культуры.

Со смертью И.В. Сталина и прекращением массовых репрессий конструктивистский подход к природной среде отнюдь не был сдан в архив. В этом смысле эпоха Н.С. Хрущева (с середины 1950-х до середины 1960-х гг.) оказалась еще более контр-экологической. В ходе новой волны индустриализации и урбанизации (строительство каскада ГЭС на Волге, освоение Севера, целинных и залежных земель, «Великие стройки коммунизма», ликвидация личных подсобных хозяйств, рекрутирование «лимитчиков» в большие города) социально освоенная среда обитания в очередной раз расширялась и реструктурировалась, а природная подвергалась насилию. Население продолжало интенсивно перемещаться и перемешиваться, его отчуждение от привычной среды обитания усиливалось. Власть очередной раз сократила число и размер заповедных территорий. Тем самым утилитаристское отношение к природе получило дальнейшее воплощение.

Однако начались и противоположные процессы: восстанавливалась связь советских экологов с западными научными центрами; в ходе публичных дискуссий и в форме временных и постоянных общественных комиссий (о Генплане Москвы, о строительстве ЦБК на Байкале) (см., например, Гольдфарб, 1996) снова возрождалась научная общественность; писатели-«деревенщики» поведали миру, сколь сильно деградировало село и его культура; силами уцелевших экологов заповедники превращались, по словам С. Залыгина, в «острова свободы»; уцелевшая от репрессий интеллигенция готовила себе преемников в клубах молодых биологов. Населению была разрешена самоорганизация в сферах благоустройства, озеленения и самообеспечения продуктами питания. Формой массовой экологической культуры становится труд на огородах и садовых участках. Это была еще не политическая, но уже социальная сила.

Новый этап

Постепенная экологизация массового сознания и государственной политики началась задолго до перестройки. Участие советских ученых в программах ООН и ЮНЕСКО открыло им дорогу в международное экологическое сообщество. Доступ к закрытым ранее научным архивам породил интерес

к идеям В.И. Вернадского о биосфере и ее переходе в ноосферу. Научная и педагогическая общественность стала развивать различные формы экологического активизма: профессиональные клубы, разработка моделей экологического города (программа «Экополис») и форм рационального лесопользования (Кедроград), студенческие дружины охраны природы, экспедиции и путешествия (Яницкий, 2008; Weiner, 1988).

Любопытный факт: перегруппировка *pro et contra* экологических сил в качестве своих интеллектуальных ресурсов как бы вызывает к жизни уже дискредитированную идею «зеленого города». Но это лишь кажущееся повторение. Экополис и Кедроград были основаны учеными и энтузиастами защиты природы самостоятельно в перманентной борьбе с государственным гигантизмом и конструктивизмом. Сами эти идеи родились изнутри только формирующегося гражданского общества в его борьбе с «номенклатурой», государственной бюрократией (Лемешев, 1990).

Одновременно под флагом возрождения национальной русской культуры начинается систематическая критика государственной политики природопользования (В.Белов, С.Залыгин, В.Распутин, Ф.Шипунов). Впервые в истории страны экологическая проблематика стала формировать публичный дискурс. Контакты между научной и массовой экологической общественностью начинают вновь устанавливаться и быстро расширяться. Возникают массовые гражданские инициативы в сфере охраны природы и памятников культуры, которые поддерживаются центральной прессой, т. е. начинается процесс их институционализации. Наконец, с конца 1950-х гг. начинает восстанавливаться краеведческое движение (Шмидт, 2004). Так или иначе, но возрождение «культуры места», включая воссоздание норм общения с природой, началось.

У этой «культуры места», точнее *культуры ценности места* и посему необходимости его защиты, было две общественные силы, два субъекта-носителя: интеллигенция (ученые, люди творческих профессий) и местное население, теперь уже достаточное образованное. По меркам того времени, это был советский средний класс, сытый по горло партийно-комсомольскими мобилизациями и желавший жить нормальной, устоявшейся и предсказуемой жизнью. Жить не только в мире с природой, но познавать ее, познавать свою страну, ее культуру и природу. Отпуск как путешествие по родной стране – едва ли не главный признак возрождения экологического сознания населения периода 1970-80-х гг.

Хотя культура эоактивизма того периода была «протестной» (против очередной бездумной реконструкции центра Москвы, против строительства гигантских плотин или ГЭС, повлекших за собой затопление миллионов квадратных километров ценнейших сельскохозяйственных земель и превращавших малые города и села центральной России в «архипелаг Атлантид»), в действительности это были выступления «за» – за сохранение нетронутой природы или культурного ландшафта, за сбережение культуры прошлого, за сохранение обжитой (уже в который раз!) среды обитания, которые позволили бы жить спокойно и безбедно не только настоящему, но и будущим поколениям. Люди, наученные горьким опытом «Архипелага ГУЛАГа», не хотели, новых переселений и расставания с «отеческими гробами» навечно.

Как только люди обрели возможность спокойной жизни с минимальным материальным достатком, они стали интересоваться своими культурными корнями: откуда они, как они появились? Возник острый интерес к истории

семьи и ее ближайшего окружения (Семенова, Фотиева 1996). В этом смысле процесс формирования экологической культуры *аналогичен процессу самоидентификации*, выяснения: кто я и откуда я, в какой природной и социальной среде я сформировался как личность?

Обжитое и укорененное в культуре место есть первичная ячейка формирования экологической культуры. На смену десятилетиями культивируемого понимания места как «пустого пространства», чистого листа, где можно сконструировать любую форму социальности, пришел интерес к месту как к среде формирования личности. То есть к экологии человека, его социально-экологической нише. Люди, работая, читая, путешествуя, общаясь, хотели накапливать потенциал этой первичной ячейки, и – передавать его детям. Теперь к перемещению в пространстве человека побуждал не командирский приказ или окрик конвоира, а внутренний интерес, интерес к познанию и накоплению культурного капитала. Популярность путешествий по стране, группами или в одиночку, достигла в 1970-80-е гг. своего пика (Ярошенко, 1989).

Здесь мы подошли к критически важному моменту в проблеме расстановки сил. Постепенно у экологического авангарда советской служилой и свободной интеллигенции сформировались институциональные ниши или, как я называю их, «*порождающие среды*». Это были университеты, на базе которых с конца 1960-х гг. сформировались студенческие дружины охраны природы (в основном на биологических и географических факультетах университетов), научно-исследовательские институты, научные советы (например, Совет АН СССР по проблемам биосферы), творческие союзы (архитекторов, художников, дизайнеров, кинематографистов) и некоторые центральные издания (газета «Советская Россия», журнал «Сельская молодежь»), которые предоставляли свои полосы для публичных дискуссий по экологии (Яницкий, 2002, 2008). А также многочисленные самодеятельные организации на местах. Самодеятельные – вовсе не значит второсортные, тиражирующие столичные образцы, поскольку их лидерами была местная интеллигенция (учителя, врачи, клубные работники, журналисты местной прессы). То есть государственные и гражданские организации имели внутри себя среды, порождающие экологические инициативы, а потом и общественные движения. Или, иначе: движение к экологизации общества шло одновременно сверху и снизу.

Заключая параграф, можно утверждать, что в предперестроечные годы сформировалась та социальная база (*constituency*), которая затем вывела на публичную арену экологическое движение как социальную силу.

Расстановка сил: вчера и сегодня

«Вчера» – это годы, получившие название перестройки (1987-91). Их отличительная черта: общий демократический подъем, ожидание больших перемен. Эти годы можно назвать «мобилизационными», потому что все общество, включая слои и группы, желавшие сохранения *status quo*, пришло в движение. «Сегодня» – это тоже годы ожидания перемен (2008-10), назревающей модернизации общества, но в совершенно ином экономическом и социальном контексте. Их тоже можно назвать «мобилизационными», потому что одна часть общества хотела перемен, а другая этому сопротивлялась. И тогда,

и сейчас размежевание *pro et contra* сил в отношении экомодернизации происходило по политическому критерию, но с весьма разными культурными обертонами.

Перестройка – прежде всего политический процесс. Поэтому для анализа расстановки сил придется воспользоваться политическими категориями. Если мысленно представить себе перекрестие из двух пар оппозиций, то оно будет выглядеть следующим образом: по *горизонтали* – слева силы, выступающие за социальные перемены, против сил, выступающих за сохранение *status quo* (справа), а по *вертикали* – силы, выступающие за жизнь в чистой и безопасной среде (верх), против сил, выступающих в пользу восстановления/обновления существующей индустриальной системы (низ) (Yanitsky, 1999).

В рамках этой схемы, реально отражающей типы доминирующих взглядов (главных фреймов) стране, мы получаем такое размещение названных выше сил:

- в квадранте I (левый-верхний) находятся группы неправительственных экологических организаций (экоНПО) разной социально-политической ориентации. Их цели: общее благо, самоорганизация и самореализация, то есть они – альтруисты;
- в квадранте II (правый-верхний) находятся жители массовой жилой застройки городов. Их цели: благо их местного сообщества, самоорганизация и самореализация, то есть они – «местные альтруисты» или, точнее, альтруисты-индивидуалисты;
- в квадранте III (левый-нижний) – в основном представители рабочего класса и других индустриальных профессий и государственные служащие. Их цели: собственное благо их местного сообщества, их самих и их семей. Их низовая организация уже давно установлена государством (профсоюзные организации), их самореализация, если она и имеет место, направлена прежде всего на производственные цели (изобретательство, рационализаторство) и личное/семейное благо. Они скорее индивидуалисты, чем альтруисты;
- в квадранте IV (правый-нижний) – «номенклатура», то есть совокупность сил и организаций, представляющих административно-командную систему. Их цель – тоже их личное и семейное благо, но прежде всего благо их закрытого (корпоративного) сообщества. Их самоорганизация и самореализация минимальна – только в рамках строгого распорядка конкретного корпоративного сообщества. Эта категория лиц и организаций ориентирована только на цели собственного благополучия и достатка. Эта группа – чистые утилитаристы.

Из этой весьма общей схемы можно сделать два вывода. Первый: основная ось (диагональ) *противостояния* походила между экоНПО и «номенклатурой», которая, как мы увидим далее, сохранится вплоть до настоящего времени. Иными словами, гражданские экологические организации против государственной машины. Второй: хотя среди рабочего класса и других трудовых профессий, равно как и среди неработающих жителей (пенсионеры, матери с маленькими детьми), было много сторонников «чистой и безопасной среды», но в целом их позиция все же была ближе к позиции «номенклатуры», не желающей серьезных социально-политических перемен.

Конечно, в каждой из рассматриваемых групп были подгруппы. Одни, экоНПО, например, больше тяготели к позиции «чистая и безопасная среда» (любыми доступными средствами), в чем они были солидарны с той подгруппой «жителей», в которую входили матери с маленькими детьми и пенсионеры. Подгруппа «жителей» тоже была ориентирована на «чистую и безопасную среду», но только среду своего *непосредственного обитания*. Часто в группе «жителей» мы обнаруживали радикально настроенную молодежь. Рабочий и служилый люд тоже был разный. Одни, старой закалки, были экологистами в том узком смысле, что привыкли к чистоте, порядку и «пригнанности» людей и вещей в своей индивидуальной экологической нише. Другие, в основном принадлежащие к сервис-категории, были ориентированы на накопительство и мало заботились о среде непосредственного обитания, находящейся за пределами их первичной эко-структуры.

Внутри «номенклатуры» тоже были «правые» и «левые», то есть выступающие за полную неизменность существующей ситуации и за некоторые реформы, однако не нарушающие их личного и корпоративного благополучия. В наиболее сложном положении оказался рабочий люд, потому что, с одной стороны, он был привязан к своему производству, которое давало ему средства к жизни, дополнительные социальные блага (социальный пакет); там он был в коллективе, который при необходимости мог оказать ему материальную помощь и моральную поддержку. Но с другой, рабочий человек понимал, что большинство таких, как он, работает на устаревшем оборудовании и загрязняющем среду производстве, без надлежащего соблюдения техники безопасности, на производстве, неизбежно приносящем профессиональные и иные болезни и в конечном счете сокращающем его жизнь и жизнь его детей, что и было подтверждено последующим анализом демографической ситуации.

Какова последующая динамика этого расклада сил? Основное размежевание произошло по *политическому критерию*. Одна часть экоактивистов, часть рабочих и жителей (это в основном образованные и с жизненным опытом люди) устремились в политику, стремясь приобрести политический капитал. Здесь тоже не всё было просто: одни из них увидели в нарождающемся политическом бульоне шанс быстрой вертикальной мобильности (и многие тогда преуспели в этом, поскольку политическое поле не было заполнено целиком, а «номенклатура» временно пребывала в коматозном состоянии), другие же использовали свою политическую карьеру непосредственно по назначению: в целях экомодернизации, сохранения окружающей среды. Параллельно с этим шло другое размежевание: между радикалами и реформаторами, но тоже в различном понимании этих терминов. Большая часть «номенклатуры» была и еще долгое время оставалась осторожными технократами, другая же ее часть резко выступила с националистическими или ура-патриотическими лозунгами (например, объединение «Память»). Однако показательно, что в преддверии первых свободных выборов в парламент СССР старые и новые политические группы все выступали под экологическими лозунгами.

Но и внутри сообщества экоактивистов не было единства. Большинство из них, вышедших из среды биологов, бывших сначала членами Дружины охраны природы, а позже Социально-экологического Союза, были по духу консервационистами, то есть охранителями природы. Они не стремились сближаться, например, с эко-радикалами, каковыми были эко-анархисты (организация «Хранители Радуги») (Фомичев, 1995, 1997). Эко-патриоты тоже

держались особняком. «Традиционалисты» были ближе к краеведческому движению и движению в защиту памятников истории и культуры. Таким образом внутри зеленого сообщества тоже были политически правые и левые. Консолидация экологического движения началась много позже и продолжается до сих пор.

Еще один важный момент: доверие. В конце 1980-х – начале 1990-х гг., вплоть до распада СССР, доверие всех групп к власти было достаточно высоким (о «номенклатуре» речь здесь не идет). И это – несмотря на многолетний опыт жизни в этой стране. Перелом наступил во время выборов, но не в Союзный парламент, а в местные советы, когда лидеры местных экологических групп поняли, что эта власть никогда не откажется от своих корыстных корпоративных интересов. Именно снизу началось размежевание и противостояние зеленого крыла гражданского общества и власть предержащих.

Теперь перенесемся в наши дни и посмотрим, насколько изменилась ситуация. Да, она изменилась, но тем не менее вполне укладывается в использованную нами выше схему четырех квадрантов.

Так, в квадранте I (левый-верхний) по-прежнему находятся группы неправительственных экологических организаций (экоНПО) и ядра экологических движений разной социально-политической ориентации, теперь, как правило, связанных интернет-сетями, причем часть из них стала международными. Их целями по-прежнему являются общее благо, самоорганизация и самореализация, то есть они – остались экологистами и альтруистами, хотя и были вынуждены приспособливаться к рыночным отношениям. Сегодня данная группа стала более политически ориентированной, гражданские права и свободы вышли на первый план, вместо дистанцирования «экологов» от «жителей» мы наблюдаем их все более тесное взаимодействие.

В квадранте II (правый-верхний), как это и было ранее, находятся жители массовой жилой застройки городов. Их целями по-прежнему являются благо их местного сообщества, борьба за восстановление той самоорганизации и самореализации, которая была достигнута ими в годы перестройки, то есть они – «местные альтруисты», однако уже умудренные опытом борьбы с бюрократическим режимом и владеющие социальными технологиями давления на местную власть. «Жители» сегодня состоят из двух подгрупп. Одна, сложившаяся еще в годы перестройки, вследствие рынка, эмиграции и ряда других причин, потеряла многих своих лидеров и просто устала от 25-летней борьбы за свои экологические права. Другая, состоящая из лиц обнищавших, то ли по воле рынка, то ли вследствие коррупции и обмана, напротив, сорганизовалась и мобилизовалась на борьбу за свои базовые гражданские права (движения обманутых дольщиков и жителей обветшавшего за эти годы жилья, «матери в защиту детей», группы людей, потерявших жилье вследствие продажи их служебных квартир новым собственникам).

В квадранте III (левый-нижний) находятся сильно сократившаяся группа представителей рабочего класса и других индустриальных профессий и группа государственных служащих низшего звена (так называемых бюджетников). Эта группа сильно сократилась численно и потеряла многие прежние профессиональные навыки и гражданские качества – ее можно считать маргинальной группой. Ее цели: выживание, затем – благо их самих и их семей, но не местного сообщества. Их профсоюзные и другие территориальные организации слабы и подчинены интересам работодателей и/или местной

бюрократии; возможности их самореализации резко ограничены властью, потребностями изменяющегося рынка, а сегодня еще и кризиса. Если эта группа еще сохраняется, то она нацелена прежде всего на самообеспечение (строительство индивидуального жилья собственными силами, дача, огород, сбор даров природы). Сегодня члены этой группы скорее вынужденные индивидуалисты, их «индивидуальный жизненный проект» – носит ситуативный характер поскольку всецело определяется бюрократией и рынком. Все это в совокупности с необходимостью вести кочевой (вахтовый) образ жизни делает их индифферентными к состоянию природы или среды обитания в целом.

Самые большие перемены произошли в квадранте IV («правый-нижний») – там теперь находится новая «номенклатура», связанный с нею бизнес и сервис-класс, то есть совокупность сил и организаций, представляющих систему «власть-собственность» (Пивоваров, 2006). Их цели: их личное и семейное благо, а также благо их закрытого (корпоративного) сообщества. Самоорганизация и самореализация – только в рамках строгого распорядка этого корпоративного сообщества. Эта категория лиц и организаций ориентирована только на цели собственного благополучия и достатка. Эта группа – новые-старые утилитаристы. Они анти-экологисты в глобальном смысле, поскольку их приватные и корпоративные блага – плод российской ресурсно-ориентированной экономики. Они «экологисты» только для себя и закрытых корпоративных оазисов благоденствия. Для защиты своих корпоративных благ эти силы создали вокруг себя свою «порождающую среду», состоящую из прокремлевских молодежных движений, которым чужды экологические ценности. Если не обращать внимания на терминологию, то цели и суть этой группы осталась прежними: одна правящая партия, все блага этой корпорации – за счет эксплуатации природы, ее порождающая среда – молодежные движения анти-экологической направленности. Таким образом диагональ противостояния основных сил, то есть «государство плюс бизнес vs. инвайронменталисты», осталась неизменной.

Выводы

Итак, несмотря на коренные перемены общественного устройства России за прошедшие 25 лет, появление на политической арене новых социальных сил, изменение внутривосточного и глобального контекста, *общая расстановка* про- и контр-экологических сил практически не изменилась. Это означает прежде всего, что наше общество как было, так и осталось на рубеже первого и второго модернов, а, следовательно, – на рубеже двух культур: незавершенной индустриальной и информационной. Идеи и планы экомодернизации, неоднократно выдвигавшиеся государством, остались на бумаге – реально происходила де-экологизация институтов общества. Это означает, что стремление к устойчивости через *консерватизм* преобладает над стремлением к устойчивости через *изменения*. Изменения в расстановке сил, которые, с одной стороны диктуются извне (например, давлением глобального рынка или климатическими аномалиями), а с другой, возросшими возможностями экономики ресурсов и меньшего вмешательства человека в природные процессы благодаря достижениям науки и техники, пока минимальны. Наконец, по-прежнему господствующей формой взаимодействия противостоящих сил является не диалог, а конфликт.

Далее, малые сдвиги в расстановке сил свидетельствует о том, что наше гражданское общество все еще слабо, разрознено и не осознает значимости экологической модернизации не только для модернизации технической и социальной, но для его собственного выживания, сохранения своего социального капитала и культурного разнообразия. Это означает также, что государство, как и четверть века назад, видит в экологическом движении своего потенциального противника и не хочет вступать с ним в публичный диалог, подменяя его фиктивными общественными слушаниями и успокоительными обещаниями «обратить внимание» или «усилить» и отвергая деловое рассмотрение любых альтернативных стратегий экологической политики и отдельных проектов, предлагаемых российскими экологическими организациями.

Произошедший за 20 лет под воздействием развития специфически российских форм капитала и рынка общий сдвиг общественных интересов скорее контр- нежели про-экологический. Сиюминутные цели – как обогащения, так и выживания, – берут верх над стратегическими целями самосохранения и экологической безопасности. Индивидуальные и корпоративные интересы, нацеленные на присвоение общественного блага любыми возможными способами, господствуют. Наконец, перспективы достижения консенсуса обозначенных в данной главе основных сил и их совместной мобилизации в целях сохранения устойчивости биосферы и конкретных экосистем и ландшафтов минимальны.

Тем не менее, некоторые сдвиги все же обозначились. Во-первых, за прошедший период изменились сами силы. С одной стороны, возникли новые силы и приобрели больший экономический и политический вес старые, ориентированные чисто утилитаристски. С другой, про-экологические силы приобрели новые знания, опыт и ресурсы. Произошел сдвиг целей и ценностей последних от охраны природы в сторону «хорошей экологии», понимаемой как важнейший компонент базовых прав и свобод населения. Во-вторых, если контр-экологические силы сохранили свою вертикальную структурную организацию и «ручное управление», то про-экологические – приобрели почти повсеместно сетевую, горизонтальную структуру и, используя интернет, развивают самоорганизацию. Соответственно, если первая сила использует директивный способ воздействия на сознание граждан (телевидение), то вторая – диалогический и интерактивный посредством виртуальной коммуникации. В-третьих, структурно первые силы, становясь частью транснациональных корпораций и других организационных форм эксплуатации природных ресурсов, окончательно отрываются от российской почвы, тогда как вторые, напротив, все активнее действуют совместно с местным населением и от его имени. Группа населения, никак не связанная с «местом», разрастается (вахтовики, члены частных охранных предприятий). Размежевание на транснационалов и локалистов происходит и внутри про-экологических сил. Соответственно, если первые становятся более ориентированными на поиск компромисса с властью и бизнесом, то вторые вследствие разрушительного воздействия ТНК на местные экосистемы радикализируются. В-четвертых, под давлением западных стандартов «экологически дружественного производства» наметились пути кооперации усилий бизнеса и экологических организаций. Стимулом к кооперации власти и про-экологических сил являются участвовавшие экологические аварии и катастрофы. Но и вне экстремальных ситуаций утилитаристски ориентированные силы все чаще вынуждены признавать, что неправительственные экологические организации действуют эффективнее, нежели государственные, и поэтому вынуждены обращаться к своим потенциальным противникам как к экспертам.

ГЛАВА 4

Бизнес, население, среда обитания

Цель главы и источники

Цель главы – посмотреть на задачу экомодернизации комплексно, но предметно, то есть как на взаимодействие названных выше сил в рамках определенной территории. Ничуть не умаляя значение трансграничных потоков финансов и трудовых ресурсов, все же город и его ближайшее окружение остаются основным полем их взаимодействия.

Глава написана на основе обобщения теоретических работ и эмпирических исследований, выполненных в (1995-2005 гг.) ведущими западными социологами, изучавшими пути и способы экологической модернизации промышленного производства в США и странах Западной и Центральной Европы (Европейского Союза); на материалах Программы ООН по окружающей среде и программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера»; изучении текстовой и виртуальной информации по теме, в том числе «экологической» прессы; изучении отечественной социологической литературы по взаимоотношению бизнеса и местной власти; на материалах личного архива автора по тематике взаимодействия «предприятие–город»; на интервью с экспертами по интересующей нас теме.

Эмпирической базой являются исследования, касающиеся экологических проблем в сфере ядерной энергетики, химической и лесной индустрии. Этот выбор объясняется тем, что первой предстоит одновременно интенсивное развитие и вывод из эксплуатации энергоблоков АЭС, выработавших проектный ресурс, что сопряжено как с проблемами трудоустройства и переквалификации персонала, так и захоронения жидких и твердых отходов, то есть территориальными (в широком смысле) вопросами. Лесная, отрасль сегодня дает позитивные примеры экологизации (добровольная сертификация и др.) и тоже, хотя и по-иному, имеет территориальный аспект. Кроме того, использованы наработки, интервью и личный архив автора, касающиеся обратного воздействия состояния среды обитания на сознание как работников промышленных предприятий, так и пенсионеров и безработных, искавших работу или применение своего опыта и знаний при реконструкции городов. Речь идет о материалах, полученных в ходе международного проекта «Города

Европы» (1986-91), в котором участвовало 16 европейских стран, включая СССР (Deelstra and Yanitsky, 1991), а также ряда международных проектов по экологической политике РФ в 1994-2000 гг.

Методологические и этические проблемы

Теоретическое и эмпирическое изучение данной проблемы было первоначально начато социологами США и Западной Европы (Dunlap and Mertig, 1991). Это объясняется прежде всего ростом жизненных стандартов и экологической озабоченности их населения. Оно, особенно после аварий на Чернобыльской АЭС и Три-Майл Айленд, стало выступать за чистую и безопасную среду своего непосредственного обитания (Edelstein, 1998). Но в США с ее обширными пространствами, сравнимыми с таковыми в РФ, движение за чистую и безопасную среду долгое время было индивидуальным или коммуитарным (так называемое движение NIMBY, то есть “Not in My Back Yard” или «Только не на моем заднем дворе!» и затем NIABY, “Not in Any Backyard”, то есть «Только не в нашем поселке!»).

С другой стороны, в США нет сильного экологического движения и тем более зеленых партий, но есть несколько очень влиятельных НКО, долгое время определявших публичную политику в отношении защиты среды обитания. В третьих, в США чрезвычайно развито местное самоуправление, имеющее собственные финансовые ресурсы и право голоса на штатном уровне. Только на рубеже XX и XXI веков после разработки специальных исследовательских программ была выявлена гораздо более сложная связь между научными рекомендациями, экологическим законодательством и формированием экологического сознания местного населения, прежде всего пригородных поселков (comrany towns). Прагматично ориентированные американцы разработали оптимальные схемы гражданской активности в ответ на токсическое загрязнение местных сообществ, полагая, что в конечном счете, что «мы все вместе делаем экологическую политику».

В Западной Европе ситуация была иная. В условиях острого дефицита территорий и общего социально-психологического ощущения плотности жизни, острой чувствительности населения к изменениям в среде их непосредственного обитания и мощным экологическими движениями, часть из которых затем превратилась в парламентские партии, начиная с конца 1970-х гг. ученые и практики одновременно взялись за разработку теории и практических рекомендаций по экологизации технологических процессов и обучению персонала прежде всего в химической промышленности и атомной энергетике. Однако, как неоднократно подчеркивали социологи, этот опыт ограничен применением в небольших странах Севера Европы с высоким уровнем жизни и развитыми государственными институтами охраны окружающей среды (Mol, 1995). К тому же, во время моей работы в Нидерландах я неоднократно мог убедиться, какие огромные средства тратились их Министерством по охране среды на про-экологическую деятельность в развивающихся странах Африки и Латинской Америки. Однако за этим стояли вполне прагматические – стратегические – цели. Что впоследствии подтвердилось неудачами *прямого перенесения* этого опыта на российскую почву. Тем не менее, некоторые результаты подобных попыток полезны для разработки российской

модели экомодернизации, потому что они, сделанные 10–15 лет тому назад, примерно соответствуют тому уровню (и возможностям) задач, которые стоят сегодня перед нашей страной. Вот главные из них:

- наука и технологии – ключевые институты экомодернизации промышленного производства;
- условием ее осуществления является рефлексивность социальных институтов индустриального общества;
- есть два подхода к решению задачи такой модернизации: технико-корпоративная и экологически рефлексивная. Первая – элитарная, фокусирующая ресурсы на «экономизации процесса экологизации», то есть фактически на соотношении «затраты–выпуск», которое определяется в конечном счете технологическими процессами и менеджментом компании; вторая – демократическая, связанная с развитием публичной сферы, децентрализацией принятия экологически значимых решений и учетом локального знания и культуры. «Граждане есть высшая инстанция, определяющая приемлемость риска и предлагающая решения» (Dunlap et al., 1993: 292);
- экологические нарушения – «нормальное понятие», обозначающее обычные события нашей жизни, такие, как загрязнение воздуха, воды, почвы и т. п. (Oldfield, 2003; Multi-stakeholders..., 2002), тогда как риск-теория скорее применима к случаям экологических катастроф, то есть редко случающимся, но чрезвычайно тяжелым по последствиям авариям или утечкам. Что скорее по ведомству чрезвычайных ситуаций, а также психологии и медицины катастроф (Hodgkinson and Stewart, 1995);
- обучение и само-мониторинг (self-monitoring) как социальных институтов (организаций), так и индивидов (!) – необходимые стороны процесса экологизации сознания персонала предприятия;
- проводимые до сих пор исследования и следовавшие за ними изменения в законодательстве и должностных инструкциях были главным образом сфокусированы на институциональных реформах и трансформациях, индуцированных потребностями самого производства, то есть не на снижении затрат и повышении его эффективности, тогда как следовало бы уделить гораздо больше внимания общим процессам демократизации принятия решений, экологической справедливости (ecological justice) и каналам и формам взаимодействия между персоналом и местным населением (Mol, 1995: 393–401);
- западные исследователи, хорошо знакомые с российским политическим опытом, подчеркивают, что в то время, когда на Западе в официальном и публичном дискурсе все более господствуют такие главные фреймы, как жизненное пространство или качество жизни, российский дискурс продолжает концентрироваться вокруг таких понятий как природные ресурсы, рабочая сила и т. п. (Karjalainen, 2001: 89–92). Этот вывод подтверждается и более поздними исследованиями (Fisher, 2003).

В общем и целом, как и у нас, «экологизация» там понимается двояко: как изменение массового сознания, в том числе и персонала промышленных предприятий, имеющее своей целью убедить его, что технический прогресс всегда позволяет найти решение любой экологической проблемы. Следовательно, решение будет внутри-корпоративным и публику «просят не беспокоиться». Другая точка зрения состоит в том, что «экологизация» – это проблема общества, его культуры и, следовательно, самовоспитания и перманентного обучения, и поэтому она должна решаться совместно всеми участниками социального процесса. Однако, как показали исследования последствий Чернобыльской аварии, разлома нефтеналивных танкеров, прорывов нефтепроводов, эпидемии коровьего бешенства и более локальных экологических катастроф, социальные институты *критически не успевают* за развитием науки, технологий и базирующихся на них производственных процессов. Поэтому продолжение сотрудничества с зарубежными учеными, экспертами и экологами, включая из стран Северной Европы, позволяет приобрести полезный опыт для наших условий (Бодров и др., 2008).

Теперь – о влиянии типа среды обитания и состояния среды жизнеобеспечения на характер экологического сознания и поведения. Многолетние исследования по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера» показали, что это сознание зависит от типа экосистем, с которыми контактирует персонал и местные жители. Были выделены такие типы экосистем: [1] морские и прибрежные, чрезвычайно уязвимые, что существенно при размещении, например, плавучих АЭС или терминалов газо- или нефтепроводов; [2] лесные экосистемы; [3] бассейны рек и внутренние озера, как правило, являющиеся поставщиками и резервуарами дефицитной пресной воды; [4] степные экосистемы и экосистемы пустынь, редкозаселенные и потому часто используемые для сброса промышленных отходов, отработанных элементов ракет и другого токсичного «мусора»; [5] городские экосистемы, фактически искусственные, являющиеся главными потребителями энергоресурсов (классический пример, Гонконг, живущий на 90% на привозном топливе и другом сырье). Психическое состояние и поведение людей в них детерминировано более, чем где-либо, состоянием этой искусственной среды (Boyden et al., 1981).

Здесь есть проблема. С одной стороны, персонал российских предприятий (за исключением, может быть, неквалифицированных и подсобных рабочих) по своему менталитету все же европейский, и чем далее, тем более он должен будет становиться таким, если владельцы этих предприятий хотят конкурировать на мировом рынке. Но в отличие от нас, США и Западная Европа все активнее выводят предприятия тяжелой индустрии, за исключением атомной и частично нефтегазовой энергетики, в страны Африки и Латинской Америки, превращая старые индустриальные поселки в жилые кварталы, выставочные залы, архивные хранилища, библиотеки и т. п. Мы же, наоборот, расширяя производство, вынуждены привлекать в старые промышленные города рабочую силу. Поэтому использование зарубежного опыта охраны среды обитания в России довольно проблематично. Вопрос стоит таким образом: если корпорация планирует относительно долгую жизнь связки «город–завод», то это будет одна стратегия и методы «экологизации сознания». Если же речь идет о закрытии или репрофилировании, как это предстоит, например, некоторым городкам при АЭС, выработавших свой ресурс, то нужны другие стратегия и методы.

Далее – о моральном факторе. Западные ученые-экологи и специалисты, занимающиеся проблемами защиты природы, подчеркивают значение этого фактора, который уходит корнями не только в ценности глобального экологического сообщества, но и в специфически американские, семейные и общественные (Devall, 1988; Partridge, 1981). Я специально говорю об этом здесь, в данной практически ориентированной главе, потому что американцы удивительным образом в своем поведении сочетают практицизм, граничащий с утилитаризмом, и убежденность в необходимости сохранения всего живого.

Первый аспект этой проблемы означает, что международными организациями все настойчивей ставится вопрос о моральном праве на ключевые мировые ресурсы жизнеобеспечения (воздух, воду, леса, почвы) всех стран и народов планеты (global ecological justice). Что, очевидно, непосредственно касается суверенитета России и ее права собственности на природные ресурсы (Яницкий, Кульпин, 2007: 52–54). Второй аспект касается критики релятивизма морали потребительского общества, которая фактически оправдывает потребительскую идеологию и отказывается от учета ее непосредственных и более отдаленных последствий. *«Семейная традиция, которую я стремлюсь продолжать, – говорит шведский эксперт, – состоит в том, что в нашем подвижном и очень разном мире все же должны быть моральные устои, потому что всегда и везде надобно различать добро и зло. Дело не в том, сколько раз в месяц вы ходите в церковь, а в том, что в бизнесе, как и в любой другой профессиональной деятельности, должны быть четкие границы дозволенного, которые нельзя переходить ни при каких обстоятельствах. Бог должен быть внутри вас, это состояние вашей души, habit of mind, если угодно.... В любом деле, в охране природы в том числе, должны быть заложены определенные ценности, если хотите, философия или идеология...»* (из интервью с сотрудником World Research Institute, 2006).

Многие из отмеченных выше принципов и подходов были позже сформулированы в документе «Экологическая политика Европейского банка реконструкции и развития» (2003 г.) В 1991-93 гг. автор, будучи советником данного Банка в Лондоне, принимал участие в разработке одной из ранних версий данного документа, в основном в части его экологической информационной политики в отношении информирования местного населения и его участия в решении экологических проблем (Public Participation Information Initiative). Вот основные из них:

- банк полагает, что устойчивое развитие является фундаментальной целью надлежащего ведения бизнеса и что экономический рост и здоровая среда неразрывно связаны. устойчивое развитие находится среди высших приоритетов деятельности банка. Он подтверждает, что его политика и деловая активность должны и будут способствовать устойчивому развитию, удовлетворяющему потребности настоящего без нанесения вреда будущему;
- банк будет оказывать особое внимание и поддержку эффективному использованию ресурсов и энергии, снижению отходов, рекультивации «коричневых земель», использованию возобновляемых ресурсов и их восстановлению, и использованию наиболее (экологически) чистой продукции в финансируемых им проектах;

- банк всемерно поддерживает весьма осторожный подход к менеджменту и устойчивому использованию ресурсов природного разнообразия, таких, как дикая природа, места нереста рыбы и дары леса и будет стремиться к тому, чтобы его деятельность включала меры по охране и там, где это возможно, расширению заповедных территорий и биоразнообразия, которое они поддерживают;
- банк будет способствовать поддержанию и расширению диалога с основными игроками (stakeholders), включая инвесторов и других стейкхолдеров, правительства и их бизнес-партнеров, международные институты и гражданское общество во целом. в соответствии с принятой банком информационной политикой, он будет следовать четырем базовым принципам в отношении информирования публики и консультаций с нею. таковыми являются: прозрачность; соответствие мандату и подотчетность стейкхолдерам; желание слушать и воспринимать комментарии и критику и сохранение делового подхода к реализации своей экологической политики;
- банк будет стратегически действовать в четырех направлениях: интеграции экологических соображений (требований) в весь проектный цикл; поддерживать экологически ориентированные инвестиции во всех секторах экономики; поддерживать экологические начинания в отраслевых и национальных стратегиях Банка, а также в сферах технологической кооперации бизнеса и развивать партнерские отношения в решении региональных и глобальных проблем;
- банк придает особое значение информационной открытости действий проектантов, застройщиков эксплуатационников и их консультациям с населением. Банк полагает, что деловые консультации с публикой являются важным средством повышения качества бизнес-проектов. Банк будет поощрять и поддерживать консультации с публикой в регионах его мандата.... В случаях, когда требуется проведение процедуры оценки состояния окружающей среды (Environmental Impact Assessment, EIA), те жители, которые потенциально могут быть подвержены ее негативному воздействию, должны иметь возможность публичного выражения своей точки зрения относительно самого проекта, размещения предполагаемого промышленного объекта, его технологий и времени строительства до того, как решение о его финансировании будет принято Банком;
- в дополнение к процедурам EIA Банк может инициировать процедуру стратегической экологической оценки (Strategic Environmental Assessments, SEA) относительно вероятных экологических последствий планов отдельных предприятий (компаний) для регионов или стран. В обоих случаях предполагается вовлечение в оценки представителей местного населения и неправительственных организаций;
- особое внимание должно быть уделено тем объектам, которые расположены рядом <с человеческими поселениями>, или чья деятельность может оказать негативное влияние на особо экологически чувствительные территории и ареалы. К таковым относятся национальные парки и другие особо охраняемые территории, находящиеся под

защитой международных или национальных законов и конвенций, а также другие объекты международного, национального, регионального и местного значения, как, например, леса высокой биологической ценности, места исторической или археологической важности, а также ареалы жизни коренных народов и других групп, подверженных риску исчезновения;

- в конечном счете, чтобы получить финансирование от Банка, компания должна выполнить целый ряд действий, к основным из которых относятся: экологическая и социальная оценка предлагаемого проекта (реконструкции, модернизации и т. п.) и подробный бизнес-план; описание условий найма и труда; предполагаемых мер предотвращения возможного загрязнения и их смягчения; меры по обеспечению социальной и экологической безопасности и общественного здоровья; обозначить масштаб и характер вынужденных переселений и увольнений; меры по сохранению биоразнообразия и устойчивого воспроизводства природных ресурсов; меры по охране малых коренных народов и сохранению их культурного наследия; обеспечение открытости информации;
- разрабатываемая сейчас группой ведущих ученых и политиков ЕС Европейская социальная модель базируется на принципе социальной устойчивости, важнейшими слагаемыми которой являются социальная и экологическая справедливость, а также минимизация рисков для населения и природы (Giddens et al., 2007).

О некоторых результатах российских исследований

Основными «игроками» на площадке формирования про-экологического сознания населения являются: государство, бизнес, СМИ, университеты и научные организации, НКО и органы местной власти, местное население, большинство которого в нашем случае работает на одном-двух градообразующих предприятиях и обслуживающих его структурах. И, подчеркнем, сама *социальная среда обитания*. Однако соотношение этих сил в последние годы меняется в пользу государства и давления глобального рынка, в то время как роль науки и НКО снижается. Как отмечают российские эколо- политики, «бизнес зеленеет быстрее государства» (Е. Шварц), но это происходит прежде всего под влиянием рыночной конкуренции. Вместе с тем, с выходом российских корпораций на международную арену роль более строгих экологических стандартов и запросов западного потребителя, более высокий уровень их экологической озабоченности становятся важными факторами, детерминирующими конкурентоспособность российских предприятий и товаров. Технологическая модернизация производства, позволяющая существенно снизить загрязнение среды, – чрезвычайно капиталоемкое дело. Поэтому, по мнению опрошенных мною экспертов, стейкхолдерами экологизации являются прежде всего западные инвесторы.

Разработка крупных транснациональных проектов добычи и транспортировки нефти и газа, приватизация многих добывающих и транспортных систем, перераспределение частной собственности, силовой захват участков

в лесозащитных и водоохраных зонах крупных городов, коммерческий запуск космических аппаратов – все это порождает новые экологические риски, затрагивающие здоровье и благополучие миллионов людей. Эти угрозы суть также результат принятия пакета законов, в корне меняющих отношения собственника предприятия, местного сообщества и индивида и среды их непосредственного обитания; последовательной деинституционализацией экологической политики; снижения роли академической науки в российском обществе и, в частности, в сфере принятия инвестиционных и других решений в отношении среды обитания; и законодательных ограничений деятельности некоммерческих организаций.

В течение последних трех-четырех лет Государственной Думой принято несколько пакетов законов, кардинально *изменивших все правовое поле* взаимоотношений жителя (наемного работника, мелкого частного собственника, пенсионера, молодой семьи) и среды его непосредственного жизнеобеспечения. Это законы о ЖКХ, о земельной собственности, о лесе, новый Градостроительный Кодекс и др. Все они прежде всего защищают права крупного собственника, а не рядового жителя. Совокупный результат практики применения этого пакета показывает, что человек не может самостоятельно освоить Монблан нормативно-инструктивных документов – требуется дорогостоящая помощь адвокатов; некоторые законы противоречат друг другу или между ними остаются «дыры», являющиеся источником конфликтов между инвесторами и жителями; законы не закрывают дорогу «своим» или фантомным некоммерческим организациям.

Идет ли бизнес навстречу экологии? Бизнес, от которого власти требуют все новых «отчислений», идет навстречу городским властям и общественным экологическим организациям только в тех случаях, когда:

- западные потребители российских ресурсов (прежде всего леса) требуют от российских производителей их сертификации (Шварц, 2006: 171–82);
- мировое общественное мнение, мобилизуемое международными экологическими организациями, вынуждает отечественный бизнес пересматривать уже утвержденные проекты;
- за следование экологическим стандартам бизнесу полагаются льготы или сокращение обязательных «экологических» отчислений или предлагаемые экоНПО технологии позволяют компаниям снизить потребность в энергии или других ресурсах;
- когда «экологический имидж» (рейтинг) позволяет бизнесу повысить свою конкурентоспособность;
- страхование экологических рисков становится обязательным;
- интересы российского бизнеса входят в противоречие с интересами ТНК;
- когда отечественный бизнес может использовать аргументы экоНКО и недовольство населения в своих политических интересах;
- бизнес уже захватил особо ценные ресурсы (лесные земли, водоемы) и может сделать вид, что соблюдает экологическое законодательство.

Среди *внутренних факторов*, делающих бизнес несколько более экологически чувствительным, находятся:

- старые промышленные предприятия, которыми руководят «красные директора» и где еще сохранилась тесная связь между руководством предприятия и администрацией города. То есть там, где они еще в известной мере партнеры;
- такие же предприятия, где есть дефицит квалифицированной рабочей силы;
- «режимные предприятия» непрерывного цикла, где утечку квалифицированных кадров невозможно быстро восстановить. Профсоюзных организаций, отстаивающих интересы наемных работников, на этих предприятиях практически нет. Однако, по мнению социологов, с приходом на них молодых менеджеров, обучавшихся за границей (так называемого поколения *next*) ситуация может быстро измениться в сторону ухудшения качества жизни населения (Чирикова и др., 2005).

Положительным примером экологизации российского бизнеса является уже упоминавшаяся в Главе 2 Добровольная сертификация лесопользования и лесопользования, новый и быстро развивающийся процесс и одна из реальных форм экологической модернизации. Наиболее популярной в мире является сертификация по схеме Лесного попечительского совета (ЛПС), которая основана на международных принципах и критериях устойчивого управления. Добровольная лесная сертификация по схеме ЛПС в России стала реальной альтернативой неудавшейся попытке государства модернизировать лесопользование в соответствии с международными принципами. Благодаря единству принципов, критериев и стандартов сертификации по схеме ЛПС, ее развитие в России позволяет создавать множественные очаги экологически и социально ответственного и экономически устойчивого лесопользования. Таким образом, сдвиги в сторону экологизации производства сегодня скорее всего происходят под воздействием внешних – экономических и культурных – факторов.

Единого рецепта экологизации российского бизнеса не существует – можно говорить лишь о совокупности некоторых условий и трендов. Во-первых, это технологическое перевооружение (модернизация) предприятий. Во-вторых, восстановление относительно автономных институтов государственного контроля и регулирования – они есть во всех индустриально развитых странах. В-третьих, это возвращение (укрепление) общественной, кооперативной или общинной формы собственности, особенно для регионов традиционного хозяйствования коренных малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Так, как это, например, уже давно сделано на Аляске, где частные корпорации владеют лишь минимальной долей собственности на средства производства (Хикл, 2006). В-четвертых, это всемерное развитие малого бизнеса, понимаемого здесь как форма инициативной самоорганизации местного населения. В-пятых, развитие прямых межрегиональных и бассейновых бизнес-контактов. Плюс возможно – передача части региональных ресурсов в ведение (пользование) малого бизнеса.

Наконец, практика модернизации требует разделения российских промышленных предприятий по крайней мере на четыре типа:

- стационарные градообразующие предприятия (система «город–завод»);
- стационарные градообразующие режимные предприятия, например, АЭС (система «завод–режимный город»);
- стационарные линейные предприятия (прежде всего все виды трубопроводных систем и других инфраструктур), на территории которых населения может и не быть или же они заселены чрезвычайно редко (система «труба–территория»);
- стационарно-линейные береговые системы, или система «предприятие–город–водная система», где работает комплекс совершенно различных по типу сознания персонал, например, квалифицированные инженеры станций перекачки, портовые грузчики и рыбаки – отечественные и зарубежные, постоянно нарушающие элементарные правила экологического законодательства и т. д.

Итак, перед Россией как «территорией» стоит одновременно несколько приоритетных задач: модернизация производства и инфраструктуры, «сохранение народа и удержание территории» (Шмелев, Федоров, 2007: 5–22), и если наш бизнес не проникнется этими национальными приоритетами, то он рискует потерять многие свои бонусы и преференции.

Что касается СМИ, то они, выступая как пропагандист идеологии потребительского общества, противостоят экологически-ориентированному развитию территорий. С одной стороны, СМИ культивируют потребительский образ жизни, с другой, никогда не показывают его социально-экологические последствия. Затем, присущая ранее СМИ роль экологического воспитателя практически ими утеряна. Далее, СМИ презентует повседневную жизнь предприятий и городов как череду аварий и катастроф, не пропагандируя элементарные меры экологической безопасности, которые должны быть усвоены персоналом промышленных предприятий и населением городов. Наконец, СМИ, культивируя страх и «право сильного», тем самым *демобилизует население*, объясняя ему, что оно – лишь жертва и сторонний наблюдатель (телезритель) очередной аварии или природного бедствия, но не активный участник процесса ликвидации их последствий и тем более не участник принятия превентивных мер.

Что касается роли академического сообщества, то исследования науковедов и мои собственные показывают, что оно разделилось на несколько групп. Первая покинула академическую науку, и ее как инструмент экологизации можно считать утерянной. Как сказал акад. РАН В. Фортов, «в России остались только те, кто уехали». Почему? – Да потому, что последние 20 лет РФ живет за счет научного потенциала, накопленного предыдущими поколениями, и не производит нового. Например, говорит Фортов, «российские ученые уже неоднократно предлагали способ увеличения дебита отработанных нефтяных скважин в пять-шесть раз. Но гиганты российского нефтяного рынка «не заинтересованы в разработке малых месторождений, имеющих малый дебит или выработавших свой ресурс» (Фортов, 2005). Таким образом, сырьевому российскому бизнесу пока нужны только технологии, обслуживающие «трубу». Теоретиков продуктивно привлекать на начальных стадиях проектов экологизации.

Вторая, наиболее многочисленная группа ученых и преподавателей вузов так или иначе стала обслуживать властные структуры и бизнес-сообщество. Эта группа занята в основном в общественных и экспертных советах, зависимых от них. Из этой группы рекрутируются (политически ангажированные) эксперты для работы в структурах Государственной экологической экспертизы, рассматривающих проекты новых предприятий и инфраструктур. Эти эксперты хорошо умеют писать заказные тексты (методики), но потом оказывается, что они практически трудно применимы.

Третья группа, сохраняя свой формальный статус как научных работников и преподавателей, все теснее сотрудничает с экоНПО и местными администрациями. Это чрезвычайно профессионально и социально активная группа лиц среднего возраста (40–55 лет), хорошо образованная и интересующаяся новинками в своих предметных областях. С моей точки зрения, эти люди могут быть потенциальными кандидатами на работу в учебных центрах, создаваемых для реализации проектов модернизации. Проблема здесь в том, что эти люди в связи с возрастающим дефицитом кадров в высшем образовании, уже хорошо устроены и востребованы. Как пишет ведущий российский науковед, «через 10–15 лет вузы буквально съедят науку, так как из-за демографической ситуации «аспирантов первого года обучения и вчерашних выпускников уже нужно будет направлять в лекционную аудиторию выступать в роли «профессоров», которых станет катастрофически не хватать для обеспечения образовательного процесса в высшей школе... Учтем при этом, что нынешнее постепенное снижение числа абитуриентов после 2015 года сменится <их> увеличением» (Водопьянова, 2005: 103, 2008: 65–75). Так что эту группу «продвинутых и успешных» желательно, но практически очень трудно вовлечь в работу по экологизации сознания местного населения.

Четвертая группа – это научные работники и специалисты, давно перешедшие в организации гражданского общества. Они инициативны, образованы, постоянно практически участвуют в общественных слушаниях, общественных экспертизах, судебных тяжбах и других социально значимых действиях, направленных на защиту экологических прав населения. Фактически, они являются его экологическими адвокатами (об их типах см. Яницкий, 2004: 86–96).

Пятую группу я называю «случайными людьми», поскольку их мотивация находится за пределами науки и вуза. Это студенты или аспиранты, использующие НИИ или вуз в следующих целях: [1] адаптация к городской жизни и рыночной среде; [2] отсрочка от армии; [3] отсрочка от вступления во взрослую жизнь; [4] резерв времени для поиска хорошо оплачиваемой работы, устройства личной жизни; [5] возможность посмотреть мир и заработать «очки», необходимые в будущей жизни (обучение иностранному языку, навыкам менеджмента и др.); [6] время для обретения специальности, никак не связанной с экологией (работа в бизнесе, банковском секторе и т. п.); [7] «трамплин» для отъезда за границу с целью самореализации, повышения личной конкурентоспособности и востребованности в бизнесе или властных структурах; [8] еще одна группа – это часть нового поколения преподавателей экологии и социальной экологии в периферийных вузах страны. С усилением потребности в таких кадрах они стали рекрутироваться из случайных людей, в основном работников бюджетной сферы (статистиков, невостребованных экономистов и юристов), которые, как показали мои собственные интервью, абсо-

лютно не представляют себе ни предмета, ни методик его преподавания (читая курсы по случайным материалам из Интернета) и мотивированные только возможностью приработка. Поэтому данная группа будет скорее противником, нежели союзником дела экологизации сознания местного населения.

Разрыв между теми, кто живет во времени, и теми, кто живет в пространстве, то есть привязан к определенному месту жительства и не имеет возможности покинуть его, все возрастает (Бауман, 2004; Яницкий, 2006). Это приводит к тому, что население страны начинает подразделяться не только на winners and losers, но и по критерию возможности/невозможности избежать экологических рисков (Yanitsky, 2004: 155–64).

Произошли также существенные сдвиги в культуре городского населения. Городская культура СССР/России вплоть до начала 1990-х гг. была *культурой связи городского образа жизни с природой* (дома в зелени, много света, воздуха, открытых пространств), сегодня она вытесняется культурой сугубо индивидуалистической («дом–крепость») и утилитарной (пренебрежение к общественному благу). Раньше городская культура была культурой рекультивации, обживания, общего обустройства непосредственной среды обитания, сегодня она вытесняется культурой индивидуального комфорта и престижа, то есть *культурой потребительской* (строительство на заповедных территориях, вырубка деревьев для строительства индивидуальных гаражей, строительство индивидуальных коттеджей в парковых зонах и заповедниках – типичные тому примеры). Даже часть малообеспеченного населения, прежде всего молодежь, хотят жить «здесь и сейчас», чем объясняется, например, бум потребительского кредитования. Таких людей не только трудно экологически «мотивировать», но и приучить соблюдать элементарные правила экологически грамотного поведения.

Что касается обратного воздействия рисков среды на городское население, то многолетние исследования показали, что, если условно разделить зоны влияния загрязнения на ближнюю (непосредственную), срединную и периферийную, то наиболее остро и в то же время рационально на загрязнение реагируют жители срединной зоны. Реакция жителей ближайшей и периферийной зон более эмоциональна (иррациональна), эти люди чаще уповают на поддержку своей первичной ячейки (Яницкий, 1998: 43). Как отмчается, «Атомизация социальной жизни смягчает удары продолжающегося на Украине экономического кризиса. Этот атом – семья, тут все рубежи обороны выставлены». Но эти результаты справедливы для тех случаев, когда источник загрязнения – «точечный». Когда же речь идет о многокилометровых трубопроводных системах, как, например, на Сахалине, уровень озабоченности местных растет пропорционально близости к месту проведения работ (его трассировке, прокладке, пусконаладочных работах, ремонте, строительстве временных дорог для их обслуживания) (Мозговая и др., 2001: 190–91). Поэтому, меры по экологизации сознания и поведения зависят от характера предприятия («линейное» или «точечное») и его размещения в отношении поселенческих систем.

Про-экологический поворот в сознании трудящегося населения промышленных городов зависит, во-первых, от растущего дефицита трудовых ресурсов и старения населения. Как отмечает эксперт по ядерной энергетике, «самое главное, это – старение персонала и нехватка квалифицированных рабочих кадров, например, сварщиков. На наших станциях работает очень

много людей – примерно более тысячи на блок. Операторов, собственно, не так много, но много ремонтных рабочих, наладчиков аппаратуры, т. к., говорят, оборудование часто приходит в таком виде, что его сразу же нужно ремонтировать» (ЛП, из интервью, 2008). Система среднего специального образования только-только начинает восстанавливаться. Поэтому основные кадры – это мигранты из стран ближнего зарубежья. С одной стороны, они более зависимы от предприятия, но с другой, – их общая и производственная культура и дисциплина гораздо более низкая, чем у тех, кто получал квалификацию еще в советское время. Российская молодежь, особенно пошедшая армию, предпочитает другие сферы занятости: частные охранные предприятия, силовые структуры и т. п., где систематическое специальное образование и жесткое соблюдение технологической дисциплины не требуются.

Во-вторых, город как социальный институт сегодня уже не является средой, поглощающей экологические риски. Напротив, исчерпав свою «поглощающую способность», он их продуцирует (Яницкий, 2003; 2004: 199–205). У городской администрации экологические проблемы города находятся на последнем месте, и о них вспоминают, как правило, только при необходимости, хотя состояние городской среды критическое. Так ГРЭС (г. Новочеркаска), «оказывает серьезнейшую нагрузку на окружающую среду, что и было подтверждено в ходе комплексных исследований, произведенных на территории города в рамках всероссийской апробации критериев экологической ситуации на муниципальных территориях.... Госэкспертиза признала, что город по загрязнению воздуха, почвы, а также поверхностных грунтовых вод может быть отнесен к территории чрезвычайной экологической ситуации. А по ряду параметров и к зоне экологического бедствия» (МН, из интервью, 2007).

В-третьих, на фоне избытка рабочих рук, некоторые профессии стали особенно дефицитны. Параллельно присутствует страх увольнения и/или сокращения заработной платы, премий социального пакета и т. п. Отмечается, что «страх увольнения постоянно присутствует. Например, в сфере атомной энергетики все АЭС – градообразующие предприятия, и найти другую работу, кроме как в сфере их обслуживания, практически невозможно. А для человека, получившего приличное инженерное образование, это может быть унижительным.... В начале 1990-х гг. в отрасли появились т. н. “сигнальщики”, то есть люди, рискнувшие сопротивляться политике администрации, и хотя они были уже пенсионерами, они подвергались преследованию» (ЛП, из интервью 2008).

«Экологический ресурс» гражданского общества

За 20 лет работы российскими экоНКО накоплен значительный инновационный ресурс в деле экологизации сознания и поведения граждан, особенно в отношении детей школьников и молодежи (Чепурных, 2003). Длительное сотрудничество с зарубежными экологическими организациями и фондами дало возможность переработать, «переварить» принципы и методики этой экологизации применительно к российским условиям и что особенно важно – применительно к региональной специфике и этнонациональным особенностям малых и коренных народов. Чем раньше начинается такое воспитание и обучение, тем прочнее закрепляются его уроки. Поэтому экоНПО не только мо-

гут «переносить» в среду производственного персонала зарубежные новинки в области технологического знания, но и знать, как они им воспринимаются и адаптируются, а через него – и населением города.

Конкретно этот ресурс можно реализовать следующими путями. Прежде всего, воздействием на местные и региональные властные структуры. Сети НКО, все более профессионализируясь, выполняя заказы бизнеса и властных структур в части сертификации продуктов их деятельности, становятся элементами «третьего сектора». Кроме того, профессионализация в деле охраны среды всегда означает «системность», включая принятие правил игры, задаваемых «сверху». Многие лидеры экоНКО, входя в общественные палаты и другие государственно-общественные структуры, получили возможность публично отстаивать свою точку зрения. Как считают лидеры экологического движения, от «такого контакта нельзя отказываться» (Забелин, 2006: 41–42).

Далее, это – создание публичной площадки для диалога экоНКО и бизнеса. До сих пор ни РСПП, ни другие общественные объединения промышленников и предпринимателей никогда не обсуждали проблем экологизации бизнеса совместно с российскими зелеными. Поэтому независимые эксперты требуют правового паритета бизнеса и НКО: «Мы намерены продвигать идею, что на некоммерческую деятельность должны распространяться ...те же нормы, которые считаются естественными для бизнеса: контроль на выходе, а не на входе, индивидуальная ответственность организации за результаты ее деятельности вместо необходимости доказывать, что эту деятельность можно начать». Кроме того государство должно финансово поддерживать деятельность НКО. «Если в странах Восточной Европы доля государственных денег в финансировании некоммерческого сектора составляет до 40%, то в России – лишь 1,2%» (Аузан, 2006: 43–44).

Ресурсом для экологизации сознания является развитие бизнеса самих экоНКО. Российские зеленые предполагают развивать два вида бизнеса с участием НКО: [1] создание государственных или негосударственных, но обязательно независимых и финансируемых из бюджета специализированных центров – экологической экспертизы, оценки рисков или др.; предполагается, что подобные организации могут работать по заказам бизнеса, региональной или муниципальной власти, а также жилищных объединений (ТСЖ, жилищных кооперативов); [2] общественная экспертиза как разновидность бизнеса НКО по оказанию услуг непосредственно населению, а также различным организациям, чья деятельность связана с состоянием среды обитания (страховщики, риэлторы, коллективные и индивидуальные собственники жилья).

На муниципальном уровне общественные экологические слушания могут стать видом услуги, оказываемой экоНКО. Лидерами движения предполагается «встроить решения, принимаемые на слушаниях, в процедуры принятия решений органами местного самоуправления». Это могут быть административные слушания (как аналог судебной процедуры) и гражданские слушания (аналог жюри присяжных). Первые более подходят для принятия конкретных решений типа «да или нет», вторые – для разработки рекомендаций стратегического характера (вопросы планирования, застройки, организации жизни местного сообщества, оценка возможных рисков, вопросы безопасности детей и т. п.) (Карпов, 2006: 26).

Далее, это развитие «неполитической политики». Выход экоНКО во всемирную паутину, распространение сетевых форм производства экологического знания, как профессионального, так и локального, ограничивают возможности контроля за деятельностью экоНПО со стороны властных структур. Через Интернет российские зеленые осуществляют образовательные программы, дистанционное обучение, обмен опытом, мобилизацию информационных и других ресурсов. Интернет-мобилизация – мощное средство пропаганды экологических знаний и культуры. Экоактивисты совмещают свою профессиональную деятельность, включающую *научно-практические исследования*, с гражданской и административной активностью, особенно в местных органах охраны природы. В основе такого совмещения лежат различные неофициальные личные связи, потребность местных администраций в квалифицированных специалистах и советниках, а также понимание чиновниками нижнего административного звена экологических целей и ценностей. Часто последние предлагают: «Вы, зеленые, выступаете с инициативой, а мы вас поддержим», так что максима студенческого Движения дружин охраны природы – «У природы должны быть везде свои люди!» – действенна до сих пор. Так, благодаря соединенным усилиям российских зеленых, в 2005-06 гг. трасса нефтепровода Восточная Сибирь–Тихий океан была отодвинута от озера Байкал на несколько десятков километров (Рихванова, 2003).

Необходимо расширение других легальных площадок общения. Такими площадками взаимодействия зеленых и властных структур до последнего времени оставались Государственная экологическая экспертиза (ГЭЭ) и Общественная экологическая экспертиза (ОЭЭ), процедуры оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), общественные слушания, референдумы и конечно суд. В последнее время получили распространение «административные общественные слушания» – квазисудебная соревновательная процедура, предполагающая наличие оппонента, проponenta и жюри, которая позволяет гражданам принять публичное участие в принятии экологически значимых решений. Власть можно призвать к порядку и ее же «оружием»: посредством легальных бюрократических процедур участия населения и НКО в процессах принятия решений. Регламент всего этого процесса, начиная от фиксированных сроков оповещения населения о дате и месте общественных слушаний и до общественного мониторинга выполнения административного или судебного решения, – все должно быть регламентировано. Участие НКО в разработке этого регламента совместно с представителями компаний критически важно.

Интеллектуальный ресурс российской глубинки должен быть сохранен. Там, помимо НКО, ресурсом для экологического воспитания и образования являются школьные учителя. Сплошная компьютеризация школ позволяет как можно раньше и максимально глубоко вовлекать школьников в этот процесс. Нельзя забывать, что Россия все еще является страной малых городов, поселков и деревень, где единственными культурными ресурсами являются учителя и работники библиотек. Вот как это конкретно представляет себе один из лидеров экологического движения в сибирской глубинке: «Должна быть живая сеть взаимодействующих экологических школьных групп, руководимая педагогом, активным, энтузиастом, который либо уже зарекомендовал себя, либо он действительно видит свою работу чуть-чуть дальше. То есть, мотивация должна быть ориентирована на конечный природоохранительный эффект... Эта сеть должна поддерживаться деятельностью педагогов, то есть

методически, информационно, морально, потому что ресурсов-то немного, а вот общность – есть. То есть поддерживать их работу, стимулировать самих ребят, чтобы они формировались как в коллективе, как лидеры, чтобы они между собой общались внутри вот этой сети... Еще нами введена такая вещь, как итоговые конференции, на которой происходит и обучение, и подведение итогов... Тем самым, я считаю, что нащупал тот оптимальный ритм, который позволяет поддерживать мотивацию и стимулировать охрану природы» (АД, из интервью, 2007). Этот интеллектуальный и организационный ресурс должен быть максимально использован.

Способом организации экологического воспитания местного сообщества являются микро-проекты, выполняемые на малые гранты, предоставляемые им на конкурсной основе. Проект – «лекарство» против индивидуализма, апатии, неверия и современная форма коллективизма, один из инструментов формирования этики общего блага. Одновременно проект – форма возрождения российской культуры (дружеская беседа, совместная творческая работа, коллективная релаксация – просмотр слайдов, съемка любительских фильмов, чаепития), общественные сходы, традиционные способы общественного признания и вознаграждения. В небольшом местном сообществе, особенно в российской глубинке *«индивидуальный жизненный проект»*, о котором так много написано западными социологами, практически нереализуем, а *групповой* – вполне возможен, в частности потому, что он изначально «встроен» в уклад местной жизни. Действительно, в процессе разработки такой проект, как правило, адаптируется к условиям «места» и образу жизни местного сообщества. Как отмечали мои респонденты из Дальневосточного Приморья, «мы сначала делали самые простые проекты. Но постепенно стали добираться и до проблем, создаваемых нашему поселку региональной ТЭЦ» (МЦ, из интервью 2007). Для отдельной личности проект одновременно – средство развития, самореализации посредством включения в локально-глобальный активизм и способ остаться самим собой, человеком данного места. Проект, особенно в форме картирования (территории, ресурсов), составления «профиля» местного сообщества – способ структурирования мышления рядового жителя, мобилизации его творческого потенциала. Микропроект не панацея, но он – остров временной определенности жизни местного населения в ситуации быстротекущих перемен. Поэтому крайне желательно, чтобы предприятия совместно с местными администрациями выделяли бы подобные микрогранты для работы совместных экологических групп на местах.

О проекте комплексного «экологического поворота» на местах

Пользуясь наработками отечественных и зарубежных специалистов, попытаюсь сформулировать некоторые принципы такого «поворота» применительно к системе «предприятие–город».

Его цели, задачи и методы должны разрабатываться в соответствии со стратегическими задачами развития российского государства и общества: ослаблением ресурсной зависимости, диверсификацией экономики; модернизацией производственного и инфраструктурного комплекса и управления им и переходом к созданию общества знаний (информационного общества).

Экомодернизация производства и, прежде всего, его технологическое перевооружение, – важнейшее условие повышения конкурентоспособности российского бизнеса и решения задач обеспечения здоровой и безопасной жизни работников и их семей. В конкретном случае речь идет об экомодернизации сознания и реального поведения работников группы промышленных предприятий с целью повышения производственной дисциплины, сокращения выбросов и повышения экологической культуры занятых. «Экологический поворот» невозможен без экологизации сознания собственников и топ-менеджеров, начиная от их восприятия данной задачи и до практической готовности к этому капиталоемкому и технически инновационному повороту.

Разные типы предприятий требуют различного подхода к экологическому воспитанию и обучению их персонала. «Точечные» предприятия имеют контрбаланс в виде городских властей, партийных и общественных организаций и самого населения (занятого на предприятиях), которые могут вступать с ним в диалог по поводу загрязнения, аварий и катастроф. Для такого диалога есть публичные площадки или их можно создавать совместными усилиями. «Линейные» предприятия с их огромной протяженностью и пересекающие самые разные экосистемы и человеческие сообщества не имеют «своего» населения. Они, напротив, отчуждены от него, поскольку их персонал и охранные структуры рекрутируются и обучаются не на месте, а работают вахтовым способом. Здесь, как показывает 20-летний опыт, защитниками среды обитания и одновременно создателями обучающих центров могут быть крупные (сетевые) экоНПО в сотрудничестве с НИИ и вузами.

Актуальной является задача определения сферы (ареала) ответственности компании и их предприятий. Если с «точечными» объектами более или менее ясно, то зона ответственности «линейных» гораздо менее определена. Как определить этот ареал, например, в случае заражения р. Амур химикатами из р. Сунжи с территории Китая? Или разливов нефти в случае аварий, несанкционированного отбора топлива, сжигания попутного газа, ненадлежащего консервирования скважин в зонах затопления Каспийского моря, загрязнения рек и почв после ликвидации прорывов вокруг скважин, осевых и сточных коллекторов, слива во время ремонтных работ нефтепродуктов и эмульсии в ямы (так называемый «амбарный метод») и т. д.

Процесс формирования экологического сознания работников и экомодернизация в целом есть процесс *конкуренции* отраслевых (корпоративных) и общекультурных норм и стереотипов поведения. Стратегическая задача «поворота»: сблизить, свести к минимуму это противоречие. Для чего необходимо сочетание прямых и «средовых» воздействий на персонал с целью формирования и закрепления соответствующих образцов поведения на производстве и вне его.

Население, как работающее на некотором предприятии, так и вне его, имеет собственную шкалу оценок экологической ситуации, в которой они находятся, а также грозящей им лично опасности. Эти оценки детерминируются прошлыми знаниями и опытом и опираются на общую и профессиональную культуру. Они – очень устойчивы, и не поддаются прямому изменению (регуливанию). Соответственно, наряду с развитием экологической мотивации, необходимо создание моделей *реального экологического поведения* работников предприятий и на их основе – методик их реализации.

Задача экомодернизации сознания и реального поведения работников может решаться только комплексно, так как все ее элементы суть зависимые от производственной и общей культуры. Как и в других случаях практически ориентированного исследования, исходная схема формирования про-экологического сознания-действия такова: «восприятие–понимание–действие».

Алгоритм этой схемы таков: сначала восприятие менеджментом и работником предприятия общих задач экологизации; затем – «понимание», то есть оценка ими плюсов и минусов конкретной модели экологизации, и уже потом – реальное про-экологическое действие, в котором предлагаемая модель корректируется в соответствии с реальными обстоятельствами.

Территориальный фактор. Здесь есть несколько вопросов. Главные из них: является ли данное предприятие единственным градообразующим предприятием, или же таких предприятий в городе несколько? Какая задача ставится: экологизации сознания только персонала предприятия, или же предприятие и город совместно решают общую задачу экологизации сознания всего населения? В какой мере нормы безопасности и другие технологические регламенты относятся только к производственным процессам, или же у них есть общие (средовые) принципы?

Независимый контроль и инструменты принуждения извне необходимы. Как правило, корпорация устанавливает на подведомственных предприятиях свои корпоративные правила и нормы поведения. Гражданские организации должны иметь легальное право контроля за процессом экологизации на них.

«Территориальный» и «внутрикорпоративный» элементы задачи должны быть логически и методологически увязаны. Иными словами, мотивация на соблюдение технологий, включая инновации, нацеленные на снижение загрязнения, и мотивация сбережения окружающей среды взаимосвязаны, так как человек един и его поведение регулируется *культурой*. В противном случае возникает не только когнитивный диссонанс, но и реальная опасность отторжения предлагаемых мер по экологизации.

Практически, программа экологизации системы «завод–город» должна формироваться *одновременно с двух сторон*: «сверху» (разработка теоретического и методического инструментария для формирования экологического сознания персонала) и «снизу» (апробация этого инструментария на практике). Для этого необходима информация о базовых характеристиках предприятия и занятых: его производственном профиле, половозрастном составе, профессиональной структуре контингента занятых, потенциальной социальной и территориальной мобильности его основных групп, зарплате и содержании социального пакета этих групп, типе города (поселения), в котором предприятие размещается.

Методически представляется необходимым проведение пилотного исследования связки «предприятие–город», что позволит не только глубоко вникнуть в проблему, но и определить тип взаимоотношения предприятия и территории, которое зависит от более широкого числа факторов, в том числе ландшафтно-экологических. Одно дело – это моногорода, и совсем другое, трансконтинентальная трубопроводная система, персонал которой работает в основном вахтовым методом, а местное население участвует в ее строительстве и обслуживании в минимальной степени.

Дифференциация типов про-экологического сознания и поведения

Как уже отмечалось, местное население не только имеет *собственную шкалу оценок* экологической ситуации и грозящей им лично опасности. В зависимости от пола, возраста, квалификации, профессии и ряда других характеристик занятых их экологическое сознание также будет различным. Такие различия, выявленные нами в течение 20 лет наблюдения над процессами формирования этого сознания, могут быть в первом приближении сведены в следующие типы работников:

Тип 1 («предпенсионный», образование неполное среднее и среднее, 45–55 лет). Это контингент стабильный, устоявшийся, у него нет другого выбора, кроме желания досидеть до получения полной пенсии, поэтому он скорее всего будет пассивно, но прилежно воспринимать меры администрации по экологизации его сознания. Он озабочен обустройством своей жизни после выхода на пенсию;

Тип 2 («карьерный», образование среднее и высшее, 25–35 лет, без семьи). Эти люди будут всеми силами стремиться найти менее тяжелую и лучше оплачиваемую работу. Поэтому они будут готовы воспринимать «уроки экологии», если таковые будут способствовать их карьере и росту благосостояния (увеличат их социальный пакет, бонусы и т. п.). Эти уроки будут еще более эффективными, если работник по их окончании получит личный сертификат;

Тип 3 (стабильный, семейный, образование среднее и высшее, 25–45 лет). Более всего склонный поддерживать усилия администрации по экологизации сознания, потому что это возможно реально улучшит среду обитания его семьи и принесет «бонусы экологической лояльности» как ему лично, так и предприятию (корпорации);

Тип 4 («достижительный», образование высшее, средний менеджмент, 22–30 лет, без семьи). Эти люди из поколения «next» наиболее циничны, целеустремленны, поддержат любые корпоративные начинания, если они будут полезны их карьерному росту. Ситуация в городе их не интересует, потому что они, как правило, учились за рубежом и живут отдельно от основной массы персонала, а с другой, потому что они – временные, «вахтовики». Они нацелены на продвижение по карьерной лестнице и мало заинтересованы в экологической реконструкции системы «предприятие–город»;

Тип 5 («активист» или, по западной терминологии, «эксперт-гражданин»); образование среднее и высшее, местный житель, 55–65 лет). Это – наиболее активный сторонник экологизации сознания населения и городской среды. Инициатор и организатор общественных слушаний, а возможно пикетов, протестных и других акций в защиту природы и здоровья населения, помогая ему сорганизоваться и мобилизовать ресурсы (СМИ, гранты, благотворительную помощь и т. д.). Хорошо информирован, активно сотрудничает с вузами, научными и общественными организациями. Может работать как на предприятии, так и вне его (в НКО, органах местного самоуправления и др.).

Тип 6 (независимый эксперт или, по западной терминологии, *friendly critic and adviser*, образование высшее, 45–70 лет). Это – включенный наблюдатель и отстраненный аналитик процесса и последствий реализации программ

экологизации. Может подбираться из социальной среды, внешней по отношению к предприятию или корпорации, но более желательно и эффективно, особенно в целях экологического воспитания и обучения персонала предприятия, если это будет высококлассный специалист, попеременно занятый на предприятии и в городской администрации.

Принципы формирования экологической культуры персонала

1. Экологическая идеология – часть общей культуры. В соответствии с изложенным выше, экологическое обучение и формирование про-экологического поведения персонала предприятия суть не только корпоративная, но часть важной общегосударственной задачи *модернизации производства и общества*. Это не исключает специфических способов ее решения на градообразующих предприятиях различного профиля;

2. Принцип сохранения (умножения) человеческого капитала. В успешных западных компаниях все большее значение придают человеческому капиталу, его сбережению и воспроизводству. Это соответствует современным теориям модернизации, где главенствующая роль отводится человеческому фактору, идет сокращение занятого персонала, его переобучение, перевод его на неполную рабочую неделю, работу на дому и т. д. Названные процессы – «мягкий» переход к формам постиндустриального производства. Если мы по производительности труда отстаем от наиболее индустриально развитых стран в среднем в 4–5 раз, а по некоторым – в 20 раз, то современный дефицит персонала скоро может смениться его избытком. Значит, его часть вполне может быть постепенно переквалифицирована для работы в различных сферах экологического сервиса и создания необходимых для него инфраструктур;

3. Для большинства наемных работников экологизация их сознания зависит от возможности конвертирования их про-экологического поведения на производстве в ту или иную форму личного капитала. По данным социологов, 30% населения РФ «безресурсное» и 60% низкоресурсное». Поэтому стоит рассмотреть возможность включения индекса экологизации сознания персонала в элемент социального пакета или учитывать его как специфический «экологический» бонус;

4. Моральные принципы экологического обучения. Нельзя перекладывать решение проблем, созданных действующими или выводимыми из эксплуатации предприятиями, на будущие поколения, которые не пользовались благами, производимыми этими предприятиями за счет загрязнения среды обитания;

5. Еще один моральный принцип: «Храните хранителей!» – так его сформулировал великий эколог Р. Дюбо. Местное население – лучший знаток экологических рисков и защитник среды обитания. Особенно это актуально для огромных пространств Сибири и Дальнего Востока, редко заселенных, в том числе малыми коренными народами;

6. Непрерывность (continuity). Экологическое образование и обучение персонала, как и всякое другое, должно быть непрерывным. Это может быть обеспечено как за счет предприятия, так и за счет особого (городского или регионального) Фонда экологического обучения. Возможно кооперирование средств предприятий для учета специфики экологических требований нового предприятия при направлении работников на переквалификацию или повышение квалификации;

7. Справедливое распределение ответственности (ecological justice). Исходя из принципа «загрязнитель платит», в финансировании и организации экологического обучения и пропаганды должны принимать участие главные участники «клуба загрязнителей», куда помимо интересующих нас предприятий могут входить местные загрязнители (городские транспортные предприятия, котельные, неработающие очистные сооружения, службы вывоза и утилизации бытовых отходов, организации, отвечающие за вывоз токсичных отходов и др.);

8. Принцип взаимозаменяемости. Наибольший и долгосрочный эффект обучения основам экологического знания и про-экологическому поведению дает принцип взаимозаменяемости, когда существует обмен между контролирующими и контролируруемыми организациями, между руководством компании и городом. Это сближает или даже создает единый подход к принципам обучения и ведет в конечном счете к созданию единой системы ценностей;

9. Принцип участия (participation) самого персонала. Его экологическое воспитание, образование и обучение не должны быть только дидактическим. Во все мире делается упор на активное участие персонала в выработке и поддержании наиболее эффективных методов такого обучения, поскольку последний всегда лучше осведомлен о реальной ситуации. Это особенно выгодно в тех случаях, когда в связи с закрытием или перепрофилированием предприятия занятые вынуждены искать другую работу. Существующие в мировой литературе шкалы участия дают возможность дать количественную оценку успеха экологического воспитания и обучения;

10. Принципы мобилизации и сохранения. Одной из эффективных форм такого участия является участие персонала и жителей города в мобилизации местных ресурсов и их картирования (resource mapping), которые могут способствовать улучшению состояния городской среды и окрестностей. Картирование ресурсов – простой, но достаточно мощный инструмент для мобилизации инициативы населения и закрепления результатов обучения;

11. Наибольший и устойчивый эффект экологического обучения достигается тогда, когда он «встроен» в план индивидуальной карьеры работника. Это относится как к продолжающему работать, так и к переобучаемому и даже увольняемому персоналу. Чем более работник видит, что его карьера небезразлична компании, иначе говоря, у него есть уверенность в своем будущем, тем охотнее и эффективнее он идет на экологическое обучение и прочнее закрепляются его результаты;

12. Принцип двойного ключа. Исходя из того, что работник находится в двух средах – производственной и культурно-бытовой и что ситуация в семье оказывает существенное влияние на мотивацию и общее самочувствие

работника, успешные западные компании планируют воспроизводство этого капитала не изолировано, а как часть планирования семейного и городского социального капитала;

13. **Забота о семье и окружении.** Нельзя забывать и о работниках, уходящих на пенсию, в том числе, если закрытие промышленного объекта ведет к досрочному выходу на пенсию части его персонала. В Литве, например, при закрытии Игналинской АЭС был открыт «Университет Третьего Возраста», который успешно работает в городе, рядом с закрывающейся АЭС (Linden and Rinkevicius, 1992: 126–64);

14. Максимальный эффект экологизации сознания персонала достигается при непрерывности воздействия (постоянное обучение), закрепления полученных знаний конкретным действием в ходе производственного процесса (*learning by doing*) и расширении поля экологизации сознания персонала и населения города посредством совокупного воздействия должностных правил, СМИ, местной администрации, учебных заведений, общественных организаций и т. д.

Информационное обеспечение и контроль

Как уже отмечалось, все международные (рамочные и программные) документы по экологической политике в ЕС и США подчеркивают, что она должна базироваться на *прозрачности, открытости, доверии и диалоге* собственника с местным населением. Не на директивах и подзаконных актов, а именно на диалоге и общественном участии.

Неинформированность персонала и населения города – источник социальной напряженности. Информационный вакуум в процессе расширения, модернизации или перепрофилирования предприятия может дестабилизировать их жизнь, равно как и жизнь их города или поселка. Это приводит к распространению слухов, недоверию к властям всех уровней и к компании в целом. Как показывает зарубежный опыт, негативные социальные последствия могут быть преодолены с помощью создания различных общественных и консультативных органов объединяющих усилия бизнеса, местных властей, общественных организаций для диалога и информирования общественности.

Принцип опережения и/или предупреждения риска: «сначала научи учителей!». Общественный (совместный) контроль должен начинаться на стадии разработки проекта промышленного предприятия или его экомодернизации, перепрофилировании и т. д. Принцип работы таких общественных и экспертных организаций – *упреждающий*, а не «реактивный». Отсюда, информирование общества и контроль за работой строителей и эксплуатационников должен начинаться с экологического воспитания и обучения их самих.

Использование потенциала гражданского общества. В экологическом обучении персонала и населения желательно задействовать потенциал знаний и умений, накопленный российскими экологическими неправительственными организациями, соединяющих сегодня исследовательские и обучающие функции.

Перемещение борьбы против ненадлежащего экологического поведения компаний и контроля над ними во всемирную паутину. Анализ эффективности массовых глобальных акций протеста – тема отдельного разговора, однако в этой борьбе есть один принципиальный тренд: виртуальные компании протеста против деятельности транснациональных корпораций все более приобретают характер воспитательного и обучающего, что происходит не только в индустриально развитых но и в развивающихся странах. Примером тому может служить движение Zapatista в современной Мексике (Olsen, 2005).

Значение визуализации (мультимедиа) обучения. Как отметил западный эксперт по работе с персоналом, «Визуализация в современных условиях имеет чрезвычайно важное значение. Люди, особенно на местах, должны не только читать о том, как правильно соотносить свои интересы и законы природы, но и видеть (на плане, карте) как территориально соотносятся их интересы и интересы бизнеса (застройщиков, тех, кто рубит лес, прокладывает трубопроводы и т. д.). Более, того, современные компьютеры позволяют моделировать “полет” того или иного собственника, застройщика над конфликтной территорией чтобы увидеть, как могут быть затронуты его интересы». Он отметил также, «что почти вся российская книжная и журнальная продукция очень бедна картами, схемами, таблицами, фотографиями и другим графическим материалом. Такие работы очень трудно читать и воспринимать. Этим российская наука резко отличается от западной» (из интервью с сотрудником World Research Institute, 2007).

Экологизация предприятия не может ограничиваться только задачами обучения персонала. Как показывает западная практика, наилучшие результаты достигаются в случае создания *независимых общественных советов* или других форм организации гражданского общества, где одну из ключевых ролей играют междисциплинарные специалисты, вовлеченные в эту работу на постоянной основе.

Выводы

Экологизация сознания персонала российских промышленных предприятий – часть системной задачи модернизации производства и общества. К решению задач модернизации системы «предприятие–город» желательно приступать, имея представление о стратегии модернизации данной компании в целом. Обучение экологизации предполагает *участие* и диалог компании, местной власти, экоНПО и населения в выработке практических мер по эко-модернизации.

Мировая практика показывает, что такая стратегия может быть весьма различной: форсированная модернизация предприятий (или отрасли в целом), перепрофилирование или полное их закрытие, вывод «грязных» производств в третьи страны и другие. Что, в свою очередь, зависит от соотношения в системе «бизнес–власть» (налоговая политика, антимонопольное законодательство, развитие малого бизнеса и др.).

В выборе той или иной стратегии существенную роль играет *морально-этический* фактор: как интересы некоторого собственника соотносятся с интересами общества, государства и конкретного работника. Поэтому к решению задач экологизации желательно приступать, имея представление о стратегии

собственника (компании) в отношении объемов и сроков модернизации производства, включая данный сектор (отрасли) российской индустрии. Это означает желательность включения работы персонала компании в разработку такой стратегии, как минимум, – знание ее принципов и сроков.

Решать такую задачу полезно методом «от обратного»: с какими рисками (финансовыми, производственными, социальными, репутационными) и в какие сроки столкнется данная компания, если при разработке стратегии модернизации не будут учтены экологические факторы. Одним из ключевых моментов решения данной задачи является *фактор времени*: насущности, неотложности внешних вызовов и времени, потребного для реорганизации системы отраслевого и внутризаводского управления, осознания персоналом выгоды соблюдения экологических стандартов и т. д. В зависимости от типа избранной стратегии и характера производства это время может составлять от 3–5 до 25–40 лет.

Наконец, все формы модернизации предприятий «на месте» потребуют инвестиций в жилье и городскую инфраструктуру, что ляжет дополнительным бременем на бюджет компании и города. Однако даже элементарные меры по экономии ресурсов и энергосбережению могут значительно сократить это бремя.

ГЛАВА 5

Фрейминг и сети экомодернизации

Постановка вопроса

Процесс экомодернизации зависит не только от господствующей социальной парадигмы (доминирующего в обществе взгляда на мир, природный и социальный), но и от позиции тех акторов, которые будут осуществлять этот процесс или ему препятствовать. Поэтому далее речь будет идти о позиции экологического и иных социальных движений, а также о позициях других сторонников и противников процесса экомодернизации, о которых в общем виде речь шла в предыдущей главе. Фрейм – это «точка зрения», «рамка», посредством которой индивидуальные и коллективные акторы воспринимают и интерпретируют окружающий их мир.

Вопрос фрейминга сегодня весьма актуален, потому что самые разные социальные движения развиваются, социальная напряженность нарастает повсеместно (Москва, С.Петербург, Химки, Гусь-Хрустальный, Калининград, станция Куцевская и Пермь и далее везде вплоть до Владивостока и Камчатки). Однако, теоретический инструментарий для анализа позиций этих коллективных акторов остается в российской социологии мало изученным, особенно применительно к интересующей нас тематике.

Данная глава частично восполняет это пробел, тем более, что некоторые остро чувствующие наши реалии социологи обеспокоены тем, что теория фреймов «недостаточно ясна» (Ядов, 2010). Однако проблема фреймов и фрейминга будет здесь рассмотрена не в рамках социально-психологического, то есть диспозиционного, подхода, а в рамках социологического и социополитического. Естественно, что это потянет за собой хотя бы беглое описание связанных с фреймингом концепций.

Что такое фрейм и фрейм-анализ

Начну с примера. Одно дело, если, как это имеет место в нашем потребительски ориентированном обществе, преобладает взгляд на природу и всю среду жизнедеятельности человека, включая других людей, как на бесконечное число необходимых ему ресурсов (resource area), и совсем другое, если «внешний» мир воспринимается большинством людей как мир жизни (living space). Это и есть дихотомия самых общих фреймов (master frames), которые можно также назвать доминирующими взглядами на мир (dominant worldviews) или даже идеальными типами генерализующих диспозиций (ideal types), по М. Веберу. По мысли И. Гоффмана, фреймы позволяют индивидам «локализовать, осмыслить, идентифицировать и маркировать» события внутри мира жизни индивида или в мире в целом.

Хотя понятие фрейма было введено в научный оборот И. Гоффманом, в социологии социальных движений все концепции фрейминга восходят к классической работе Д.Сноу и Р. Бедфорда, согласно которой «фреймы суть интерпретативные схемы, которые упрощают (конденсируют) это «внешний» образ мира посредством избирательной акцентировки и кодирования объектов, опыта, и последовательности действий в среде их прошлого и настоящего обитания. Авторы подчеркивают, что акцентирование (в их терминологии (punctuation function) означает выделение некоторого события или конфликта не только как особо значимого, но именно как несправедливого, нетолерантного, в конечном счете такого, которое невозможно терпеть (Snow and Benford, 1992).

Отсюда фрейм-анализ тесно связан с двумя другими теоретическими конструктами: теориями дискурса и мобилизации ресурсов. Действительно, «общая точка зрения» (генерализующий фрейм) может быть сформирована только в результате длительного и глубокого «проговаривания» проблемы, при чем проговаривания открытого, публичного, чего, по справедливому замечанию Б. Дубина, в нашем обществе сегодня так, не хватает. Такое проговаривание и есть дискурс, однако он отличается от диалога тем, что: [1] у него есть цель или, в терминах социальной психологии, установка, например, стремиться договориться или, напротив, хотеть уничтожить противника; [2] соответственно, у дискурса есть специфический обертон, например воинственный, милитаристский, или же нацеленный на поиск компромисса, и [3] характер дискурса зависит от «среды обитания» дискутантов, в известном смысле он ею и продуцируется. Однако, эта среда, будучи питательным бульоном для появления фреймов, сама их не создает: нужно «активное начало», то есть коллективный социальный актор, который из этого строительного материала конструирует свои общие и специфические фреймы. В это смысле М. Фуко был прав, рассматривая дискурс как «поле сражения», как «антагонистическую процессуальность» (цит. по Ефременко, 2006: 11).

Вот одно из определений дискурса: «Дискурс, как правило, определяется как результат суммирования взаимодействия и обмена символами, то есть того, что говорится, пишется, показывается... Для историка дискурс есть общая сумма памфлетов, манифестов, уставов общественных организаций, записей того, что дебатировалось на площадях и митингах, фиксации поли-

тических демонстраций, газетных статей, лозунгов, постеров, речей, сатирических рисунков и т. д. в определенном месте и времени» (Johnston, 1992: 218). Есть и иные его трактовки. О позиции М. Фуко мы уже говорили. В традиции Ю. Хабермаса «дискурс рассматривается как форма коммуникации, в рамках которой происходит коллективная рефлексия и предопределение предпосылок социального бытия. Центральной особенностью дискурсов является обмен аргументами в порядке ответа на вопросы, возникающие в процессе решения социально значимых проблем. Иначе говоря, именно система аргументации преобразует коммуникацию в дискурс» (Цит. по: Ефременко, 2006:12).

Характеристики фреймов

Следующие темы представляются мне наиболее существенными: уровни (масштаб) фреймов; назначение их разных типов; фреймы катастроф.

Так же, как и контекст коллективного социального действия имеет разные уровни (глобальный, региональный, локальный), общие и специфические фреймы формируются «в» и «для» разных уровней контекста. Одно дело такие генерализуемые фреймы как «глобализация» и «альтер-глобализм», и совсем другое – те или иные установки (диспозиции) отдельных индивидов.

Сноу и Бенфорд: «...главные фреймы выполняют ту же функцию, как и специфические фреймы некоторого социального движения, но делают это в большем масштабе. Иными словами, они тоже являются способами пунктуации, атрибуции и артикуляции; эти их пунктуация, атрибуция и артикуляция могут окрашивать, усиливать или, напротив, сдерживать действия тех или иных организаций движения. Главные фреймы относятся к фреймам конкретных коллективных действий так же, как парадигмы – к законченным теоретическим концепциям. Главные фреймы суть нечто родовое; фреймы конкретных коллективных действий – производное, функция» (Snow and Benford, 1992: 138). Главные фреймы играют важную роль в самом факте возникновения некоторого социального движения, его программировании и определении репертуара его действий (action repertoire). Некоторые авторы практически отождествляют главный фрейм с идеологией, тогда как микро-фреймы определяются ими как индивидуальные системы верований и убеждений (individual belief systems) (Gerhards and Rucht, 1992: 575).

Главные фреймы в отличие от микро-фреймов не создают сетей – они лишь формируют предрасположенность к связи с тем или иным актором, тогда как микро-фрейм может служить импульсом для построения актором той или иной сети или же его включения в уже существующую. Это понятно, поскольку микро-фреймы непосредственно зависят от контекста (конкретной ситуации).

Другие авторы придают микро-фреймам самостоятельное значение. Так, Джонсон особо подчеркивает значимость микро-фреймов, т. е. фреймов индивида (лидера). Он говорит, что: [1] значительная часть индивидуального опыта хранится в памяти индивидов в виде микро-фреймов; [2] «любая активность индивида по их формированию – это труд по созданию индивидуальных схем интерпретации происходящего» (р. 234); [3] что «процесс формирования фрейма любого социального движения начинается с микроанализа» (р. 235); [4] «индивидуальный опыт организуется, кодируется, сохраняется и дешиф-

руется посредством “ментальных программ”» (р. 235); [5] «ключевой момент интерпретативного процесса есть выявление общности с процессами и ситуациями прошлого опыта» (р. 236); [6] «...индивидуальные фреймы могут быть агрегированы для подгрупп внутри движения, если их когнитивные ориентации по отношению к какому-либо событию (конфликту) совпадают» (р. 237); [7] «структура микро-фрейма всегда соответствует ситуации (то есть контексту), которую он репрезентирует» (р. 237); [8] от убедительности (мощности) микро-фрейма зависит, может ли он быть обращен только к активистам данного движения, укрепляя тем самым их солидарность, или также и к своей социальной базе (*constituency*), используя наличные сети вовлечения в данное движение (*by means of recruitments networks*) (р. 239). Вот схема Джонстона для дихотомического анализа микро-фреймов: «лидеры – активисты – социальное движение – публика – потенциал контр-движения – активисты контр-движения – лидеры контр-движения» (р. 238).

Далее, необходимо определиться, о фреймах какого типа социального движения идет речь: *консенсусном* или *конфликтном*? Консенсусные – это движения пользующиеся поддержкой подавляющего большинства общества (80 или 90 процентов населения) и, как правило, институционализированные, как, например, «Наши» или «Молодая Гвардия». В СССР/России рубежа 1980-90-х гг. экологическое движение, за исключением может быть его радикального крыла (эко-анархистов) было консенсусным (Schwartz and Paul, 1992: 205–06). Как сказал тогда премьер Н.И. Рыжков, «мы все должны немножко позеленеть». Но сегодня российское экологическое движение, за исключением его явных «прокремлевских» форм, то есть специально сконструированных контр-движений, является конфликтным, потому что оно все более становится правозащитным. Движение в защиту Химкинского леса – свежий тому пример. Кстати говоря, это также пример превращения конкретного мобилизационного фрейма – «Отстоим Химкинский лес!», по сути в разновидность главного: «Мы все сегодня живем в Химкинском лесу!». Конфликтные движения практически всегда являются сетевыми, поскольку сеть – это их главный ресурс и средство мобилизации своих сторонников.

Имея массовую поддержку и благоволение властей, консенсусные движения, как правило, не способны мобилизовать своих сторонников на разрешение острого конфликта или ликвидацию катастрофы. В России таким движением являются движения краеведения и в защиту памятников культуры и истории (типичные зарубежные примеры: движение профессионалов типа «Врачи без границ» или «Движение босоногих врачей» в Латинской Америке). Сети консенсусных движений гораздо более редкие и слабые, поскольку их члены не создают мобилизационных фреймов, а лишь движутся в некотором общем русле. Но между рассматриваемыми двумя типами движений нет непереходимой границы. Так, в СССР/РФ давно существует движение в защиту памятников истории и культуры. Акад. Д.С. Лихачев – фигура в нем историческая, он многожды был обласкан властью. Но как только часть этого движения стала «Архнадзором», который борется с московскими властями за сохранение исторического облика Москвы, оно стало конфликтным. У консенсусных движений, как правило, нет лидеров – есть начальники, т. е. председатели центральных советов и т. п. Но как только возникает конфликт, появляются и яркие лидеры и сети поддержки, как это произошло с «Архнадзором».

Особо интересна история Социально-экологического союза (СоЭС). Созданный защитниками природы в 1988 г., он был зонтичной организацией для большинства консенсусных экологических групп и движений СССР/РФ, чем и оставался практически до своей ликвидации/возрождения в 2010 г. Его главный фрейм был: «Кто не против нас – тот с нами». Естественно, что СоЭС негативно относился ко всем проявлениям национализма, сепаратизма и фашизма. Однако с ним время от времени сотрудничали эко-анархисты и некоторые другие радикальные зеленые организации. СоЭС был и остается горизонтальной сетевой организацией, а не движением в строгом смысле слова. Но региональные конфликтные движения, как, например, Байкальская Волна, время от времени с ним сотрудничали. Иначе и быть не могло, поскольку они имели общую социальную базу и общий главный фрейм.

Следующий методологически и практически важный вопрос: как социолог интерпретирует соотношение некоторого социального или социально-экологического конфликта и направленного на их разрешение коллективного действия? Как реакцию движения на конкретную ситуацию/конфликт, или же сама ситуация определяется как конфликтная или критическая под воздействием сконструированного лидерами движения общего и мобилизационного фреймов? «Факты не могут просто говорить сами за себя – они должны быть интерпретированы лидерами движения как *социальные проблемы*» (Kriesi et al., 1995: 145). Если речь идет только о реакции на некоторое событие, то лидеры движения реагируют на него стереотипно, поскольку ими уже накоплен опыт подобных реакций в прошлом. Но если лидер сам «конструирует» мобилизационный фрейм, то есть сам определяет возникшую ситуацию как конфликтную, критическую, то его поле деятельности (и соответственно сеть) значительно расширяется: он должен доказать обществу или по крайней мере своим активистам и потенциальным сторонникам, почему данная ситуация является именно конфликтной (критической), мобилизовать этих сторонников, найти ресурсы для акции (протеста), дезавуировать официальные фреймы (типа «все под контролем, а вы занимайтесь своим делом») как ложные или не соответствующие действительности. А главное: создать сеть (network) для мобилизации ресурсов, прорыва в СМИ для того, чтобы переубедить хотя бы некоторых из своих оппонентов. Так или иначе, сконструированный лидером движения фрейм должен «резонировать» с миром жизни потенциальных участников движения (Klandermans, 1992: 80). А такой резонанс есть предпосылка создания сети.

Чтобы мобилизовать население на коллективное действие, необходимо сформировать в сознании его активистов, группы поддержки (backers) и сочувствующих (sympathizers) образ некоторого события как конфликт или ситуацию, неприемлемую в данном обществе или сообществе с определенной культурой и совокупностью социальных норм и мотивировать людей к участию в конкретных акциях. Плюс нейтрализовать оппонентов (adversaries). Для этого в рамках главного фрейма необходимо сформулировать ряд других, более конкретных (целенаправленных) фреймов коллективного действия, а именно: диагностический, мобилизационный и прогностический. Диагностический фрейм указывает на «виновника» возникшей нетерпимой ситуации, хотя я полагаю, что диагностический и прогностический фреймы суть инструменты предвидения нежелательных или катастрофических событий, то есть могут

одновременно выполнять роль мобилизационного фрейма. «Таким образом, диагностическая атрибуция касается идентификации проблемы, тогда как прогностическая – ориентирована на ее решение» (Snow and Benford, 1992: 137).

Наконец, вводится понятие «рынка» дискурсов и возникающих фреймов, то есть их конкуренции на публичном пространстве с целью завоевания потенциальных сторонников движения. Вот как К. Эдер трактует эту проблему применительно к экологии: «Публичный дискурс является фокальной точкой, где коммуникация различных трактовок экологических проблем тестируется на предмет их валидности и легитимности... Чтобы завоевать эту “рыночную площадь” публичного дискурса, экологические акторы должны четко определить свой общественный имидж». Это завоевание – не единовременный акт, а именно непрерывная борьба, где периодически надо подтверждать этот имидж или менять его в соответствии с изменениями контекста и общественных настроений. Вот пример, данный тем же Эдером: «Если раньше экологи были монополистами на этом “рынке”, то теперь эта их монопольная позиция утеряна, она заменена ситуацией, когда возникает множество акторов, производящих и коммуницирующих “зеленые имиджи”» (Eder, 1996: 204). Эта «рыночная» конкуренция дискурсов и главных фреймов присуща и России, о чем будет сказано ниже. Такая конкуренция очевидно создает конкурентные сети для воздействия на потенциального противника.

Фрейм как связка между познанием и культурой

До сих пор мы говорили о фреймах и фрейминге на языках социологии и социальной психологии. Но является ли фрейм элементом культуры? На мой взгляд, несомненно является.

Вот что говорит У. Гамсон, один из основателей американской школы социальных движений: фрейминг представляет собой концепцию, связывающую познание и культуру. Культура «говорит» нам, что наш политический мир уже «фреймирован», что события, о которых нам сообщают <медиа> уже препарированы и упакованы, то есть мы не можем получать их в «сыром виде» (то есть каковыми они были в реальности, в жизни – О.Ян). «Однако мы все же активные “процессоры” и, хотя воспринимаемая нами реальность уже закодирована, зашифрована, мы способны декодировать ее самым разным образом». У. Гамсон подчеркивает, что это – фундаментальное противоречие в жизни социальных движений: «между пассивным и структурированным, с одной стороны, и активным и структурирующимся, с другой» (Gamson, 1992: 67). По этой логике, мобилизационные фреймы и формируемые на их основе природоохранные и иные сети носят «эмерджентный» (emergent), то есть непостоянный, формируемый для данной ситуации (например, для достижения тактических целей движения или конкретной массовой кампании) характер. Если эти фреймы успешны, т. е. работают продолжительное время, то они могут закрепляться как политические предпочтения и социальные нормы, а затем – и как культурные нормы и коды. Чтобы такие мобилизационные фреймы закреплялись, они должны соответствовать каким-то ожиданиям потенциальных участников движения. Но, как я уже сказал, именно на эту связку указывает другой известный (европейский) теоретик социальных движений Б. Кландерманс: «Конструируемые фреймы должны резонировать “вну-

три жизненного мира” потенциальных участников движения» (Klandermans, 1992: 80). Наконец, главный и другие фреймы могут конструироваться целенаправленно, например, посредством применения методики «социологической интервенции», разработанной А. Туреном и его коллегами (Touraine et al., 1983). Что и было подтверждено эмпирически в ходе международного социологического исследования новых социальных движений в России в 1991-94 гг., в котором мне довелось принять участие.

Объединение (группировка) фреймов

Задача лидеров движения – понять, каким образом познавательные фреймы его отдельных участников соединяются с идеологией (идеологическим фреймом) движения. Это существенно, потому что фрейм движения и установки его потенциальных участников могут как подвижными, так и стабильными, что зависит от целей тех и других и перемен в контексте. В литературе по социальным движениям различаются четыре типа манипуляций с фреймами: объединение (сходных фреймов), их трансформация, усиление и расширение (поля действия) некоторого фрейма.

Объединение: (frame bridging). Речь идет об установлении связи двух или более идеологически сходных, но структурно (то есть посредством общей сети) не связанных фреймов, относящихся к конкретной проблеме или цели. Это как бы один «полюс» дихотомии. На другом полюсе находится действие по трансформации фрейма (frame transformation). Это происходит тогда, когда социальное движение имеет намерение выдвинуть совершенно новый пакет идей. Практически это означает, что новые ценности могут быть сформулированы и взлелеяны, старые ценности или трактовки событий или процессов отвергнуты и отброшены, а ошибочные верования и взгляды пересмотрены (reframed). Для выдвижения и пропаганды таких «новых пакетов» требуются мощные сети, нацеленные на перепрограммирование активности потенциального оппонента или «нейтральной публики». Между этими полюсами находятся два опосредующих процесса. Один – это прояснение, уточнение и придание большей убедительности и силы существующим фреймам, касающихся конкретной проблемы или конфликта (frame amplification). Второй – это распространение влияния некоторого фрейма на более широкую аудиторию потенциальных сторонников движения, то есть frame extension (S. Tarrow, 1992: 188).

О роли современных сетей

До сих пор мы опирались на классические работы в области фрейминга и социальных движений, созданные в 1990-х гг. Может быть они безнадежно устарели? Нет, скорее они укрепили свои позиции и расширили круг влияния, в особенности с появлением такого мощного интегрирующего инструмента как виртуальные социальные сети. Конечно, появились некоторые новые акценты, о которых я скажу ниже.

Американская исследовательница Ф. Пасси тоже обращается к работе Сноу и Бедфорда: «Если однажды индивиды уже были интегрированы в формальные или неформальные сети, они обнаруживают себя в интерактивной структуре, которая позволяет им определять и переопределять их интерпретативные фреймы, облегчает процесс их идентификации (*identity-building*) и его укрепление, а также создает или укрепляет их политические установки по отношению к некоторой проблеме. Посредством поддержания идентификации <индивида> с конкретной политической проблемой, эта функция сетей создает исходное условие для установления и поддержания процесса фрейминга, который происходит между индивидом и социальным движением» (Passy, 2003: 24). И далее: «включение в сети создает культурную близость между индивидом и данным протестным движением, однако не все типы формальных сетей способны создавать или усиливать индивидуальные идентичности, критически необходимые для создания исходной установки на участие в движении. Только культурно родственные сети (связи), то есть сети с подобными культурными фреймами, способны создать эту исходную диспозицию» (Passy, 2003: 31).

А. Арсенальт и М. Кастельс: сами по себе сети ценностно нейтральны, они – своего рода автомат для передачи информации, но акторы на «рынке дискурсов» борются за их «структурирование и программирование». Но что обозначают эти два понятия, спросим мы? Это не что иное, как процесс фрейминга, создания и распространения (чаще, навязывания) системы главных и подчиненных фреймов, регулирующих поведение общества и его отдельных групп. Фактически, эти авторы генерализовали теорию фреймов, заменив понятие фрейминга более общим и современным понятием программирование. Развивая эти идеи, Арсенальт и Кастельс утверждают, что власть сетей и в сетях лежит в их способности «включать» и «исключать». Способность устанавливать контроль одних над другими, в свою очередь, зависит от двух базовых механизмов: способности программировать и ре-программировать цели сетей и способности соединять, связывать различные сети с целью усиления их кооперации посредством общих целей и накачки их ресурсами. Держателей первой позиции эти авторы называли «программистами», держателей второй – «переключателями» (Arsenalt and Castells, 2008: 489).

Однако главный вопрос остается прежним: кто осуществляет это программирование/фреймирование? Кто устанавливает правила, которым должна следовать эта автоматическая система якобы нейтральных сетей? – Конечно же, сами социальные акторы. «Таким образом их взаимодействие есть *социальная борьба*, цель которой – приписать те или иные цели этим сетям. Будучи однажды запрограммированной, некоторая сеть подчиняет своей логике всех остальных ее участников (акторов). Акторы должны строить свои стратегии в рамках правил игры данной (запрограммированной) сети». Чтобы преследовать другие цели, ее участники должны бросить вызов этим правилам и по существу разрушить эту сеть, построив новую вокруг альтернативных целей. Или, построить защитную сеть (как коммуну), которая запрещает контакты вне структуры своих ценностей» (Castells, 2000: 16). Значит, хотя консенсусные группы и движения существуют и на Западе, и у нас, мейнстрим социального процесса формируется в ходе *конфликтов и социальной борьбы* противостоящих сил, в которой доступ к СМИ имеет решающее значение. «В глобальном сетевом обществе доминирование осуществляется путем соедине-

ния процессов программирования медиа, бизнеса и политических сетей с целью обеспечения» непрерывной экспансии транснациональных корпораций (Arsenault and Castells, 2008: 508).

Специфика фрейминга в российском контексте

Применим ли вообще данный подход к российской действительности? В нашей все еще сильно милитаризированной культуре даже такой нейтральный термин как диспозиция воспринимается конфронтационно, как порождение военной машины, культуры войн, побед и поражений. Если часть населения еще что-то объединяет, то это победа в Великой отечественной войне. Но, с другой стороны, разве это уже не специфический дискурс? В течение почти 40 лет вся страна жила под лозунгом «Лишь бы не было войны!», а последующие 20 лет выживала. Разве «жить, чтобы выжить!» – это не фрейм?

Проблема не в том, есть ли у нас фреймы и фрейминг или нет, а в том, как и где происходит процесс их формирования, когда в российском обществе уже много лет нет площадки для свободной публичной дискуссии, когда коридор политических возможностей для групп, оппонировавших власти, все время суживается, когда, наконец, нет общенационального дискурса: власть «вещает», народ помалкивает, а оппозицию никто не слушает?

Мой первый тезис заключается в том, что у нас сохраняется монополия на конструирование главного и иных фреймов при полном отсутствии обратной связи. Фреймы есть, а дискурса нет. Лозунги есть, а их осмысления в деталях и тем более осмысленного участия в их реализации нет. Нет и публичной площадки для дискурса, не говоря уже о том, что в массе своей народ перестал рефлексировать, критически оценивать события прошлого или проекты будущего. Все ресурсы для «программирования» информационного поля и «переключения» сетей сосредоточены в руках власти предрержащих. «Программирование» только сверху означает полное отключение критического мышления снизу. Механика власти проста: как только в виртуальном пространстве или на радио появляется фрейм изменений, ему тут же противопоставляется контр-фрейм, часто подкрепленный репрессивными мерами против создателей первого.

Должен заметить, что есть более радикальная точка зрения, которая в сущности отрицает саму возможность дискурса и формирования главного фрейма. Вот что говорит Л. Шевцова: «Российской правящей корпорации удастся сохранить систему, давно пережившую свое время, благодаря *игре в противоположности*...С одной стороны, Кремль подкармливает националистическую верхушку, с другой не забывает о подпитке имперских настроений. С одной – власть пропагандирует антизападничество для внутреннего пользования, с другой – обнимается с западными лидерами...С одной стороны, власть не скрывает своей антилиберальной сущности, с другой – опирается на «системный либерализм» и т. д. (Шевцова, 2011: 2). Возможен ли в такой ситуации общенациональный дискурс? – вопрос риторический. Но, как показали события на Манежной площади, долго так продолжаться не может. Или власть создаст площадку для общенационального диалога, что, как показали события последнего времени, маловероятно; диалог между крайностями

политического спектра перед выборами опасен для нее, или же возобладает патриотический дискурс, который породит патриотический фрейм. Что будет означать возврат к политике идейного и культурного изоляционизма.

Второй тезис состоит в том, что фреймы «ресурсного поля» и «среды жизни», о которых я говорил в начале главы, находятся в российском культурном поле в непримиримом противоречии, и никаких между ними «мягких прокладок» в виде «фреймов-посредников» нет – есть мертвая зона фреймов-действий: устрашения и насилия. Вспомните Куцевку, разве к ней социолог или политик осмелится приблизиться, когда туда даже такие же «свои» боятся соваться? Осторожные дискуссии возможны только на значительном расстоянии от эпицентра событий и только на эзоповом языке. Только вот проблема: таких «эпицентров» становится все больше.

У фрейма «среды жизни» и шире – идеологии надлежащего – есть собственные проблемы. С одной стороны, не только понятие качества жизни мы заимствовали у Запада, но и всю теорию фрейминга. Недавняя попытка применить ее к эмпирическому анализу российских реалий оказалась по меньшей мере чисто символической (см. Клеман и др., 2010). С другой, неустойчивость реальных российских фреймов детерминирована нашей зависимостью от Запада, как от его моделей и практик консьюмеризма, так и от понимания базовых прав и свобод (Родионов, 2011: 10).

Третий тезис заключается в том, что кажущийся всеобщий молчаливый «одобрямс», то есть консенсусный фрейм, находится в противофазе с фреймом конфликтным, проявляющемся как в скрытом недовольстве и социальной напряженности, так и во все более частых акциях социального протеста. Но протесты эти пока носят локальный характер, с моей точки зрения, потому, что у них нет *общего культурного багажа*, общей культурной планки, для чего нужны не только лидеры протестных акций, но образованные и думающие политики-профессионалы, всерьез озабоченные судьбой своей страны. Но как сказала та же Шевцова, «интеллигенции сломали позвоночник»... Поэтому сможет ли «задавленное и затравленное “думающее сообщество” попытаться сыграть ту роль, которую сыграли интеллектуалы в других странах» (Шевцова, 2011: 3) – вопрос открытый. Тем не менее, я полагаю, что за свободную и достойную жизнь надо бороться, а не ждать лучших времен. И социологи должны быть не только аналитиками статистики общественного мнения, но и идеологами перемен.

Четвертый и очень важный момент – это все большее расхождение и удаление друг от друга фрейма богатого меньшинства («Все, что мне нужно всегда можно купить, а от опасности всегда можно убежать») и фрейма беднеющего меньшинства («Здесь не жизнь, а выживание, но деваться нам некуда»). Это – фреймы разных миров жизни, которые никогда не соприкасаются друг с другом. В одном они сходны: оба апеллируют к *стабильности*, но каждая из сторон понимает ее по своему: первая, что можно по-прежнему делать, что хочешь, и не отвечать ни за что, а вторая мечтает о том, чтобы завтра не было бы еще хуже.

Наконец, пятый тезис заключается в том, что у господствующих в нашем обществе «программистов» на деле нет никакой программы, потому что ее не может быть, если главным принципом руководства страной является «ручное управление». А что есть? Есть только манипуляция символами. Каналы коммуникации можно переключать бесконечно, как на панели теле-

визора, но в итоге имеется только один эффект: наркотизация информацией, в лучшем случае демобилизующей и одуряющей, в худшем говорящей, что «убить легко». Это то, что наши западные коллеги называют «бриколлажным сознанием», когда индивид движется в социальном пространстве вслепую – ведь «все под контролем», но временами теряющим контроль над самим собой.

Фрейминг катастроф

Катастрофы в нашем обществе приобрели перманентный характер. Но что происходит во время экокатастрофы? Кто и как выстраивает их главные и мобилизационные фреймы? И вообще, имеют ли они в критических ситуациях какое-то значение? На мой взгляд, имеют и очень большое. Неважно, назовут их призывами, лозунгами или «естественным желанием помочь». Вспомним диалектику по Гамсону: нас программируют и переключают, но и мы, простые люди, способны к изменению ситуации и ее образа. Как показали события лета-зимы 2010 г., в ситуации экологической катастрофы мобилизационные фреймы, сконструированные членами гражданского общества, вышли на первый план.

Но сначала – о дискурсе. Задолго до пожаров и наводнений ученые предсказывали их, но это был не политический дискурс, а чисто профессиональный. Однако даже его экономические и политические транснационалы пытались задавить в зародыше глобально (вспомним уничтожающую критику результатов первых саммитов по изменению климата). В период катастрофы было не до дискуссий – требовались срочные действия. А вот в послекатастрофный период власть опять не захотела никаких дискуссий, потому что она жила, живет и действует в логике ручного режима управления. Но долго так продолжаться не может: за ледяными дождями последуют другие аномалии. Так что оценивать последствия будут опять врозь, а дискутировать – только ученые и журналисты (Латынина, 2011: 9).

Отметим однако, что в период лесных и торфяных пожаров произошел временный «перехват» инициативы: члены экологических организаций и волонтеры мобилизовались быстрее и мобилизовали других для оказания помощи пострадавшим. Надо сказать, что такой ход событий был предсказан У. Гамсоном еще много лет назад. Он считал (одной из возможных) ситуацию, когда власть, не признавая целей социального движения, может на время уступить ему инициативу (Gamson, 1990). Или, по крайней мере, призвать на помощь его активистов и волонтеров (Murphy, 2010). Главный – ресурсный – фрейм здесь не работал. Работал другой, одновременно главный и мобилизационный: «Скорая помощь всем пострадавшим, где бы они ни находились и кем бы они ни были!». Иными словами, именно гражданские организации, а не государственные службы, работали как «программисты» и «переключатели», как создатели мобилизационных фреймов.

Но этот общечеловеческий, общегражданский фрейм просуществовал недолго, потому что начался болезненный процесс выяснения: кто, почему и сколько потерял. Снова пути государства и пострадавшей части гражданского общества разошлись. Первое стало на путь экономии расходов на реабилитацию, второе, как выяснилось, могло рассчитывать только на помощь себе подобных, и для этого стало объединяться в группы самопомощи. Этот

мой вывод соответствует выводам западных исследователей еще 1990-х гг., которые, изучив поведение людей после катастроф в разных частях мира, пришли к выводу, что сформировались особые по менталитету группы «пострадавших», которые стали объединяться не только много месяцев после в зоне конкретной катастрофы, но и по всему миру. Среди признаков, выделяющих выживших среди других групп населения, главный – это необходимость для них «сформулировать» пережитый опыт, объяснить его самому себе и найти средства его преодоления, то есть справиться с пережитым стрессом (Hodkinson and Stewart, 1991: 2–9, 119 и след.). То есть необходимость в создании микро-фрейма (индивидуального и/или группового) была очевидной.

Другой важный момент – это проблема «резонанса», о которой говорил Кландерманс. Если идея (фрейм) самоорганизации сообществ, пострадавших вследствие лесных и торфяных пожаров лета 2010 г., вполне была созвучной рядовым членам российского гражданского общества, то никакого резонанса у большого бизнеса и политического класса она не получила. Последнего, как всегда беспокоило только одно: чтобы фрейм низовой самоорганизации, который она научилась легко подавлять, не трансформировался бы в мобилизационный фрейм масс, нацеленный на политические перемены в стране.

Теперь – о лидерах катастроф, то есть о тех членах гражданского общества, которые работали на пожарах «не за страх, а за совесть». Лидеры экологического и других движений работали тогда в сверх-мобилизационном режиме, поскольку уже не они, а контекст, то есть развитие стихийного бедствия, диктовало им лозунги и формы коллективного действия. Катастрофа – это «оселок» для проверки жизнестойкости лидера движения. Во-вторых, лидеры не только «руководили и направляли», но сами шли в народ в качестве волонтеров (добровольных пожарных, спасателей и т. п.), решая *по ходу дела* возникавшие проблемы или выступая в качестве организаторов помощи пострадавшим, чем они и отличаются от лидеров номинальных, то есть начальников, которые умеют только заседать, выступать и сочинять резолюции. Далее, возникла, как уже не раз случалось, сеть эмерджентных лидеров вне рамок не только экологического, но и любого движения. Это означает, что в обществе есть неравнодушные граждане готовые (и способные) взять на себя ответственность за спасение людей и их имущества безвозмездно, более того – при помощи вложения личных сил и средств и даже с риском для жизни. Западные социологи их называют гражданами-экспертами (expert-citizen), поскольку они не только способны действовать как профессионалы сразу по нескольким направлениям, но и оказывать адресную профессиональную помощь. Наконец, катастрофа на некоторое время снимает (или по крайней мере снижает) бюрократические барьеры, созданные на пути самоорганизации населения. И оно тут же показало, что оно не утратило этой способности: как те, кто были в эпицентре катастрофы (лесных и торфяных пожаров, наводнений), так и те, кто находился далеко за его пределами. Более, того, как оказалось, некоторые эколидеры, бывая периодически на местах, действовали гораздо эффективнее, чем те организации, которым было положено оказывать помощь населению по закону. Эколидеры боролись при помощи интернета с попытками официальных СМИ принизить масштаб случившейся летом 2010 г. экологической катастрофы (впрочем, как и сейчас в период «ледяных дождей»), придать ей ранг «инцидента», что является еще одним свойством эколидеров в условиях катастрофы. Так что мобилизационный фрейм имеет еще одно зна-

чение: он при помощи интернета обозначает масштаб катастрофы. Наконец, когда ее удалось ликвидировать, эколидеры занялись рефлексией по поводу случившегося, включая и оценку собственных действий. Общий вывод: катастрофы лета 2010 г. мобилизовали гражданское общество России, придали ему веры в свои силы, а главное немало способствовали его *структурированию*, неважно в форме социальных движений, ассоциаций и альянсов, блоггерских объединений или россыпи малых групп активистов, готовых снова вступить в бой с природной стихией и бюрократической волокитой.

Выводы

Итак, фрейминг – это процесс осмысления и организации человеческого опыта. Фреймы – результаты его кристаллизации. Но одновременно фреймы это инструменты, при помощи которых индивид или коллективный актер строит стратегию и тактику социального действия и выбирает адекватный моменту способ воздействия на ситуацию или конфликт. В российских условиях после короткого периода перестройки и вплоть до появления интернета не было публичной площадки для формирования дискурса, объединяющего хотя бы активную часть общества, для «проговаривания» его проблем и перспектив. Напротив, возникли два противостоящих друг другу дискурса: директивный (силовой) и защитный и, соответственно два мастер-фрейма, с которых мы начали разговор: мир как бесконечное *поле ресурсов* для меньшинства и мир как *среда жизни* для всех, то есть среда как всеобщая ценность и всеобщее благо. Я не верю в цивилизованный капитализм, потому что его целью и главным фреймом никогда не будет общее благо – возможна только та или иная форма благотворительности, то есть поддержания status quo с целью не допустить кардинальных изменений экономической и политической системы. Поэтому социальные движения будут возникать и исчезать, как только проблема, их заботившая, будет казаться им разрешенной. Но в действительности человек и природа были и останутся антагонистами, в какие бы фреймы мы не рядили свои теоретические схемы. Поэтому в той или иной форме экологическое движение и его сети сохранятся, просто если сейчас кто-то из его лидеров сказал, что «Мы все – в Химкинском лесу», то через десяток лет другой скажет: «Мы все – в пустыне Сахара». Или – в Мировом океане, что в сущности одно и то же.

ГЛАВА 6

Экомодернизация как сетевая мобилизация

Формы мобилизации

Гражданское общество – типологическое понятие, в современных российских условиях построенное по принципу «от противного»: гражданское общество vs. государство и его структуры. Однако, как только социолог углубляется в суть интересующей его проблемы, оказывается, что эти два «полярных» типа социальности взаимодействуют, пересекаются, взаимопроникают, их члены мигрируют из одного в другое, зародившись как ячейка гражданского общества, она может вырасти до государственного института (такими примерами полна история российского общества). Государственный институт или корпорация могут «обрасти» малыми ячейками гражданского общества, как это практикуется в Японии. Другой вариант: государство поддерживает такое «обрастание» финансами или организационно, как например, в Нидерландах. Или, напротив, множество мелких гражданских ячеек съедают государственную организацию, как это было во времена перестройки в России. Или мирно сосуществуют каждое само по себе. А главное, что в разных глобальных и местных контекстах, в разных ситуациях они как сотрудничают, так и конфликтуют (Tocqueville, 1955; Keane, 1988; Seligman, 1992; Hall, 1995).

В современном глобальном мире постепенно распространяется *modus vivendi* сотрудничества или, как минимум, мирного сосуществования, поскольку это дело чаще всего взаимовыгодное: государство освобождается от множества обременяющих его функций, а гражданские организации обретают свободу самоорганизации, возможность не только зарабатывать, но и свободно творить в свое удовольствие и на благо общества (Kaldor et al., 2003).

Теперь в том же типологическом ключе поговорим собственно о *мобилизации*. В тоталитарных и авторитарных режимах слабое гражданское общество, как правило, просто мобилизуется по приказу сверху, неважно на войну или на уборку урожая. То есть задача ставится сверху и спускается вниз, по инстанциям для неукоснительного исполнения (для чего, в свою очередь, мобилизуются силовые структуры). В демократических обществах преобладает

само-мобилизация, то есть самоорганизация с целью решения неотложной проблемы или участия в ликвидации катастрофы, природной, техногенной или социогенной. В этом случае цели, средства и ресурсы выбираются самими членами гражданского общества в сотрудничестве с государственными структурами. Само-мобилизация тоже требует иерархии, но она – добровольная, взаимно мотивированная и формируется самими гражданами в процессе творческой работы. Например, выдающийся ученый-палеонтолог открыл некий новый вид живого, но доказать, что такой вид существовал в действительности (миллионы лет назад), ученый может только с помощью тысяч добровольных помощников. В обществах первого и второго типов и природа, и людская масса рассматриваются как *ресурс*, который можно мобилизовать и расходовать в любой момент и в любых количествах. В обществах третьего типа мобилизация рассматривается как целенаправленные усилия, направленные на сохранение (*спасение*) *социального потенциала* людей или *поддержание природных систем*. И там, и там спасаются не только люди или животные, но и *среда их обитания*, это – принципиальный теоретический пункт. Естественно, что масштабы и способы мобилизации человеческого потенциала зависят от характера задачи: создать нечто новое или спасти уже существующее.

Для понимания сути экомодернизации связка «актор–ресурс–среда обитания» имеет ключевое значение. В обществах тоталитарного и авторитарного типов «мобилизованный и призванный» на войну или уборку урожая человек (В. Маяковский) терял всякую духовную и ресурсную связь с прошлой средой обитания, переходя на полное обеспечение государства. Среда обитания рассматривалась в этом случае только как источник ресурсов для обеспечения лиц «первой категории». Этот принцип – очень древний, корни его уходят вглубь истории, полной войн и завоевательных походов. Война как предельный случай – это омертвление человеческих и природных ресурсов. Но даже мирное (советское) время было временем перманентной мобилизации, сверхэксплуатации человеческих и изъятия материальных ресурсов. Нужно ли говорить, что постоянная сверхэксплуатация среды обитания лишала ее возможности нормального воспроизводства, а человека – необходимых для его воспроизводства жизненных ресурсов и социального потенциала условий. То есть жизненный ресурс и того, и другого постепенно понижался в течение нескольких столетий. Среда обитания есть *некоторый комплексный, системный ресурс* (организм), который надобно культивировать, то есть вкладывать в его поддержание самые разные ресурсы: экономические, социальные и культурные. И здесь мы подходим к наиболее сложному и практически неисследованному вопросу экосоциологии: проблеме социального метаболизма.

Социально-экологический метаболизм

Поначалу кажется все просто. Речь идет о «круговороте веществ в природе», о котором все знают со школьных времен. Но как только под метаболизмом понимается не только круговорот веществ в природе, но и «обмен» между нею и обществом, то есть трансформация одних ресурсов в другие, о том, как и чем именно общество «обменивается» с природой, каков характер этого обмена и его пространственно-временные параметры, наконец, о том,

что этот метаболизм сам требует энергии и ресурсов, проблема значительно усложняется и обостряется, потому что все так или иначе вовлечены в подобный процесс, но никто не хочет, чтобы в его карман заглядывали посторонние.

Вот основные пункты концепции социально-экологического метаболизма, суммированные М. Фишер-Ковальски (Fisher-Kowalski, 1997): [1] чем больше энергии потребляет общество, тем более оно способно к развитию (Spencer, 1862); [2] чем более эффективна трансформация «сырой энергии» например неочищенной нефти, в полезную энергию, тем быстрее идет общественный прогресс (Ostwald, 1909). Но так ли пряма связь между природой и обществом? Теоретики XIX в. грешили «индустриальным метаболизмом», то есть рассматривали только потоки вещества и энергии. Сегодня «железо» (hardware) рассматривается как условие функционирования культуры (software), взаимно влияя друг на друга; [3] отсюда, полагает Фишер-Ковальски, для целей экосоциологии есть смысл рассматривать социальные системы как системы второго порядка, включающие систему культуры (software) как их символический компонент (уровень), естественно не исключая при этом действия закона сохранения вещества и энергии; [4] Фишер-Ковальски напоминает, что «материальные составляющие социальной системы суть те физические элементы, которые непрерывно производятся трудом тех, кто включен в эти системы». Так или иначе, обмен веществом и энергией между обществами и их природной средой становится центральной проблемой...» (Fisher-Kowalski, 1997: 131–132).

Я не буду дальше продолжать обзор концепций социально-экологического метаболизма, поскольку построение всеобъемлющей его модели едва ли под силу даже Институту системного анализа. В соответствии с задачей главы, я могу только обозначить несколько тем для будущего рассмотрения:

- Как должна измениться глобальная экономическая ситуация и международная повестка дня для (для G-3, G-8 или G-20), чтобы бизнес и защитники природы двинулись, наконец, навстречу друг другу?
- Какая часть ресурсов природы, использованных для создания артефактов, то есть зданий, сооружений, инфраструктуры, военной техники, предметов индивидуального потребления и т. д., становится «отходами навсегда»?
- Каков механизм и сроки превращения этих «отходов», сброшенных в природу, в риски для человека и неё самой?
- Какая часть «сырых» энергетических ресурсов в ходе их транспортировки, переработки и доставки конечному потребителю, превратилась в отходы? То есть каковы потери при их движении от места добычи к потребителю?
- Насколько альтернативная энергетика ресурсоемка и рискогенна сама по себе?
- Каков энергетический предел всеобщего благосостояния, если все народы Земли будут жить, как в США?
- Каков объем материальных и энергетических ресурсов, необходимых для купирования периодически случающихся природных катастроф и техногенных аварий?
- Каковы ресурсы и время, потребные для мобилизации сил и ресурсов с целью реабилитации нарушенных природных и социальных систем?

Позиция социологов

До сих пор большинство социологов, решая различные задачи взаимодействия государства и гражданского общества, абстрагировались от ресурсообмена со средой обитания, в которой эти формы социальности зарождались и развивались. Пожалуй только социальная антропология и этнология интересовались подобной связью. Мейнстрим социологии на многие годы определил Э. Дюркгейм, утвердив формулу «Социальные факты – только из социальных фактов». Социальная антропология, геополитика, социальная география и многие другие пограничные науки свободно развивались, а социология, отгородившись дюркгеймовским забором, решала свои узко специальные задачи, не замечая, что выпадает из общего тренда развития науки, который именуется междисциплинарностью. Человеческая экология (human ecology), зародившаяся и достигшая больших практических успехов в США, постепенно сошла на нет, задавленная дистиллированной «настоящей социологией». Еще один пример того, что шоры хороши иногда для лошади, но не для мыслящего тростника. Только с появлением Новой экологической парадигмы (Catton and Dunlap, 1979, 1980; Milbrath, 1984) задача междисциплинарного взаимодействия была снова поставлена во весь рост. Однако потребовалось еще почти 30 лет, чтобы эта парадигма стала превращаться в теорию среднего уровня, которая поддается операционализации. В немалой степени этому способствовали дебаты по изменению климата, а также серия природных катастроф и техногенных аварий 2000-х гг. Среди них – комплексные социобиотехногенные катастрофы в России, на которых мы далее и остановимся.

Экологическая катастрофа создает сети

Пожары и наводнения лета-осени 2010 г. по всей России были «репетицией» того, что ожидает наше общество и весь мир в недалеком будущем, если оно по-прежнему будет игнорировать предупреждения ученых о грозящих нам социальных катастрофах, провоцируемых авариями технических систем, природными катаклизмами и/или резкими колебаниями климата. Иными словами, это было предупреждение российскому и глобальному капитализму в его нынешнем виде, а именно – что ему грозит коллапс, если его идеологи, лидеры, топ-менеджеры и огромная масса потребительски ориентированных граждан не пересмотрят свое отношение к среде своего обитания. Впрочем, катастрофа в Мексиканском заливе, цунами и землетрясения в Юго-Восточной Азии, периодические утечки нефти из судов международного танкерного флота, вырубка тропических лесов и, наконец, катастрофа в Японии – все это явления того же порядка: они суть *предупреждения*.

Но не только. Главный вывод из случившегося летом 2010 г. в России заключается в том, что властвующая элита в течение последнего десятилетия фактически ликвидировала государственный институт охраны природы, который соединял в себе вертикальные структуры управления с горизонтальными сетями охраны природы на местах. По своей сути, институт охраны природы был сетевым. Теперь же люди, организации и специальная техника, десяти-

летиями функционировавшие как единая территориальная система, оказалась ненужной нашему родному капитализму. Сеть природоохранных организаций были ликвидирована, люди уволены, а главное – их знание конкретных территорий, огромный опыт и ноу-хау междисциплинарного и межсекторального взаимодействия – оказались не нужными, и они растворились, исчезли под грузом высокодоходной торговли ресурсами, продажи ценных земель под коттеджи богачей и т. д. Социальный капитал системы охраны природы – это люди, вооруженные знанием состояния конкретных территорий, техникой, организационными ресурсами и сетями между ними. С ликвидацией данной отрасли этот капитал исчез не совсем, но превратился в индивидуальный капитал отдельных членов гражданского общества, частично оставшихся в стране, частично эмигрировавших. Омертвленный таким образом индивидуальный социальный капитал постепенно деградировал, потому что его носители не имели возможности пополнять его практически.

Как отмечалось в Главе 2, чтобы любая измененная человеком социобиотехническая система (далее, экосистема) функционировала в «нормальном» режиме, *три* ее подсистемы должны существовать и действовать *согласованно*: «природная» (включая ту, что культивируется человеком), встроенная в нее социальная и институт их взаимного согласования и управления (самоуправления) с соответствующими сетями обмена информацией и ресурсами. Существовавшая ранее система охраны природы при всех ее недостатках и нарушениях как раз и была той *территориальной* социальной *сетью* (ее также можно именовать инфраструктурой), которая связывала две другие подсистемы: природную и институциональную. Если что-то случалось в природных объектах, эта социальная сеть, оснащенная техникой, транслировала «сигнал тревоги» вверх, в институты, ведающие охраной природы и занимающиеся природопользованием. Если же изменялся или совершенствовался последний, то «сигнал» шел вниз, к территориальным социальным сетям и службам. Вот эта связка трех уровней и была разрушена сначала корректировкой Лесного кодекса, а затем принятием такого его варианта, который фактически ликвидировал эти территориальные сети и службы. Леса и другие экосистемы перестали быть таковыми – они стали землей, водой и другими *предметами купли-продажи*.

Еще одно принципиальное соображение: при возникновении экокатастрофы, в ходе ее ликвидации и последующей реабилитации нарушенных экосистем гражданское общество мобилизуясь, восстанавливает прежние (территориальные) связи и создает принципиально новые (виртуальные). Оно вынуждено замещать ликвидированные государственные природоохранные службы, помогать специализированным службам спасения Министерства по чрезвычайным ситуациям и выполнять функции безответственного бизнеса (арендаторов лесных угодий). Как показало горячее лето 2010 г., ячейки и связи гражданских организаций оказались гораздо более эффективными в критической ситуации. Парадокс: катастрофа порождает инновации! Причем, как свидетельствует новейшая история, мобилизация гражданского общества политическими лидерами или их группировками идет гораздо медленнее, чем порожденная социально-экологическими конфликтами (загрязнение Байкала, утечки нефти и токсичных химических реагентов из трубопроводов и т. п.) или катастрофами, подобными, той, что случились летом 2010 г.

Методы социологического анализа экокатастроф

Экологическая катастрофа даже регионального масштаба есть явление системное. Она затрагивает людей, организации, социальную структуру местного сообщества, институты и инструменты управления. Но в не меньшей мере она касается структуры почв, растительности, животного мира и т. д., а также той меры, в которой человек вмешивается в функционирование природных экосистем, то есть социально-экологического метаболизма. Чем более человек вмешивается в них, превращая их из естественных, то есть саморегулирующихся, в искусственные, то есть зависящие от человека (будь то посевы зерновых, искусственные водоемы или лесопосадки), тем более для их поддержания нужны специализированная информация, каналы связи, структуры управления и ресурсы. Поэтому столь любимые социологами массовые опросы здесь ничем не помогут, так как они дают *статистический* срез (разброс мнений «за» и «против»), а не выявляют структуру функций и связей в критических точках этого метаболизма. К тому же давно известна разница между «мнением» и реальным действием. Никакой массовый опрос в условиях нормально функционирующей экосистемы, не скажет, как изменится этот метаболизм, если случится экологическая катастрофа. Фокус-группы хороши, но они тоже дают мнение или прогноз отраслевого, а не системного характера.

Изучение самой экокатастрофы, то есть взаимосвязанного состояния и поведения социальных и природных систем в критических условиях (пожара, например), достаточно сложное дело. Однако изучение таких «случаев», (их можно также именовать ситуациями, как это делает А. Турэн), особенно когда социологу удастся попеременно быть по отношению к ним инсайдером и аутсайдером, дает наиболее адекватные результаты, поскольку социологу удастся схватить в реальном действии и связях все вовлеченные в катастрофу природные и социальные элементы и их взаимные трансформации в реальном времени. Замечу, что для работы методом социально-экологического метаболизма социолог должен обладать всем комплексом знаний, касающихся изучаемого случая, что противоречит нынешней системе производства специализированного социологического знания. Поэтому социологи, занимающиеся изучением социально-экологических конфликтов используют метод построения хроник (Яницкий, 2002; Халий, 2007; Yanitsky, 2000). Время – оповещения о них, реагирования на них, самого процесса ликвидации критической ситуации, а также время на реабилитацию экосистем – играет здесь ключевую роль. Еще в 1982 г. мною было показано, что в 90% случаев разрушенная в результате конфликта или катастрофы экосистема восстанавливается дольше, чем формируется, это стоит очень дорого и практически никогда не достигает прежнего уровня «экосистемности», то есть разнообразия и пригнанности ее разнородных элементов друг к другу, когда она в конце концов из «конструкции» снова превращается в саморегулирующуюся экосистему (Yanitsky, 1982). Необходимый для этого природный и социальный «гумус» создается десятилетиями.

Итак, не только для изучения «штатных» ситуаций, но и экокатастроф, пригоден метод изучения социально-экологического метаболизма, то есть «обмена веществ» между техническими системами, людьми и их организа-

циями, уцелевшей или пострадавшей природой. Как отмечалось, этот метод создан давно, но как стало ясно сегодня, его применение сопряжено с большим риском для жизни исследователя (Boyden et al., 1982; Fisher-Kowalski and Haberl, 2007). Ведь речь прежде всего идет об изучении информационных и ресурсных потоков основных игроков: властей, бизнес-структур и, населения и природы, то есть *сетей обмена* между этими составляющими. Как известно, «деньги любят тишину», то есть сохранение тайны их источника и перемещений.

Мобилизация: суть и результаты

Мобилизация может быть двух родов: конструктивная, когда группа людей, используя имеющиеся сети, целенаправленно конструирует (организует) такие социальные действия как протест или массовая кампания. И – мобилизация вынужденная, когда она диктуется внешней критической ситуацией.

Что есть мобилизация в нашем случае? Прежде всего, коллективное и согласованное действие в условиях дефицита времени. Конфигурацию сетей и темпо-ритмы этих действий диктует ситуация. Далее, это безусловный отказ от личных дел и подчинение себя общей задаче спасения людей и природы. Концентрация сил и ресурсов, возможно с личными потерями и даже риском для жизни. Напомню расхожую истину: производство одних ресурсов всегда требует расходования других. В «нормальных», то есть не-мобилизационных, условиях накопление социального капитала индивида требует времени и его собственных усилий, а также времени и знаний учителей, создания учебной литературы, практики и т. д. То есть идет социально санкционированный обмен ресурсами в рамках заданных обществом временных параметров. В условиях катастрофы расходование ресурсов резко превышает их накопление, причем это расходование не нормировано, а подчинено ситуации, и решение об участии в этом процессе индивид принимает сам.

Менее очевидно, хотя это происходит с нами каждый день, что одни ресурсы доступны практически автоматически (они в компьютере, домашней библиотеке, в общении с коллегами и единомышленниками), на получение других требуются время и силы, а третьи, что самое главное, не существуют вовсе: их надо создавать, что и есть творческий процесс как таковой. Социальные ресурсы, как и все остальные, могут «дремать» какое-то время, то есть быть как бы запасом. Но в конце концов ресурсы неизбежно стареют и распыляются. Распадаются и связи (*networks*), их в свое время породившие. То есть производство социальных ресурсов есть динамическая неустойчивая система, сама требующая поддержания и совершенствования.

Социальный протест – одна из форм сетевой мобилизации. С этой точки зрения, российское общество «вернулось» в годы перестройки. Беру это слово в кавычки, потому что сегодня протестуют против разрушения природы не только убежденные демократы и экоактивисты, но и люди, весьма далекие от какой-либо политики, протестуют по новым и старым поводам, но главное – протестуют люди, которые, благодаря всемирной паутине, теперь уже *обладающие знанием*, как и что надо делать и чего делать ни в коем случае нельзя. Сегодня карта всей страны усыпана «оспинами» протеста, далеко не только экологического и, благодаря интернету, он стал видим для всех.

Главный мотив гражданской мобилизации известен: «так дальше жить нельзя!». Убийства журналистов, несправедные суды, обманутые дольщики, перерождение силовых структур, коррупция, преступность и наркомания (список может быть продолжен) при полном бездействии государственных структур поддержания социального порядка порождают ситуацию, когда людям остается лишь одно средство изменить нетерпимую ситуацию: протест. Причем протест, консолидирующий гражданские организации и увеличивающий их политический вес и влияние.

Интернет и другие информационные технологии стали для отдельных граждан полем и инструментом самоорганизации, независимо от воли начальства. Оказалось, что компьютер плюс мобильник и даже обычный телефон – мощное средство коммуникации и самоорганизации, как протестной, так и созидательной, конструктивной. Критическая ситуация лета 2010 г., когда вместо периодически возникающих негативных явлений, которые можно было как-то терпеть и на что-то надеяться, на людей обрушилась катастрофа, угрожающая в одночасье стереть с лица земли все: жилища, уголья, леса, *весь социально и психологически обжитой ландшафт* и их самих, была мощным толчком извне к мобилизации гражданского общества. Да, это была вынужденная мобилизация, но вот что она показала.

Во-первых, оказалось, что не все члены гражданского общества равнодушны ко всему, что не касается их лично, и не все оно заражено потребительством. Более того, катастрофа мобилизовала тех, кого она никак непосредственно не затрагивала. Она в равной мере мобилизовала и ученых, и бизнесменов, и местных жителей. То есть она *консолидировала* значительную часть общества. Вместе с тем, стало очевидным: кто помогал извне, кто работал на месте, а кто отлынивал или спрятался. К последним относятся арендаторы лесных и других угодий, которых так и не смогли найти.

Во-вторых, после долгой жизни в атмосфере пиара, профанаций, прямого обмана или чисто символического поведения власть предержащих люди увидели, что есть настоящее дело и включились в него даже с риском для жизни. Десятки добровольных пожарных и спасателей пострадали.

В-третьих, доселе дремавший социальный потенциал профессионалов и местных активистов был *актуализирован*, потому что люди увидели, что их экстра-усилия приносят реальную помощь погорельцам и нарушенной природе. Пригодился и опыт погорельцев в прошлом. То есть катастрофа сделала их востребованными гражданами и тем самым заставила мобилизовать социальный потенциал – свой и единомышленников.

В-четвертых, по инициативе как пострадавших, так и людей, далеких от эпицентра событий, были созданы *сайты* (форумы), где люди впервые за долгие годы не просто знакомились и «общались» (для этого есть социальные сети), а организовались для конкретной помощи конкретным людям. Надо помнить, что большинство жителей пострадавших городов, поселков и деревень работало в больших городах, а их дети и родственники оставались в зоне бедствия. Важно, также что интернет обеспечил *диалог* между носителями научного и локального знания, мобилизовав и тех и других. Их интернет-форумы – аналог межличностных социальных сетей тех лет, когда еще не было интернета.

Назову только некоторые функции таких форумов:

- социально-экологическая – создание «ресурсных групп» для сбора вещей и медикаментов для пострадавших и оказания иной неотложной помощи. То есть восстановление «метаболизма жизнеобеспечения» пострадавших;
- психологическая – помочь людям найти друг друга, узнать живы ли и здоровы их родные и близкие, организовать, где нужно, профессиональную психологическую поддержку пострадавшим;
- ресурсная/материальная – сбор и доставка гуманитарной помощи пострадавшим, что также есть элемент восстановления «метаболизма жизнеобеспечения»;
- логистическая – создание сетей помощи, то есть соединение центров ее сбора со множеством точек, где эта помощь была нужна в первую очередь.

Кроме того, форумы были незаменимы потому, что открывали возможность обмена информацией, идущей снизу и сверху: в первую очередь – свидетельства очевидцев; мнение специалистов, могущих оценить эффективность действий спасателей, властей и т. д.; уровень научных знаний местных профи; в общем – взгляд с разных точек зрения. Для социолога такая информация незаменима для построения истории (хроники) разрушения лесного хозяйства на месте и вообще – уничтожения местной жизни и поддерживающей ее инфраструктуры и природы. И, конечно, для разработки программ последующей реабилитации пострадавших экосистем.

Наконец, сайт (форум) позволял: сравнить информацию, даваемую самими СМИ или в СМИ местной властью с тем, что было на самом деле; сравнить, что было обещано правительством и областными властями и что местные жители получили реально; выявить уже существующие и будущие конфликты (как между самими жителями, так и между ними и властями); зафиксировать инициативы снизу (от лесников и др. специалистов); наконец – какие меры можно было предпринять заранее, чтобы минимизировать пожары и их последствия.

В-пятых, я выделяю специально *комплексность* этой помощи. Никакое ведомство, включая МЧС, не могло одновременно оказывать материальную, психологическую, врачебную помощь людям и думать о спасении природы. Я называю данную мобилизацию *экологической*, не потому что горели леса, степь или торфяники, а потому что нужно было спасти экосистемы, социальные и природные. У нас в стране система управления – ведомственная, директивная, а в критических случаях, подобно рассматриваемому, требуется *интерактивная* и *горизонтальная* с обязательной обратной связью.

В-шестых, экокатастрофа стимулировала в нашем индивидуализированном обществе возникновение общностей неравнодушных людей. Они одновременно оказывали помощь пострадавшим и сделались нужными друг другу. Увлекаясь изучением глобальных проблем, мы забываем о важности сохранения человеческих микрокосмов, самоорганизующихся общностей. Социологи много пишут о глобальном разделении труда в современном обществе, но катастрофа и последующая мобилизация создала в среде гражданского общества совсем иное разделение труда: *по необходимости*, то есть *ситуативное*. Его

формы и ритм создавали не ученые и специалисты, а непредсказуемый ход катастрофы и добровольцы-спасатели, то есть неравнодушные и мобильные граждане.

В-седьмых, рассматриваемая мобилизация была *адресной*. Адресность есть форма указанной необходимости, ситуативности. В отличие от многих наших реформ, которые лишь определяют контуры будущих перемен, а потом человек годами мается, чтобы разобраться, к какой статье (пункту подзаконных актов или ведомственных инструкций) относится его случай, отличительной чертой мобилизованного гражданского общества была *прямая связь* запроса (о помощи) и его удовлетворения, что спасало одних (пострадавших) и приносило чувство удовлетворения другим (волонтерам). Никаких посредников не требовалось.

В-восьмых, всю эту работу по сбору и распределению помощи добровольцы-спасатели и волонтеры старались делать *по справедливости*. Оказалось, что в нашем обществе, полном вранья и обмана, нужно было поступать именно так, потому что иначе было и нельзя: в деревнях и городках все знали друг друга. Там есть своя четкая шкала правых и виноватых.

В-девятых, в критической ситуации люди «открывались». Открывались, в том числе нам, социологам. Стресс снял психологические барьеры, и врачи, представители местной власти и просто жители, пострадавшие от пожара, высказывались так, чего в обычной жизни не сделали бы никогда. Они хотели выговориться, сказать правду о своей жизни и жизни сообщества, сбросив тем самым с себя личину «обывателя» или «служилого человека».

Наконец, в-десятых, пообщавшись на форуме, местные и не-местные, стали доверять друг другу и обсуждать более широкий круг проблем: что это было – стихия или поджоги; каким может быть прогноз на следующее лето; какова вероятность самовозгорания (от мусора или несгоревших деревьев); об эффективности пожаротушения самолетами, которую местные оценили отрицательно. А потом пошли еще более общие социальные вопросы: почему на местах аборигены работают в более тяжелых условиях, чем пришлые (гастарбайтеры); что нужно сделать, чтобы остановить обнищание деревни и малых городов; почему власть не слушает нас, не принимает к рассмотрению наши проекты сохранения торфяников и одновременно обеспечения пожарной безопасности? То есть снова мы как бы очутились во времена перестройки и даже много раньше, когда после пожаров 1972 г., эти вопросы ставились местными специалистами и учеными.

Фаза реабилитации

Реабилитация – это не только из области медицины. Все, что человек превращает из естественного в искусственное, за все это он несет ответственность и должен ухаживать, как за своим садовым участком. В последние 10 лет практически все законодательные решения федеральных властей создавали предпосылки для того, что случилось летом 2010 г. Построение мною хроник множества социально-экологических конфликтов в стране (как обязательной составляющей метода изучения случая) показало, что даже если такой конфликт не превращается в катастрофу, он проходит, как правило, следующие стадии: подготовительную фазу (невнимание к проблеме или от-

тяжка ее решения), фазу мобилизации противостоящих сил, собственно конфликтную и пост-конфликтную, которая может тянуться годами (Яницкий, 2002: 325–99). Последняя фаза может иметь волнообразный характер (затухание и вновь обострение) или же переходить в «замороженное» состояние.

В нашем случае анализ пост-конфликтной (или пост-катастрофной) фазы – я называю ее *фазой реабилитации* – имеет принципиальное значение, поскольку он будет, помимо важности этого рода практической деятельности как таковой, *индикатором модернизации* нарушенных экосистем, особенно их инфраструктурной составляющей и накопления или разрушения человеческого потенциала как местного сообщества, так и сообществ (реальных и виртуальных), возникших в ходе тушения пожаров и помощи пострадавшим. Фаза реабилитации имеет по крайней мере два этапа: «неотложную», когда пожар ликвидирован и погорельцам создаются минимально необходимые условия для жизни, и собственно реабилитационную, которая для восстановления отдельных компонентов экосистемы может потребовать от года до нескольких десятилетий. Сказанное не означает, что оптимальной задачей реабилитации некоторой экосистемы является достижение ею до-катастрофического состояния. Изучение траекторий реабилитации нарушенных и/или целиком уничтоженных экосистем важно, поскольку оно показывает реальный вектор модернизации страны, ее скорость и потребность в ресурсах.

Итак, вот главные вопросы проблемы реабилитации. Во-первых, какой будет ее стратегия: восстановление status quo, или же в самом проекте реабилитации и его реализации появятся какие-то инновационные моменты? Во-вторых, вытекающий из первого вопрос: сохранится и, если – да, то в какой степени и форме структура сетей, сложившаяся в мобилизационный период? Иными словами, будет ли гражданское общество участвовать в реабилитации или же его снова сделают исполнителем и/или сторонним наблюдателем? Общество не может пребывать все время в мобилизационном состоянии, но какой-то социальный потенциал, накопленный в период мобилизации, вероятнее всего сохранится, не распылится. В-третьих, какие социальные ресурсы потребуются для этого периода? Ведь восстановление жилья уже практически закончено, коммуникации подведены, но вот что будет с вопросом, который задавали сами жители: все снова пойдет по-старому, значит, «нам беднеть и деградировать дальше», или все же катастрофа заставит власти разработать программы реабилитации пострадавших районов? И наконец, главное: «врозь» или «вместе», то есть снова по ведомствам или же комплексно, экосистемно?

Что дальше?

Итак, первый тайм «репетиции» будущего заканчивается. Великие теоретики (У.Бек, Э.Гидденс) в один голос утверждают, что поведение современного социума не предсказуемо и не калькулируемо. Но давно пора бы социологам понять (и учесть в своих концепциях), что и природа столь же *нестабильна и непредсказуема*. Потепление климата до критической точки может растянуться на десятилетия, но возрастание в последние годы амплитуды колебаний сезонных и даже более коротких периодов погоды, породило серию экологических катастроф по всему миру. Торфяники в России горят почти каждый год, жители окрестных сел и городков привыкли к этому.

Но так как в 2010 г. ветер периодически менял направление, усиливался, местами переходя в ураган, то «низовой» медленно тлеющий пал мгновенно превращался в «верховой» огненный шквал. Чтобы справиться с ним нужны другое время и совсем другие средства.

Локальные катастрофы прошедшего лета, как ни парадоксально, пошли на пользу гражданскому обществу. Оно встрепенулось, мобилизовалось, причем совсем не по политическим причинам, хотя в это же время демократические силы пытаются начать свою мобилизацию, реально подвигло людей к наращиванию своего сетевого социального капитала. Сформировались сети взаимопомощи и доверия, чего никак не могут добиться демократы, поскольку их лидеры строят свою политическую мобилизацию сверху вниз, тогда как летняя катастрофа заставила граждан мобилизоваться снизу вверх, причем тут же возник диалог специалистов и простых людей на местах, снова почувствовавших себя гражданами. Как поведут они себя в период реабилитации, долгой, отягощенной местными социальными конфликтами и ожиданием перемен социального порядка – вопрос открытый. Однако вряд ли на фоне общего подъема гражданской активности, все вернется на круги своя. Во всяком случае их «мобилизационные» сайты и форумы, снизившие сегодня свою активность, вряд ли исчезнут совсем из виртуального социального пространства. Ведь это уникальный социальный капитал гражданского общества.

Развитие гражданского общества наметилось еще по двум направлениям. Одно, на котором оно борется с властными институтами уже на протяжении всего десятилетия: я имею в виду не только необходимость пересмотра действующего Лесного кодекса, но и всей совокупности законодательных актов, регулирующих земельные отношения в стране (Иноземцев, 2011: 3). Второе – это замещение части функций местной администрации силами общественных организаций, начиная от их консультативных органов, подобных гражданской организации Экоюрис, и до разработки программ реабилитации на уровне региона, в особенности особо охраняемых территорий. Ясно, что местная администрация не справится с такой комплексной задачей в одиночку, а МЧС по закону не обязано этим заниматься.

Наконец, почему еще нынешние катастрофическая и пост-катастрофическая ситуации так важны для социологического осмысления? Потому что на малых локальных объектах можно изучать *социально-экологический метаболизм* периода разрушения-восстановления данной экосистемы. То есть процессы трансформации поступающих сюда для спасения и реабилитации ресурсов всех видов: финансовых, материальных, человеческих. Ведь можно свалить гуманитарную помощь на помойку, как уже случалось. Можно отсортировать для «своих» лучшее, а оставшееся – «на тебе убоже, что мне не гоже». Но можно распределить ее адресно и по справедливости, а если что-то останется, то сделать запас на будущее. Изучение социально-экологического метаболизма совместными усилиями ученых и экологически обеспокоенного населения – нелегкая междисциплинарная и гражданская, задача, но ее необходимо решать, если мы действительно хотим начать экомодернизацию и рационально использовать наши природные и человеческие ресурсы.

ГЛАВА 7

Экокатастрофа как мобилизующий фактор

Постановка вопроса

В данной главе я хотел бы рассмотреть мобилизующее воздействие катастрофы в более широком контексте. Экокатастрофы, если их понимать достаточно широко, как внезапное разрушительное воздействие природных катаклизмов или техногенных аварий на человека и среду его обитания, суть явление, распространенное в новейшей истории (Perrow, 1984). Чем больше человек своей деятельностью превращает естественную среду в искусственную, сконструированную, тем больше сил и ресурсов требуется на ее поддержание, профилактику, что однако не гарантирует человека от аварий и катастроф. Однако история знает также катастрофы другого рода, затягивавшиеся на десятки и сотни лет, как это было, например, в XVI-XVII веках на Руси, когда голод и холод сначала демобилизовали население, а потом началась «смутное время» крестьянских восстаний и бунтов (Ключевский, 1988: 5–102; Яницкий Н.Ф., 1915).

Как писал об этом периоде русской истории В.О. Ключевский, «Тревоги смутного времени разрушительно подействовали на политическую выправку этого общества; ...все общественные состояния немолчно жалуются на свои бедствия, на свое обеднение, разорение, на злоупотребления властей, жалуются на то, отчего страдали прежде, но о чем прежде терпеливо молчали. Недовольство становится и до конца века останется господствующей нотой в настроении народных масс. Из бурь Смутного времени народ вышел гораздо более впечатлительнее и раздражительнее, чем был прежде, утратил ту политическую выносливость, какой удивлялись в нем иноземные наблюдатели XVI века, будучи уже далеко не прежним безропотным и послушным орудием в руках правительства... XVII век был в нашей истории веком народных мятежей» (Ключевский, 1988, Т. 3: 84). Еще одно принципиальное соображение: «Рекреационный процесс (здесь – процесс обновления, восстановления – О.Ян.) не тождественен ни “возрождению”, ни торжествующему “движению” вперед. К тому же он протекает поэтапно; не случайно после Смуты страна долго содрогалась от внутренних и внешних неурядиц, бунтов, войн, за ко-

торыми последовало крепостничество». «Рекреационный процесс получает преобладание тогда, когда “человек толпы” соглашается на роль существа, ведомого государством, – не важно каким» (Булдаков, 2007: 103, 104). Этот тезис, относящийся к российской истории, подтверждается в наши дни. Однако это – «рекреация» вертикальная, лишь увеличивающая потенциальную опасность возникновения кризисов и катастроф.

Наконец, как я уже неоднократно писал, российское общество пребывает сегодня в состоянии всеобщего (всеохватывающего) риска. Его наиболее существенными характеристиками являются:

- производство рисков становится выгодным, то есть чем меньше индивиды и группы интереса подчиняются закону, тем большую прибыль или статусные дивиденды они получают. В конечном счете российское общество разделяется на риск-производителей и риск-потребителей;
- границы России как социума становятся все более призрачными: они проницаемы для потребительской идеологии, чуждой российской культуре западной массовой культуры, равно как и для трафика, наркотиков, контрабандного товара и оружия; границы российского социума столь же проницаемы для вывоза капитала и расхищения национального богатства;
- в течение последних 20 лет вследствие перехода от плановой экономики к «рыночной» социально-функциональная структура российского социума подвержена перманентной реструктуризации с растущими экономическими и социальными потерями. Целые отрасли промышленного и социального производства вместе с их инфраструктурой ушли в небытие, огромные территории и оставшиеся на них люди оказались исключенными из общественного процесса. Понятие «вмещающего ландшафта» более не релевантно нынешней ситуации перманентной реструктуризации российского социума;
- все эти годы шли процессы социального распада и выделения негативной социальной энергии (терроризм, преступность, этнические конфликты, локальные войны, потоки вынужденных переселенцев, рост числа алкоголиков, наркоманов и других носителей социальных болезней; эмиграция носителей интеллектуального капитала и т. д.);
- несущая способность среды обитания (устойчивость экосистем) многократно превышена, что имеет двойной эффект: все большие территории являются по существу непригодными для жизни, и среда обитания из поглотителя рисков превращается в их производителя;
- продолжается и деградация технических систем, созданных еще в советское время. Техногенные катастрофы следуют одна за другой;
- всеохватывающая коррупция и нелегальная экономика угрожают существованию государства как такового;
- тотальное отчуждение индивида от бюрократической системы.

Все эти риски, рассеянные по «общественному телу» и одновременно пронизывающие его, периодически «прорываются» действительными экологическими и социальными катастрофами (Цепилова, 2002; Яницкий, 2003, 2004а, 2008; Yanitsky, 2000, 2010). Совокупность названных факторов в отно-

шении экомобилизации имеет двоякое значение. С одной стороны, их давление на человека, его психику и возможности общественного участия ограничивает его про-экологическую активность. С другой, сами катастрофы, если они не носят тотального характера, мобилизуют население и организации на помощь пострадавшим и защиту природы.

Катастрофы редко бывают чисто природного характера, хотя гипотеза русского ученого А.Л. Чижевского (1897-1964) о влиянии солнечной радиации на поведение животных и людей и шире – на человеческую историю, отнюдь не опровергнута. Как отмечал Чижевский в предисловии к своей книге, «В сентябре 1927 г. в Берлине на страницах «Русско-немецкого журнала» появилась моя работа «О соотношении между периодической деятельностью Солнца и эпидемиями холеры и гриппа»... «Дальнейшее изучение развития других заболеваний (дифтерия, чума, менингит, брюшной тиф, малярия и т. д.), наконец, исследование о соотношении между общей смертностью и солнцедетельностью, о синхронизме смертности, о связи между смертностью от туберкулеза и степенью напряженности электрического поля атмосферы и другие работы (1928-1930 гг.) привели меня к совершенно твердой точке зрения: жизненные функции патогенных микроорганизмов стоят в прямой связи с электрическими и электромагнитными пертурбациями во внешнем космо-теллурическом пространстве, то есть вирулентность бактерий есть функция радиации космо-теллурической среды» (Чижевский, 1976: 8).

Сегодня засухи, наводнения и ураганы все чаще бывают близкими или более отдаленными последствиями действий, спланированных человеком, как, например, уничтожение Аральского моря или затопление миллионов гектар лесов и пойменных земель для строительства каскада гидроэлектростанций на Волге, в результате чего изменилось практически все: численность и характер населения срединной России, формы его занятости, состав флоры и фауны, гидрогеологический режим и, конечно, сам климат в регионе. Скорость течения Волги уменьшилась в 50 раз! Принципиально важно то, что это были также политически сконструированные экокатастрофы, потребовавшие мобилизации огромных людских и материальных ресурсов. Вред этих планов сегодня очевиден, но до сих пор никто не может подсчитать кредит-дебет «великих строек коммунизма», то есть каково соотношение единовременно вложенных ресурсов и соотношения полученного долговременного позитивного и негативного эффекта с учетом расходов на поддержание гидротехнических и иных сооружений в рабочем состоянии. То же было со строительством Ассуанской плотины на Ниле, которая, дав поначалу взрывной положительный экономический и социальный эффект, с годами съела не только его, но теперь ежегодно требует дополнительных вложений на мелиорацию и поддержание нищего населения.

В одних случаях, как это было во время строительства каскада электростанций на Волге, эта рукотворная катастрофа разрушила сотни малых городов и деревень, лишив их жителей средств к существованию и привычного уклада жизни. Насильно согнанные с насиженных мест, переселенцы никогда уже не могли восстановить свой человеческий и социальный потенциал, а часть их них просто становилась нахлебниками государства или «лишними людьми». В лучшем случае они становились просто «рабочими руками», которых всегда не хватало в СССР, и поэтому их вербовали на освоение целины, на БАМ и другие «великие стройки коммунизма». В других местах, как на

Арале, шло медленное умирание, распад хозяйств и опустынивание огромных территорий. Официальные СМИ молчат о том, что нынешнее силовое «внедрение» капитализма в «тело России» привело к гигантской ломке экосистем: одни территории, ранее культивированные, ныне зарастают и дичают, другие подвержены опустыниванию, ветровой и водной эрозии.

Так или иначе, даже если государство само является источником катастрофы, оно обязано реагировать, отвечать на нее. Но мобилизация сил для ответа была различной. Во всех случаях существовали государственные службы наблюдения, оповещения и помощи пострадавшему населению и восстановлению его хозяйства. Но в авторитарные времена они носили военизированный характер и действовали самостоятельно, привлекая армию, а не добровольцев. В демократические времена гражданские силы, более мощные и хорошо организованные, действовали быстрее и эффективнее, чем соответствующие силовые структуры. В любом случае, экокатастрофа требовала мобилизации людских и материальных ресурсов, и вопрос заключался в том, чем они снабжены и как организованы.

Мобилизационный потенциал гражданского общества

Под мобилизационным потенциалом гражданского общества я имею в виду его способность собрать силы и средства для максимальной и своевременной помощи пострадавшим от экокатастрофы в максимально короткие сроки. Как отмечалось выше, эти сроки диктуются не только наличием социальных и материальных ресурсов, но прежде всего характером самой катастрофы, ее (часто непредсказуемым) развитием и расширением зоны поражения. В относительно спокойные периоды этот потенциал гражданского общества находится в состоянии «потенции к мобилизации», а иногда, как это ни покажется странным, и вовсе как бы отсутствует (находится в спящем состоянии). Весь период советской власти можно назвать мобилизационным в том смысле, что любой человек подвергался постоянному скрытому и явному принуждению, поскольку он не был свободен распоряжаться самим собой, своим временем и ресурсами. Так или иначе, я полагал целесообразным ввести различие между *обычным* (рутинным) и *целевым* (мобилизационным) состоянием. Готовность вообще и готовность к действию в специфических условиях места и времени при наличии ограниченных ресурсов – не одно и то же. Первое в нынешних условиях уже стало нормой жизненного процесса, тогда как второе предполагает тотальную мобилизацию всех имеющихся в наличии ресурсов.

Мобилизационный потенциал добровольцев и общественных организаций в период эко- и других катастроф зависит от степени демократичности общества, развитости его гражданских институтов. Проще: чем демократичнее общество, тем выше, как правило, потенциал безвозмездной помощи, которая может быть направлена пострадавшим рядовым гражданам, их сообществам и на восстановление привычной среды обитания. Об этом свидетельствует история России XX века: в его первые два десятилетия (предреволюционное и послереволюционное) существовали сотни добровольческих и благотворительных организаций (Степанский, 1980, 1982; Мардарь, 2008, 2008а, 2009), с успехом помогавших государственным службам помощи и спасения.

Чаще всего российское общество имело дело с локальными экокатастрофами, которые требовали мобилизации ресурсов в ограниченном географическом ареале (последствия извержения вулкана, пожара, урагана, местного недорода зерновых культур). Однако были и такие, которые требовали мобилизации сил и ресурсов как государства, так и общества. В конце XIX – начале XX вв. голод и эпидемии захватывали огромные районы, где требовалась мобилизация также и международной помощи. Возникали такие международные организации, как МежРабПомРусь, Нансеновские сообщества и т. д. В данной главе я ограничусь анализом современных примеров мобилизации сил и ресурсов гражданского общества для решения локальных и/или региональных задач с применением современных информационных технологий. Как я уже отмечал выше, эти экокатастрофы и мобилизация гражданских сил для их ликвидации рассматривается мною как «репетиция» катастроф будущего, связанных с аномальными климатическими явлениями и продолжающимся распадом природоохранных структур, созданных еще в советское время.

Немного теории

Катастрофа – это внезапное и резкое, обычно угрожающее жизни изменение среды обитания. То есть катастрофа – это актуализация средового риска, средовой риск в действии. Несмотря на существующие сегодня средства предупреждения, эти резкие изменения состояния среды обитания бывают столь значительными, что могут потребовать мобилизации сил и средств для спасения людей, а также ценного имущества, скота и многого того, что в обычной жизни кажется людям несущественным, если они находятся далеко за пределами района поражения.

Экокатастрофа – *социальное явление*. С одной стороны, потому, что конструктивная мощь человечества настолько возросла, что Биосфера начинает терять свою устойчивость (*sustainability*). С другой, потому что зоны повышенного риска (АЭС и ГЭС, предприятия, добывающие природные ресурсы, склады вооружений и боеприпасов, предприятия химической и атомной промышленности и т. д.) все расширяются, люди привыкают к соседству с ними или вынуждены с ним мириться ради заработка и не обращают внимания на предупреждения о грозящей опасности, на необходимость четкого соблюдения норм технической безопасности и т. д. Катастрофа, если не приняты превентивные меры, – *непредсказуемое* явление со столь же *непредсказуемыми* последствиями. Как отмечалось выше, торфяники вокруг Москвы горят почти каждый год, но требуется сочетание нескольких погодных, технологических и социальных условий, чтобы они из «домашнего риска», вроде злой собаки на цепи, превратились в стихийное бедствие, требующее *срочной мобилизации* сил и ресурсов. То есть в каждом человеческом сообществе формируется *порог восприимчивости*, когда потенциальный риск начинает восприниматься как реальная угроза для жизни всего живого. Иными словами, экокатастрофа – явление также и *культурное*. Во многих регионах страны такие катастрофы воспринимаются как «Божья кара», как «наказание за грехи наши». Не только в глухой провинции, но и в столице отслуживаются молебны за ниспослание дождя и т. п. обряды. Наконец, есть множество зон уже состоявшихся катастроф (Чернобыль, Маяк, Саяно-Шушенская ГЭС), о возникновении которых ученые

и активисты предупреждали, но к которым власти и бизнес практически не готовились, и поэтому теперь речь идет лишь о более или менее длительном периоде реабилитации населения и среды их обитания.

«Изменения <в окружающей среде> могут быть медленными и предсказуемыми до тех пор, пока позитивная обратная связь и некоторая критическая точка (*tipping point*) не сойдутся. Тогда изменения станут быстрыми, необратимыми и возможно разрушительными... <Поэтому> проблема не столько в самой природе, сколько в характере среды, которая создается взаимодействием человеческой деятельности и природной динамики» (Murphy, 2010: 3). Почему люди часто оказываются не готовыми к катастрофе и мобилизации? – «Реальная проблема состоит в том, что люди не хотят признавать, что они живут постоянно в условиях опасности и должны предпринимать что-то, чтобы защитить себя... Предиспозиция к нормальности и нежелание воспринимать опасную ненормальность, которая окружает наш комфортабельный образ жизни характерна не только для простых людей, но и для экспертов и организаций» (Murphy, 2010: 163). Еще одно важное соображение: интенсивность, охват и продолжительность катастрофы являются критическими факторами в отношении возможности смягчения (*mitigation*) ее вреда и последствий. Однако, как выяснилось, не предупреждения ученых и соответствующих служб мониторинга, а *ожидания лиц, принимающих решения*, явились критическими элементами для избежания, смягчения или, напротив, разрастания последствий катастрофы» (Murphy, 2010: 168 – выделено мною, О.Ян.).

Следует отличать экокатастрофу от рискогенной среды обитания (среды повышенной опасности), к которой люди привыкли и умеют избегать подстерегающих их опасностей. Самый распространенный пример, это стационарный подледный лов рыбы или ее лов по льду весной, когда он уже тонок, и есть опасность оказаться на оторвавшейся льдине в открытом море. В подобных случаях люди сознательно идут на риск, полагаясь на случай, что «прибыток» перевешивает возможную опасность. Экокатастрофа также отличается от ситуации превышения несущей способности экосистемы, когда она из поглотителя рисков, произведенных человеком, превращается в их накопителя и распространителя, а главное, что эти риски, *мигрируя в среде*, изменяются, химически трансформируются, многократно увеличивая свою вредоносную силу. Это, пожалуй, самый опасный вид экокатастрофы, поскольку ни убойная сила некоторого нового, например, химического соединения, ни место, ни время его выхода на поверхность и распространения на обширные территории очень трудно определить. Это – *рассеянная катастрофа*. Так, лесные пожары в Брянской области, леса которых до сих пор хранят следы заражения радионуклеидами, порожденного Чернобыльской катастрофой, при наличии сильного ветра могут значительно расширить зону радиоактивного поражения.

Теоретически, когда катастрофа все же случается, человек мысленно выстраивает ряд «фреймов», то есть общую картину критической ситуации (главный фрейм), почему и какими средствами надо осуществлять мобилизацию сил и ресурсов (мобилизационный фрейм) и систему организационных мер по минимизации имущественного ущерба и/или оказанию помощи пострадавшим (логистический фрейм). Проблема в том, что эти фреймы имеют смысл и действительны лишь тогда, когда характер и масштаб катастрофы поддается

«вычислению». Но аномальная жара и переменчивый сильный ветер летом 2010 г. во множестве регионов страны опрокинули все расчеты спасателей и местной власти.

Теперь – о *типах* мобилизационных состояний человека и сообщества. Их я выделяю четыре. Первый – это мобилизационное состояние человека и гражданина как *социальная норма*, более того, как необходимая предпосылка для развития человека и накопления его социального и культурного потенциала. То же относится и к гражданскому сообществу (группе, общественному движению), в которое он входит. Если нет внутренней мобилизации, концентрации, сосредоточенности на некоторой проблеме, то нет и социально значимого результата, нет инновации и модернизации. В просторечии это именуется сосредоточенностью и целеустремленностью. Когда Ч. Дарвина спросили, как он смог добиться столь выдающихся успехов, он ответил: «Я обладал способностью очень долго думать об одном предмете». Собственно говоря, на такой нормальной социальной мобилизации держится вся творческая деятельность человечества.

Второй – это *мобилизующее знание*, то есть знание, что ты или сообщество находятся в зоне повышенного риска. Этот риск может быть природный (см. выше) или социальный, когда предстоит столкновение (идеологическое или непосредственное) с потенциальным противником. То есть это *личная* и *групповая* мобилизация интеллектуальных сил и средств и их нацеленность на решение возможного конфликта или предотвращение катастрофы. Здесь тоже есть специфика. Одни ресурсы можно мобилизовать легко, почти автоматически (например, заглянув в собственный компьютер), другие можно получить тоже быстро, но *в обмен на ресурсы другого* человека или организации (Della Porta and Diani, 2006). Третьи можно только купить или достать, то есть затратив средства и время (напомню, что время здесь критический фактор). Так или иначе, чем теснее индивид связан сетями с другими себе подобными, тем быстрее и с меньшими затратами эти барьеры преодолеваются. Еще один важный индивидуальный ресурс – это обращение к знаниям и опыту прошлого, то есть к опыту старшего поколения (экспертов, экоактивистов и местного населения). Наши исследования показали, что в данном конкретном случае (тушение лесных пожаров) эти знания (двадцати- и даже пятидесятилетней давности) ничуть не устарели, они были просто отброшены и забыты, превращены в «отходы» самим ходом развития капитализма в России. Позволю себе методическое замечание в адрес социологов, которые будут изучать грядущие катастрофы: никогда не следует опрашивать на месте официальных лиц, задействованных в ликвидации катастрофы, – они никогда не скажут правды или всего, что знают: страх потерять место и должностные инструкции им этого не позволяют (что и подтвердила катастрофа в Японии). Чтобы выяснить, как все было на самом деле, разговаривайте с уволенными, отставниками, в общем с чиновниками, уже выброшенными из властных структур.

Третье – это *готовность к мобилизации*, когда уже не только отдельный индивид, но и его сообщество, знает, что экокатастрофа весьма вероятна, надвигается. Здесь уже происходит частичная или полная мобилизация *доступных* ресурсов, актуализируются информационные связи и запасники. Я называю это *групповой* мобилизацией или солидарной готовностью к действию. Специфика здесь та же: люди готовятся к стандартному сценарию развития событий, а они могут повернуться непредсказуемым образом. Но

главное здесь *неизбежный конфликт* между уровнями властных структур. Мерфи приводит прекрасный пример конфликта между муниципальным и региональным чиновниками по поводу борьбы с ледяным штормом (очень похожим на наши ледяные дожди) и его последствиями, когда каждый чиновник отстаивал правильность своих действий в экстремальной ситуации, руководствуясь должностными инструкциями и знанием ситуации «сверху» и «снизу». В то время, как глава автономного района Монреаль настаивал, что он должен держать все рычаги управления борьбы со стихией в своих руках, главы муниципальных образований, входящих в него, отводили ему роль лишь общего координатора спасательной операции, настаивая на праве муниципалитетов действовать по обстановке. «У них свои проблемы, у нас – свои» (Murphy, 2010: 210–29). И это было действительно так, потому что каждый уровень местной власти имел свои каналы информации и быстрого доступа к ресурсам, надобным для спасательных работ: у одних под боком были военная и пожарная части, у других нет. Подобный конфликт типичен и для наших условий, например, для ситуации в поселках городского типа на юге Московской области.

Наконец, четвертое состояние – это *мобилизационное действие* уже как таковое, когда катастрофа уже свершилась (или идет), и требуется весь комплекс усилий, о которых речь шла в предыдущих главах. Но отличие этой, последней стадии в том, что мобилизоваться могут не только люди, непосредственно затронутые катастрофой, но и все, кто ею затронут морально, кто мотивирован к добровольному участию в ликвидации катастроф самим фактом их существования. То есть ареал мобилизации сил и ресурсов благодаря интернету резко расширяется. Как отмечалось в Главе 6, это – мобилизация прежде всего в *виртуальном пространстве*. Что ни в коей мере не исключает солидарных действий местных активистов и «виртуально мобилизованных» акторов.

Здесь есть одна интересная закономерность. Не все мобилизованные суть экоактивисты, но все участники ликвидации катастрофы на время становятся таковыми, потому что сам характер действий по ликвидации заставляет их быть в той или иной степени подчиненными воле лидера (организатора), отдавать время и ресурсы на общее дело, быть междисциплинарными и «многорукими», то есть выполнять множество самых разных обязанностей. И как показали наши исследования, этот *опыт «экосистемного действия»* никуда не исчезает, не уходит, а напротив, применяется уже в совсем других социальных и политических ситуациях.

Изменения в структуре сетей

Как уже было сказано, мобилизация сил и ресурсов для борьбы с катастрофой, неизбежно порождает активизацию сложившихся сетей и формирование новых, зависящих от места, времени и масштаба экокатастрофы. Если распад как деструктивный процесс есть превращение ресурсов гражданского общества в «отходы», то мобилизация ведет к повышению уровня организованности коллективного социального актора, который впоследствии может послужить восстановлению несущей способности экосистем. Мы отмечали

также, что структура сетей гражданского общества зависит от коридора политических возможностей, создаваемого властными структурами и международным контекстом.

Но есть и обратная связь: в случае успешной мобилизации гражданских организаций и их сторонников они сами расширяют, раздвигают структуру их политических возможностей. Можно выделить шесть таких ступеней расширения:

- доступ гражданских акторов к публичной арене, то есть их доступ к институциональным сетям политического участия (общественные экспертизы и слушания, судебные процессы);
- участие в формировании «повестки дня» ликвидации последствий катастрофы, включая возможность доступа лидеров и экспертов экологического движения к процессам пересмотра федерального законодательства;
- респонсивность, когда власти соглашаются обсуждать предложения гражданских организаций;
- результативность, то есть внесение в законодательство изменений, предложенных гражданскими организациями;
- «воздействие», то есть когда изменения, внесенные в законодательство по инициативе этих организаций, начинают реализовываться на практике через систему подзаконных актов и должностных инструкций, увеличение числа специалистов, их переобучение и т. п.;
- «партнерство», когда государственные и гражданские организации начинают действовать совместно. Применительно к «рутинному» процессу принятия экологических решений я выявил такие его фазы: нормальная, селекции, мобилизации, собственно принятия решения и его реализации (Яницкий, 2002: 238–44), поэтому здесь я не буду на них останавливаться.

Теперь посмотрим, чем характерна сетевая структура «нормальной» фазы и чем «мобилизационной»?

В современных российских условиях эти две структуры практически публично не пересекаются вследствие не только идеологических предпочтений власть предержащих и оппонировавших им гражданских организаций, но и потому, что структурно они построены по разным принципам: вертикальному и горизонтальному, отраслевому и бассейновому, указаниям «сверху» и самоорганизации «снизу». Различен и контент функционирования этих сетей. Поэтому, если они и пересекаются, то «антагонистически», как два противоположно направленных потока, когда, например, государство и его силовые структуры блокируют доступ зеленых к публичной арене и прежде всего к СМИ. Российские СМИ не мобилизуют и не учат рефлексии. Напротив, они отвлекают и наркотизируют. В результате за полвека своего существования российские зеленые создали свой, достаточно обособленный мир, опирающийся на межперсональные сети доверия и взаимопомощи. В этой обособленности есть свои плюсы и минусы, но то, что экоактивисты и экологически обеспокоенные граждане свою сеть сохранили и развили, это – факт. Теперь наступает этап их включения в политическую борьбу.

Но что же происходит, когда экологическая катастрофа уже случилась? Во-первых, внутри всего множества экологических групп и объединений формируются *виртуальные ядра мобилизации*, то есть ее виртуальные коллективные лидеры. Причем важно, что такие ядра, как это было в случае с аварией на Саяно-Шушенской ГЭС, могут возникать и вне экологического движения – тогда это было сообщество праворульных автомобилистов (drom.ru). В рассмотренных выше случаях (пожары, наводнения) зеленые играли тоже не первую скрипку. Скорее, лидерами становились рядовые граждане как специалисты (*expert-citizens*), то есть непосредственно затронутые катастрофой и сочувствующие им. Здесь на первое место вышли именно сочувствующие и неравнодушные люди вообще, такие, как Доктор Лиза, организовавшая сеть первой помощи погорельцам и пострадавшим. Но не только. Например, ученые, которые действуют по принципу «следуй за актором», собирают и мобилизуют локальное знание с тем, чтобы помощь, идущая «сверху», была адресной, точечной. «В этом случае профессионал действует как программист, как человек, способный мобилизовать ресурсы, как консультант – и все это делается для организации процессов обучения и исследования, которые позже смогут вести сами жители» (Fisher, 2003: 184). Наконец, это были сами пострадавшие жители, которые лучше других знали, какие связи надо сохранить во что бы то ни стало.

Во-вторых, эти виртуальные ядра мобилизации стали одновременно *мостом* между активистами-добровольцами и пострадавшими с целью обмена срочной жизненно важной информацией. Возникла виртуальная «скорая помощь». В отличие от обычной медицинской она отзывалась практически мгновенно на любой крик о помощи. В-третьих, эта сеть приобрела двойную *горизонтально-вертикальную* структуру с обратной связью: она собирала информацию с мест и транслировала ее «наверх», то есть в ядро, а оно, перерабатывая ее, – снова распространяло ее горизонтально по всем тем адресам, кто откликнулся на призыв о помощи. Тем самым, в-четвертых, эта сеть постоянно расширялась, как за счет интернета так и сарафанного радио. Его ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов, поскольку оно одновременно и канал информации, и среда ее интерпретации в соответствии с местной культурой.

В-пятых, эти ядра неотложной помощи стали выполнять роль *посредника* между очагом катастрофы и всем миром, что естественно резко увеличило ареал возможностей мобилизации самой разной помощи пострадавшим. В-шестых, эта мобилизация создала эффект мультипликации, породив на местах новые ядра помощи пострадавшим, как в уже известных, так и новых очагах катастрофы (известно, например, что опыт сайта Доктора Лизы был использован в Сибири и на Дальнем востоке). Не менее существенно, что при помощи сетей научные знания трансформировались в политически мобилизующий ресурс, так как с экологическим движением стали сотрудничать социологи и политологи (Халий, 2000, 2004; Яницкий, 2004).

В-седьмых, эта сеть *экстренной помощи* резко отсекала все виды болтунов и других посторонних, хотевших попиариться на несчастье людей. Это очень важный момент мобилизации, когда сразу видно: «кто есть кто». То есть мобилизация в условиях экокатастрофы четко прояснила расстановку сил, о которой говорилось в Главе 3. В-восьмых, когда оказалось, что МЧС и другие государственные службы, ограниченные должностными инструкци-

ями, не всегда были способны оказать действенную помощь пострадавшим людям и природе – известны случаи, когда МЧСники, оборонив, то есть окупав какое-то село, сидели без дела, не обращая внимания на рядом горевший лес. В-девятых, экоактивисты и местные профессионалы (лесники и др.) выступили в роли *неформальных лидеров* ликвидации экокатастрофы, обучая служилых людей, что надо и чего нельзя делать в данной ситуации.

В-десятых, хотя реабилитационный после катастрофы период ляжет в основном на плечи государственных организаций (лечебных учреждений и коммунальных и социальных служб), очевидно, что без помощи сетей гражданского общества все же не обойтись. Прежде всего останется и даже обострится проблема характера и распределения помощи пострадавшим. С одной стороны, проблемы и болезни у погорельцев только начнут проявляться (врачи утверждают, что минимальный срок реабилитации – год, максимальный – неизвестен, как и неизвестен объем ресурсов, требуемый для этого). С другой, унифицированные государственные стандарты медицинской и социальной помощи не всегда согласуются с местными условиями. Чрезвычайно острой станет проблема реабилитации, если практически вся медицинская помощь станет платной. Известный нам опыт реабилитации «ликвидаторов» Чернобыльской катастрофы говорит о том, что посредством закрытых должностных инструкций и просто «телефонного права» пострадавшие не получали нужной медицинской помощи или ждали ее годами.

Так или иначе, *конфликты* возникнут, и эти низовые ядра (*grassroots*), особенно если к тому времени они смогут приобрести статус общественных организаций, будут служить в качестве третейского суда (не забудем, что в малых провинциальных городах и деревнях все знают друг друга). Далее, в ходе процессов реабилитации (а они – разные по срокам и требуемым ресурсам) возникнут *новые проблемы* (переселения, обмена или продажи жилья, помещения немощных и престарелых в дома призрения, межевания, закупки скота, птицы, хозяйственного инвентаря). Вполне возможно, что эти и подобные им проблемы обустройства породят *новую волну мобилизации*. Такая встряска, которую испытали жители охваченных пожарами районов, возможно породит требования населения иметь больше права голоса для решения именно этих проблем.

Наконец, существует идея решения всех проблем малых населенных мест России путем создания 20 гигантских городских агломераций, в которых можно будет сосредоточить почти все трудоспособное население страны. Создание «городских агломераций-миллионников направлено против малых и средних городов. Это позволит власти свободно уйти из зон, которые ей невыгодно поддерживать» (Силласте, 2010: 3). Если этот проект будет реализован и к нему прибавится другой подобный, но уже чисто социальный проект: массового переселения пенсионеров из Москвы в дешевые жилища в отдаленных от столицы областях (Булдаков, 2010: 16), то это будет катастрофа, куда более масштабная, чем пожары и ледяные дожди.

В-одиннадцатых, рискну предположить, что чем дальше, тем более устойчиво в решении проблем локальных и региональных экокатастроф будут вмешиваться и играть *международные* неправительственные организации. Причины тут разные: кризисные районы уже давно «накрыты» сетью этих организаций и фондов, и нет оснований считать, что они откажутся от своего присутствия в них в дальнейшем; глобализация и, следовательно, трансгра-

ничный перенос загрязнителей лишь придаст легальность этому присутствию; в приграничных районах такие организации возникнут по причине нежелания иметь потенциально опасного соседства (вспомним недавнюю катастрофу на реке Амур, созданную сбросами ядовитых веществ в его приток Аргунь со стороны Китая). Так что уже налаженные во время летних катастроф 2010 г. трансграничные связи совсем не исчезнут, тем более, что опыт участия гражданских организаций в такого рода делах, несомненно будет полезным и для наших условий. Наконец, это понятное желание наших западных коллег в отношении выработки общих стандартов спасательской и реабилитационной деятельности. Наконец, в-двенадцатых, некоторая «мобилизация» произойдет и в государственных учреждениях, во всяком случае экологические организации будут на этом настаивать (см, например, Мардарь, 2007).

Выводы

Истощенная и многократно «переделанная» природа предъявила счет России. Ее будущее зависит от «национального экологического согласия». Это – трудный, но необходимый ментальный поворот. Экологический консенсус, про-экологическая государственная политика и легальная возможность самоорганизации населения – вот три базовых условия, при которых возможна массовая мобилизация сил гражданского общества в борьбе с экологическими рисками и катастрофами. Теперь – об условиях, касающихся непосредственно экологического движения как главного актора мобилизации. Во-первых, оно должно обладать способностью к мобилизации, то есть собирать и концентрировать усилия людей и организаций для борьбы с экокатастрофой. Пишу об этом потому, что многие российские «ядра» экологического движения перестали быть таковыми, превратившись в неправительственные или некоммерческие общественные организации, то есть фактически перешли в категорию *офисных служб*, участвующих в мобилизационных процессах лишь косвенно (экологическое просвещение, обучение бизнеса работе по международным экологическим стандартам, разработка проектов и программ для правительства, экспертиза и т. д.) или участвующих в процессах мобилизации только на персональной основе. Во-вторых, экологическое движение должно действовать *публично* (прежде всего через СМИ и интернет), чтобы его призыв к мобилизации был услышан, увиден и имел *общественный резонанс*. Особое значение здесь имеет доступ к государственным телеканалам. Исходя из той же логики, как мы уже отмечали выше, процесс мобилизации должен иметь общий и мобилизационный фреймы и их носителя – индивидуального или группового лидера. Далее, мобилизация – это индивидуальное или массовое действие, осуществляемое за пределами рабочего времени или теми, у кого рабочий день не нормирован. Как показал опыт цветных революций, для государства и общества крайне невыгодно, чтобы для достижения своих целей все или большая часть населения не только выходила на массовые демонстрации, но и месяцами жила на улице. Такое противостояние представляет собой гигантское распыление индивидуального и совокупного социального капитала, личных средств и времени. Подчеркну, что мобилизация – это не

единовременный акт, а воспроизводимый во времени *процесс* индивидуальных и коллективных действий, опирающийся на виртуальные сети активистов и их единомышленников и сочувствующих.

Рассмотренная мною сеть – это не связь гаджетов и не информационные технологии, а прежде всего *объединение людей* морального долга и гражданской ответственности, обеспокоенных состоянием среды обитания. Если катастрофа ликвидирована, некоторая конкретная сеть может перейти в латентное состояние. Как полагают И. Аверкиев и его коллеги, «Участие тысяч активистов, добровольцев и благотворителей в преодолении «пожарного кризиса», с одной стороны, продемонстрировало высокий уровень гражданской самоорганизации, *но*, с другой стороны, это был опыт *мобилизационной* самоорганизации. Текущая защита прав и общественных интересов не может осуществляться в мобилизационном режиме. Мобилизационный опыт, связанный с противодействием природной катастрофе, *малополезен в деятельности по продвижению и защите фундаментальных общественных интересов* в сферах гражданского политического влияния, экологии, местного самоуправления, гуманизации общественных отношений и т. д.» (Аверкиев и др., 2010: 28). Не могу с этим согласиться, потому что речь идет о разных мобилизациях. Коллеги имеют в виду мобилизацию катастрофическую, но есть еще и мобилизация как состояние, внутренне присущее гражданским организациям, находящимися в перманентном конфликте с властью предрержащими.

Но при возникновении другой критической ситуации в ином месте она способна актуализироваться снова, привлекая старых и новых неравнодушных и обеспокоенных. Так или иначе, *социальная память* о совместном действии в благородных целях в разных формах (озабоченности о состоянии среды своего непосредственного обитания, знания о наличии в этой среде экологических рисков, в виде мониторинга ее состояния или практического ухода за нею) *сохраняется* в гражданском обществе, точнее в его социальной памяти, надолго, иногда на протяжении жизни целого поколения. Это видно сейчас, когда действия активистов и рядовых граждан весьма напоминают действия людей времен перестройки. Это видно и по тому, как люди старшего поколения отстаивают идеалы своей молодости, тем самым сохраняя свою идентичность. Но это вовсе не означает, что в случае новой катастрофы на улицу выйдут те же люди. Напротив, именно потому, что эта социальная память виртуальна, может возникнуть совсем другая сеть, с другими лидерами и активистами.

Рассмотренная нами мобилизация – эмерджентный феномен, потому что способность к самоорганизации и самомобилизации – отличительные черты гражданского общества. Посредством виртуальных сетей эта память накапливается, структурируется. Конечно, как я отмечал в своих работах, сам тип воспроизводства российского экологического движения – реактивный, то есть иницируемый извне и одновременно саморганизующийся, самосохранительный, воспроизводящий себя в отчужденной среде (Яницкий, 2002: 105–23), – влияет на характер и интенсивность мобилизационных процессов. Но это уже задача конкретного ситуационного анализа.

Однако в любом случае нужна консолидация и мобилизация всех патриотических сил и интеллектуальных ресурсов общества для разработки первоочередных мер по социально-экологической модернизации России, мер, которые бы обеспечивали одновременное достижение нескольких целей: устойчивое, то есть экосистемное, в обозначенных выше трех пространствах поступательное развитие российского общества, наращивание его экономической мощи и социальной привлекательности при минимальных рисках и необратимых потерях экосистем.

ГЛАВА 8

Социальный капитал российского экологического движения

Постановка вопроса

Экологическое движение – двунаправленный феномен: оно и «мотор» экомодернизации, и одновременно сила, способствующая снижению конфликтности взаимоотношений человека и природы, то есть один из факторов, придающих устойчивость глобальной экосистеме. Чтобы выполнять эти роли, оно должно обладать социальным капиталом: знаниями, практическими навыками, сетями взаимной поддержки, способностью влиять на экологическую политику государства, сознание и поведение людей и т. д.

Проблема сути и способов производства социального капитала гражданского общества и, в частности того, который производится новыми общественными движениями, включая экологическое, женское, самоуправления и др., обсуждается в отечественной и еще более интенсивно в зарубежной социологической литературе (Бурдые, 2002; Радаев, 2002; Полищук, 2005; Стрельникова, 2003). Особенно широко дискутируется проблема сетей как носителя и производителя этого капитала (Diani, 1997; Diani and McAdam, 2003; Kriesi, 1993). В данном случае я трактую экологическое движение в узком смысле, как некоторую субструктуру общества, объединяющую ряд добровольных сообществ, групп и ассоциаций, стремящуюся оказать влияние на базовые ценности и политические цели общества в направлении их экологизации. Гражданское общество развивается от «эмбрионального» развития (как «вещь в себе», по К. Марксу) через мобилизацию к институционализации. В России примером такой эволюции является движение от «неформалов» через ряд массовых кампаний протеста к институционализации в форме некоммерческих и общественных организаций и федеральной и местных общественных палат. Сходная точка зрения развивалась в 1990-е гг. американскими и европейскими исследователями – М. Вейгле, Дж. Баттерфилдом и К. Оффе (Weigle and Butterfield, 1992; Offe, 1996).

Под социальным капиталом экологического движения я понимаю совокупность знаний, навыков и социальных практик, существующих и воспроизводимых им в социальных сетях. Это производство направлено на экологизацию общества, его экономики, политики и культуры.

Очевидно, что производство и распространение этого капитала в условиях потребительски ориентированного общества наиболее проблематично. Противоположность потребительской и экологической парадигм развития общества рассмотрена нами в: (Яницкий, 2006). Между тем, развитые страны даже в условиях нынешнего экономического кризиса направляют интеллектуальные усилия и значительные финансовые средства на экологизацию экономики и институциональных систем (см., например: Obama's Plan..., 2009). Необходимость экологизации капиталистической системы и мышления власть предержащих активно дискутируется сегодня социологами развитого мира (см., например, дискуссию о социальных последствиях глобального изменения климата в журнале *Current Sociology* 56 (3), 2008). Как показало, например, панельное, исследование проводившееся в 20 странах мира в течение двух десятилетий, чем больше международных неправительственных экологических организаций работает в данной стране, тем ниже уровень загрязнения ее вод (Jorgenson, 2009). Исследование российских НПО показало, что аналитическая функция у них стоит на одном из первых мест, уступая только социальной (Горшков и др., 2010: 225).

Однако, по моему мнению, несколько ключевых теоретических вопросов остаются пока без должного внимания. Я имею в виду три из них: релятивность определения социального капитала; соотношение индивидуального и общественного социального капитала и проблема *динамики* этого капитала в условиях перехода России к информационному обществу.

Релятивная сущность социального капитала

Практически все авторы сходятся во мнении, что социальный капитал производится, сохраняется и распространяется в социальных сетях. Однако любой экономист или социолог скажет, что *ценность* (стоимость) всякого продукта общественного труда, материального, интеллектуального или административного ресурса, *относительна*. Она зависит как от качества самого ресурса, его потребительской стоимости, рекламы и многих других внутренних и внешних обстоятельств. В действительности все еще сложнее.

Дело в том, что социального капитала «вообще» не существует. Он может существовать только как *актуальный капитал*, то есть произведенный в (со)обществе определенного типа и доступный индивидам и группам в зависимости от типа этого (со)общества. Для примера посмотрим на такой общепризнанный социальный капитал как образование. Оно может быть формальным («корочки») и действительным, передовым и устаревшим, доступным (демократическим) или элитарным. Кстати, еще предстоит решить, что именно считать для современной России «передовым образованием»: его европейскую модель (Болонский процесс) или же восстановление и развитие принципов советской и русской высшей школы. Социальный капитал всег-

да *контекстуален*, то есть зависим от конкретно-исторического контекста. Непрерывающиеся дебаты по поводу введения ЕГЭ, а сегодня стандартов образования – яркий тому пример.

Следующее различие – между капиталом *дидактическим* (учебным) и освоенным (осознанным), который индивид или группа способны *применять практически*. В конечном счете ценность некоторого социального капитала определяется (и одновременно возрастает) только в ходе его практического применения. Но поскольку практика развивается, ценность некоторого социального капитала постоянно меняется.

Если же произведенный социальный капитал своевременно практически не реализуется, то он неизбежно стареет. Сколько за последнее десятилетие мы уже имели примеров разработки тех или иных образовательных и иных моделей («национальных проектов» или так называемых модельных или пилотных проектов), которые хорошо работали в эксперименте, то есть в случае специально мобилизованных для них ресурсов, но, будучи помещены в контекст нашего общества, рассыпались и исчезали. И такое происходило с очень многими проектами, нацеленными на «социальную капитализацию» нашего общества. Не освоенный людьми и не встроенный в реальную жизнь социальный капитал распыляется и в конечном счете превращается в «отходы». Соответственно и люди, его носители, становятся ненужными, интеллектуальными отходами. Значит, социальный капитал, произведенный *in vitro* и *in vivo*, различны.

Другая форма омертвления социального капитала – это «уход» пользователей, включая активистов экологического движения, в виртуальную реальность. Если сопротивление социальной среды слишком велико (на языке социологов, изучающих общественные движения, его социальные и политические возможности минимальны), то активисты отрываются от реальных практик воспроизводства социального капитала и замыкаются в сетевой коммуникации (Мардарь, 2009).

Но дело не только в технологии производства рассматриваемого капитала. Ключевая проблема здесь – это «*дистанция*» между базовыми потребностями общества и характером производимого капитала. Если общество ориентировано потребительски, если все его институты основаны на парадигме потребительского общества «иметь, что и сколько хочу здесь и сейчас», то *дистанция*, которую надобно преодолеть совокупному экологически ориентированному социальному капиталу, который производится в сетях и практиках экологического сообщества, чтобы достичь потенциального потребителя, будет *максимальной*. Здесь развитие социального капитала понимается мною как проникновение (переход, внедрение) экологических знаний и ноу-хау из сферы неформальных экологических сетей в сферу экономических и социальных *институтов* общества и, прежде всего, в такой институт, как рынок. Позитивным примером такого внедрения является уже упоминавшийся международный институт добровольной лесной сертификации (Лесной попечительский совет), успешно функционирующий и в отечественных условиях (Яницкая, 2008; Jorgenson, 2009). Наконец, помимо формального проникновения некоторых экологических принципов в законодательные акты и кодексы, существуют еще акты подзаконные (инструктивно-нормативные материалы), а самое главное – правоприменительная практика. «Социальная дисциплина <в обществе> создается только правом» (Кистяковский, 1909: 101).

Феномен *релятивности* индивидуального социального капитала проявился эмпирически уже на стадии проведенной мною серии пилотажных опросов. Оказалось, что жесткого разделения на *обменный* и *идентификационный* капиталы не существует. Идентификационный всегда содержит моменты «простого» (рыночного) обмена знаниями и ноу-хау, потому что близость ценостных позиций акторов облегчает обменные процессы. Как отмечали участники опросов, им было сложно определить, о каком именно капитале идет речь при ответе на вопрос о характере «двустороннего общения для профессионального роста с коллегами по совместной работе», так как, по их мнению, в нем практически в равной степени присутствуют и «обмен с кем-либо информацией или другими ресурсами», и «тесная связь с единомышленниками». Далее, оценка и использование информации, полученной в результате «простого обмена», сильно зависит от степени доверия к источнику информации. Вообще, *категория доверия* здесь играет ключевую роль. Это отмечают и западные исследователи: «Доверие, которое столь важно для вхождения индивида в публичное пространство,... есть ключевой концепт для объяснения, почему одни типы социальных связей более важны для индивидуального участия в движении, чем другие» (Passy, 2003: 41). Ф. Фукуяма полагал, что доверие является связующим звеном между различными уровнями взаимодействия социальных акторов: межличностным, корпоративным и государственным (Фукуяма, 2004).

Тезис Фукуямы подтверждается. В течение многих лет я наблюдаю феномен «между», когда российские экоактивисты одновременно пребывают в институциональных и неформальных сетях или попеременно в одной из них. И наоборот, – если между экоактивистом и сетью общественного движения, активистом и государственной организацией налажен устойчивый обмен информацией, то на его основе возникают более тесные, дружеские контакты, и тогда законы рынка опосредуются более тонкими механизмами: между акторами происходит обмен бонусами или дарами. Поэтому открываемый некоторому зеленому активисту доступ к сети с ограниченным членством очень трудно измерить в обменных (рыночных) терминах. Хорошо также известен феномен сознательной утечки информации, когда *доверительно* сообщенные сведения приобретают значение *обменного* капитала. И еще одно наблюдение: для России чем дальше от «рыночных» центров, то есть от столиц, тем больший вес имеют личные неформальные контакты, основанные на доверии к единомышленникам и независимым экспертам. Думаю, что эта закономерность присуща и другим развивающимся странам. Можно высказать предположение, что, чем более общество является авторитарным и потребительски ориентированным, тем выше должно быть давление на него экологического знания-действия, продуцируемого движением. И, наоборот, – чем меньше промежуточных звеньев между экологическим движением и государственными структурами, тем выше вероятность экологизации экономики, политики и общественной жизни.

Итак, исходя из сказанного, я предлагаю различать номинальный и актуальный социальные капиталы, производимый в сетях экологического движения. Номинальный существует как потенция, как «вещь в себе», актуальный же доступен для использования, переработки, трансляции и т. д.

Капитал: индивидуальный и сетевой

Смысл социального капитала просматривается в понятии *отношения*, поскольку именно они, реализуемые через связи между людьми, создают такого рода капитал. Поэтому, как полагает большинство западных авторов, социальным капиталом воспроизводится в социальных сетях.

Как пишет Д. Коулман, происхождение социального капитала связано с изменениями в отношениях между индивидами, а его существование только с наличием взаимоотношений. В отличие от культурного и человеческого капитала, объективированной структурной основой социального капитала являются сети социальных связей, которые используются для транслирования знаний и информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения и т. д. «На основе социальных сетей, которые часто имеют тенденцию к относительной замкнутости, складывается институциональная основа социального капитала – принадлежность к определенному социальному кругу, или членство в группе» (Коулман, 2001). Измерять социальный капитал можно только через степень включенности в те или иные сети, а также через характеристики этих сетей – их размер и плотность, силу и интенсивность сетевых связей (Радаев, 2002). Чем и подтверждается его релятивность.

В анализе социальных сетей выделяются четыре подхода: структурный, ресурсный, динамический и нормативный. В рамках структурного подхода изучаются формы (конфигурации) сетей и интенсивности взаимодействий, а для интерпретации результатов используются структурные теории и теории сетевого обмена. Ресурсный подход рассматривает возможности акторов по привлечению индивидуальных и сетевых ресурсов для достижения определенных целей и дифференцирует акторов по их ресурсам. В качестве индивидуальных ресурсов могут выступать знания, здоровье, престиж, богатство, раса, пол. Под *сетевыми ресурсами* понимаются влияние, статус, информация, административный капитал и др., приобретаемые при включении в социальные сети. Динамический подход акцентирует внимание на изменениях, происходящих в сетевой структуре с течением времени, связанных с изменением ситуации, новыми акторами, их знаниями и ноу-хау и т. д. Нормативное направление изучает нормы, правила и санкции, которые влияют на поведение акторов в социальной сети, уровень доверия между акторами и процессы их взаимодействий.

Ключевым методологическим принципом здесь является не только связь, но и изоморфизм социальных капиталов индивида и некоторой (сетевой) общности. Хотя в жизни происходит реальный обмен между индивидуальным и социальным капиталами (скажем, здоровье или знания индивида обмениваются на формы и степень включенности в те или иные социальные сети), для анализа их связей и взаимозависимости необходим *общий знаменатель*. Таковым является *обмен информацией*, включающий обмен профессиональной и общекультурной информацией и практическими навыками. Или, иначе, знанием научным, общекультурным и социально-технологическим (повседневным).

Проблема режима накопления и использования социального капитала экоактивистом также не проста. Теоретически есть два состояния лидера и его экоструктуры: спокойное (нормальное) и мобилизационное (мобилизация личных ресурсов и межличностных и иных сетей). Если мы примем во внимание, что: экологическая ситуация в стране и месте жизни и деятельности активиста, как правило, неблагоприятная и продолжает ухудшаться; что он и его инициативная группа находится в отчужденном социально-экономическом и культурном контексте, а силы, ему противостоящие, значительно превосходят его возможности изменить ситуацию, то «спокойное» состояние всегда означает для активиста напряжение его сил, то есть его *спокойно-напряженное* состояние. Отсюда, типологически основных режимов воспроизводства социального капитала экоактивиста три: «спокойный» (теоретическая норма); спокойно-напряженный (реальная норма); и мобилизационный (подробнее об этом см. последующие главы).

Так или иначе, социальный капитал существует *только во взаимодействии* актора, сети и ситуации. Бессубъектное существование социального капитала противоречило бы всей эпистемологии социологии гражданского общества, центральным действующим лицом которого является «свободный актер». Этот индивидуальный или групповой актер является одновременно и потребителем, и вкладчиком в этот сетевой капитал. Вот почему вопрос о структуре его сетей приобретает ключевое значение. Однако оценка этой структуры зависит от метода, используемого социологами.

Первичная экоструктура и социальный капитал индивида

Результаты общенациональных опросов, проведенных Фондом общественного мнения в 2008 г., выявили три составляющие социального капитала: личностный (доверие ближайшего окружения); общественный (общественное доверие в стране) и институциональный (доверие к институтам власти). Причем, «результаты исследований свидетельствуют о противоречии и даже разрыве между первым и остальными уровнями» (Петренко, 2009: 62). Возникает несколько методических опросов: что значит «ближайшее окружение», особенно сегодня в сетевом обществе? И всегда ли социальный капитал есть функция доверия? – Ведь сплошь и рядом самым ценным бывает тот капитал, который получен у противоборствующей, скрывающей правдивую информацию стороны или, напротив, путем «сделки», не предполагающей доверительных отношений. Непонятно, что значит «общественное доверие в стране»? Кто кому в этом случае доверяет? Далее, что считать «институтом»? Если он – это правила игры, то в гражданском обществе они существуют и развиваются, подчиняясь все более правилам «главного института» – рынка. И, наконец, самый дискуссионный вывод: «На ближней дистанции люди склонны доверять и помогать друг другу. Однако этот потенциал пока практически не задействован общественными организациями» (Петренко, 2009: 62).

На этом примере видны принципиальные методические расхождения между изучением социальных явлений путем *массовых опросов*, с одной стороны, и посредством анализа *социальных конфликтов и позиций* инди-

видуальных и коллективных акторов, задействованных в них, с другой. Эти расхождения дают разные выводы. Те, кто изучает непосредственно этих акторов, знает, что не «мнения», а реальные конфликты и борьба определяют современную ситуацию в стране. Если уровень «общественного согласия» (что не равно социальной сплоченности!), как полагают авторы цитируемого исследования, НКО «выражен слабо», то только потому, что в течение последних 20 лет их выход на публичную арену, в первую очередь в СМИ, систематически блокировался властными структурами. Вместе с тем, уровень доверия между *реальными* НПО все время повышается, так как это умножает их совокупный социальный и политический капитал. Наконец, неправомерно сравнивать участие в общественных организациях в Европе и США и у нас: структура политических возможностей совершенно разная. Те же массовые опросы, которые показали, что население наиболее позитивно оценивает деятельность общественных организаций, существующих с советских времен (Петренко, 2009: 78), говорят лишь о том, что население просто не знает, что подавляющее большинство современных российских НКО возникли и развивались только благодаря финансовой помощи и методической поддержке зарубежных фондов и зарубежных НКО.

Теперь – непосредственно о межличностных сетях эколога-активиста. Для их анализа необходимы некоторые теоретические инструменты. Таковыми могут служить концепции «*первичной экоструктуры*» (далее, экоструктура) и «*индивидуального ресурсного поля*», предложенные мною еще в конце 1980-х гг. (Яницкий, 1986; Yanitsky, 1988).

Дело в том, что требования, предъявляемые современным, быстро изменяющимся обществом к индивиду, делают необходимым наличие некоторого «устройства», одновременно повышающего его когнитивный, культурный и организационный потенциал и возможности социального действия и ограждающего от чрезмерного давления среды. Экоструктура как совокупность накопленного социального капитала и сетей, связывающих его с мирами прошлого, настоящего и будущего, как раз и является таким «устройством». Повышение индивидуальных возможностей индивидов достигается посредством создания сетей для кооперации их усилий с другими индивидами (группами), а также для облегчения доступа к коллективным социальным сетям. Эти сети являются также инструментом отбора наиболее эффективных социальных и политических ноу-хау. Возникающая таким образом *микроструктура* связей индивида и внешнего мира функционирует в режиме концентрации универсального и глобального в индивидуальном, то есть в экоструктуре.

На стадии начальной модернизации общества городская (территориальная) концентрация населения, учреждений культуры и сервиса рассматривалась социологами как базовый механизм для формирования и накопления социального капитала. Однако, в ходе дальнейшей модернизации, особенно при переходе к ее высокой стадии, развитые межличностные информационные сети индивидов стали мощным мультипликатором увеличения их когнитивных и деятельностных возможностей. Возник специфический социальный субъект – «*сетевой социальный актор*». В ходе своей деятельности он формирует первичную экоструктуру – механизм, который обеспечивает индивиду одновременно накопление жизненных ресурсов и защиту от избыточного давления «внешней» социальной среды, иными словами, поддержание некоторой

нормы его жизнедеятельности. Индивид как лидер или активист экологического движения – всегда активное, деятельное начало, тогда как первичная экоструктура – это его инструмент, депозитарий и мастерская.

Концепция экоструктуры корреспондирует с перспективой развития информационных возможностей индивида. Человек середины века «будет с момента рождения находиться в своего рода *информационном коконе*, выполняющим функции его воспитателя и помощника. Фактически эта оболочка начинает формироваться уже сейчас как индивидуальная информационная поддержка, база данных и знаний. Все усложняясь, она превратится в расширенное продолжение оригинала, помогающее ему в развитии и развивающееся в симбиозе с ним, совершенствуя его интеллект, способности, психологию и физические возможности...» (Нариньяни, 2009: 20, подч. мною – О.Ян.).

Под *нормой жизненного процесса* такого социального актора я понимаю его способность воспроизводить свои физические и интеллектуальные потенции и осуществлять социальные действия, в том числе в названном выше режиме мобилизации, но без прогрессирующего истощения ресурсного потенциала, накопленного в своей экоструктуре. Напомним, что речь идет о процессах, присущих именно активистам социальных движений, а не просто об «адаптации населения» к изменяющемуся контексту.

Такая норма предполагает некоторый *стереотип жизненного процесса*, то есть структуры включения/обособления актора в социальные сети, позволяющие реализовывать и накапливать свой потенциал. Подобно процессу материального производства, проходящему определенные фазы, процесс воспроизводства социального актора тоже имеет свои специфические фазы, реализующиеся в структурах ресурсных и коммуникативных связей. Эмпирически данный стереотип выражается в устойчивых (ежедневном, недельном и т. п.) циклах включения–обособления, то есть чередования контактов с социальными структурами и дистанцирования от них (Абульханова-Славская, 1980: 79). Однако, как будет показано ниже, этот цикл весьма специфичен для активистов российского экологического движения.

Наконец, под *жизненными ресурсами* сетевого индивидуального актора здесь имеется в виду совокупность ресурсов, необходимых для поддержания его активности (в данном случае именно как члена движения). Можно провести аналогию между рассматриваемыми процессами на индивидуальном, микрогрупповом уровне и уровне социальных движений, поскольку во всех случаях речь фактически идет о постепенном формировании «индустрии» для воспроизводства некоторого социального актора (Zald and McCarthy, 1987). Теоретически спектр жизненных ресурсов чрезвычайно разнообразен: одни должны добываться и потребляться ежедневно, другие – накапливаются годами и могут расходоваться в течение всей жизни. Для активистов общественных движений такие ресурсы как публичное научное знание, ситуативная информация, политические ноу-хау имеют особое значение. Однако эффективность их аккумуляции и использования, равно как и весь социально-воспроизводственный процесс, в значительной степени зависит от социального контекста.

Нормативно, первичная экоструктура может быть определена как форма организации сетей индивидуального актора, позволяющая ему (в нашем случае, экоактивисту) *максимизировать свои жизненные ресурсы* и достигать своих целей, не выходя за рамки нормы жизненного процесса. То есть совмещать развивающие, воспроизводственные и защитные функции.

Функции экоструктуры могут быть рассмотрены под разными углами зрения. С позиций социальной философии, индивидуальная экоструктура есть инструмент превращения универсального в локальное и индивидуальное, инструмент, помогающий активистам «снять» сложность и бесконечность окружающего их мира. С позиций экономической науки, такая экоструктура есть механизм и контейнер накопления ресурсов, необходимых для поддержания здоровья и интеллектуального потенциала индивида, а в рассматриваемом нами случае – политически и социально активного индивида (то есть как механизм накопления знаний и освоения ноу-хау публичного действия). С точки зрения социологии, экоструктура представляет собой сетевую форму активности, посредством которой актор одновременно адаптируется к изменяющемуся контексту и участвует в его изменении в нужном для движения направлении. Напомню слова У.Гамсона: мы же «активные процессоры». Если стереотип жизненного процесса такого актора определить как систему устойчивых (повторяющихся) форм его включения-обособления, то экоструктура может быть названа их «мастерской».

В социально-психологическом аспекте рассматриваемая структура выступает как устройство, обеспечивающее психологическую защиту и эмоциональный комфорт акторов, периодически вовлекаемых в публичную деятельность и находящихся под постоянным давлением отчужденного контекста. Вместе с тем, возникающие в ходе коллективных действий межличностные контакты и конфликты являются стимулом для расширения сферы потребностей активистов, включенных в данную сеть. Наконец, в культурном плане экоструктура есть создаваемый ее членами мир культуры с соответствующими ценностными ориентациями и жизненными стандартами. Постоянно включаясь в ходе своей публичной активности в различные субкультуры общества, активисты постепенно формируют *собственное пространство культуры* и ядро идентификации: защита природы. Они строят этот индивидуализированный мир культуры, исходя из непосредственных межкультурных интеракций и из некоторого «отстраненного» видения динамики глобальной экологической ситуации как бы из будущего – глазами своих детей или будущих поколений. Все эти разные аспекты функционирования экоструктуры сфокусированы на интересах конкретного сетевого актора. Поэтому и его контакты с внешним миром построены по многофункциональному критерию. По сути, экоструктура есть некоторый механизм *междисциплинарного взаимодействия* в трех временных «полях», в результате которого производится некоторое синергетическое знание-действие.

Дадим теперь краткую характеристику концепции *индивидуального ресурсного поля*. Согласно ей, контекст деятельности социального актора может быть представлен в виде континуума ресурсов. На одном полюсе находятся его «внутренние» ресурсы, то есть находящиеся в его полном распоряжении или те, которые могут быть мобилизованы им быстро и с минимальными усилиями. Такие ресурсы приобретаются в ходе семейного воспитания, в процессах экологического образования, в общении с единомышленниками. На другом

полюсе – «ресурсы-условия», для мобилизации которых нужно затратить усилия (то есть израсходовать внутренние ресурсы), сравнимые с ожидаемым результатом (Яницкий, 1986: 41–44). Отсюда, контекст деятельности некоторого актора может быть представлен в виде некоторой совокупности *катализаторов* и *блокаторов*, которые способствуют активности актора или сдерживают ее. Межличностные связи актора и функции его экоструктуры зависят от конкретной конфигурации доступного ему ресурсного поля, которое, в свою очередь, детерминируется наличной структурой политических возможностей (Kriesi, 1993).

Норма жизненного процесса этого актора может быть измерена числом и разнообразием постоянно возобновляемых контактов, необходимых ему для накопления социального капитала, который затем реализуется в форме экологических действий. Стереотип жизненного процесса, как уже отмечалось, может быть представлен через типичные устойчивые пространственно-временные конфигурации (графы) сетей этого актора. Поскольку сети, составляющие первичную экоструктуру, центрированы на акторе, на накоплении им социального капитала, то они построены по принципу концентрических кругов: плотная сердцевина и размытая, «пульсирующая» периферия. Ее абрис и границы определяются критерием *ресурсного баланса*, под которым мы понимаем динамическое равновесие между требуемыми актору ресурсами и усилиями, необходимыми для их приобретения. Что, в свою очередь, зависит от респонсивности или сопротивления среды обитания.

Постмодерн и трансформация социального капитала

Как отмечалось выше, реально и виртуально этот капитал существуют в диахронии, в пространствах прошлого, настоящего и будущего. *Ускорение* глобализации и покрытие ею все больших территорий ведет к изменению значимости этих пространств для формирования социального капитала актора. Соответственно, изменяется и система связей первичной экоструктуры.

Ускорение изменений имеет множественный эффект. Хотя ценность прошлых знаний и умений практически не уменьшается, однако для выживания в «настоящем» нужны все новые и новые знания. То есть актуальный социальный капитал становится все более *контекстуальным*, используемым «здесь и сейчас». Соответственно, оперативные память и мышление обретают перевес над стратегическими, технологии адаптации – над критическим разумом. Оперативная память, необходимая для реагирования на все убыстряющийся поток событий, довлеет над памятью как набором устойчивых культурных образцов. Но и с «настоящим» не все в порядке. На осмысление все новых жизненных ситуаций остается все меньше времени, так как они непрерывно *меняются*. Отсюда, психологическая мобильность, способность к быстрому и многоканальному включению, обособлению или селекции поступающей информации становятся критически необходимыми. Это гнетущее ускорение изменений порождает соблазн комиксализации, то есть восприятия мира как череды быстро сменяющихся *картинок* с краткими текстовками. Все больше людей пишут не статьи и книги, а ведут ЖЖ, обмениваются СМСками. Включение, блуждание по виртуальному миру в поисках «сверстников», сидение в чатах или блогах занимает все больше времени, чем от-

ключение для размышления, критического анализа и выработки собственной позиции. Что за всем этим стоит? – Я думаю, именно глобальный рынок всего и вся («Всё на продажу!») формирует императив операционального, игрового, ситуативного типа социального капитала индивидуального актора и его носителя – первичную экоструктуру. Но мало этого. Рынок формирует релятивный тип памяти, потому что требует все измерять в рублях/долларах/фунтах. Только та информация ценна, которая может быть выражена в терминах денег и времени. Другая причина многоканального включения/переключения – растущее отчуждение индивида, вызывающее желание иметь «собственную» сеть взаимопонимания и поддержки.

В пределе общество рискует утратить связь актора с историческим прошлым, а пока идет процесс снижения «капитализации» этого прошлого, его трансформации из *актуального* капитала в *этнографический* или *статусный*, обозначающий принадлежность актора к некоторому сообществу или страте. Что вполне соответствует ценностям потребительского общества. Если еще более обобщенно, то в пределе мы будем иметь «конец истории», но не по Ф. Фукуяме (весь мир живет по образцу США), а в том смысле, что парцелированный мир будет иметь столько «историй», сколько в нем живет людей.

Но это – лишь теоретическая экстраполяция модели постмодерна. Пока что реальна опасность разделения глобального мира на два: на поток, «проходной двор», некоторую «безмасштабную сеть» и на мир как застывший социальный порядок, где главным капиталом будет следование некоторой совокупности традиционных норм и неизменных правил поведения.

Со второй половины 1990-х гг. в России наблюдаются обе тенденции. С одной стороны, ее экологические организации и движение в целом становятся все более сетевыми и открытыми миру. С другой, все виды его ячеек, включая его головные и зонтичные организации, местные инициативные группы и первичные экоструктуры, воспроизводятся во все более в отчужденном от них контексте финансовых потоков и информационных полей. Это в первую очередь касается экологического и правозащитного движений, которые выступают за соблюдение базовых гражданских прав.

Потребительское общество, которое два десятилетия интенсивно формировалось в России его правящей элитой в лице его властных и бизнес-структур, использует три стратегии противодействия распространению и практическому использованию экологического капитала как капитала социального. Первая – это использование данного капитала на благо обеспеченного меньшинства, то есть его присвоение *как роскоши*, неважно в форме символов («Я живу на Рублевке!») или реальных предметов потребления, как, например, здоровых и безопасных условий среды обитания. Именно против этой стратегии выступают общественные движения, именуемые движениями за экологическую справедливость и различными модификациями движения за «иную глобализацию». Если риски сегодня неизбежны, то их распределение должно быть как можно более справедливым. Вторая стратегия – это манипулирование экологическими лозунгами или обещаниями в целях привлечения на свою сторону общественного мнения, победы на очередных выборах и т. д. Третья – это политическая дискредитация производителей и/или носителей социального капитала активистов (они – «агенты влияния», «люди, мешающие развитию общества» и т. д.).

Заключая, необходимо обозначить еще несколько аспектов рассматриваемой проблемы. Первый, это собственно *научный* аспект проблемы динамики социального капитала. Теория сетей и, в частности, экологических сетей, – это не теория «среднего уровня», трактующая динамику некоторого социального сегмента, а интегральная часть теории социетальной динамики, в частности, перехода от «управления» (government) к многостороннему и многоуровневому регулированию (governance), понимаемому как «особый модус социального взаимодействия, логика которого отличается от логики рынков, так и от логики правительств» (Кустарев, 2007: 7). В известном смысле сети множества НПО, транслируя выводы науки государственным органам, лоббируя и консультируя, представляют собой альтернативу политическим партиям. Второй, *политический* аспект заключен в опасности поглощения «локалистов», выступающих против ТНК и на которых государство оказывает растущее давление, движением «нового русского консерватизма», информационный ресурс которого быстро увеличивается за счет включения в него сетевых ресурсов других национально-патриотических сил (Зверева, 2005). Проблема для экологического движения здесь в том, что выступая в защиту русской природы, национально-патриотические силы не имеют программы экологической модернизации страны. Эти силы – сторонники «консервативной модернизации». Третий, *социально-технологический* состоит в том, что сети, создаваемые акторами экологических сообществ, могут от них отделяться, отчуждаться, становясь предметом купли-продажи, чем обеспокоены сами лидеры движения. Аналог этого феномена хорошо известен социологам: если изначально опросные сети принадлежали некоторым социологическим центрам, то сегодня сплошь и рядом эти сети покупаются у региональных дилеров от социологии или статистики.

Выводы и дискуссия

Сегодня, как и 20 лет назад, Россия находится на рубеже двух типов общества и соответственно двух культур: незавершенного индустриализма, то есть первого модерна, и инвайронментализма, то есть экологически рефлексивного второго модерна (Ianitskii, 1995; Yanitsky, 1996). Различие однако состоит в том, что если 20 лет назад СССР был закрытым, но самодостаточным обществом-государством, в том числе в плане производства социального капитала, то сегодня мы открыты миру и все больше зависимы от его интеллектуальных ресурсов и социально-информационных сетей.

За эти годы произошел качественный сдвиг в накоплении социального капитала общественных движений и его мобилизации: от капитала, базирующегося на знаниях и ноу-хау российских ученых и активистов, к капиталу, включая сети как механизм его производства и хранения, который может быть куплен за деньги или предоставлен в виде гуманитарной помощи и использован под контролем западных доноров для выполнения их конкретных проектов. Этот сдвиг – результат снижения уровня демократии в стране, реализации ультралиберального проекта экономики и растущей зависимости российского гражданского общества не только от западных ресурсов, но и от новых российских социальных кодов и стандартов, ограничивающих производство индивидуального социального капитала.

В условиях отчужденного (по отношению к ячейкам гражданского общества России) социального и политического контекста сеть всякого социального движения представляет собой инструмент воспроизводства, сохранения и распространения его социального капитала и, тем самым, его защиты от избыточного давления «вертикальных» управляющих структур. Их давление заставляет эти ячейки искать поддержки в глобальных сетях. В этих условиях социальный капитал активистов экологического движения накапливается двумя способами: включением в глобальные сети дружественных организаций и созданием собственных (движенческих) сетей, неподконтрольных федеральным и местным администрациям. В таком контексте преобладает стратегия самосохранения движения, ассоциируемая с принципом «ресурсы для дела любой ценой» (Yanitsky, 1996: 75). Самосохранение обеспечивается постоянным обновлением социального капитала посредством изменения конфигурации сетей, смены тактик, включая чередование кооперации и конфликта с властными структурами, приближения к ним и дистанцирования от них, дроблением ячеек движения, множественным членством, постоянным переключением информационных каналов. Чем лабильнее сетевая структура движения, чем выше уровень множественного членства ее акторов, тем устойчивей и дольше живет оно в целом и, его первичные экоструктуры в частности.

Динамика сетей в этих условиях имеет противоречивый характер. С одной стороны, для продвижения экологических ценностей и практик в общество лидеры и участники движения должны опираться на интернациональные экологические сети и стремиться к проникновению во властные институты общества. С другой, для сохранения движения применяется тактика самоограничивающего поведения, избегающего его глубокого вовлечения в большую политику. Самоограничивающее поведение выражается в слабых связях с не-экологическими движениями и другими акторами гражданского общества; в стремлении вовлечь максимум их активистов в собственные организации; и в подчеркивании своей специфики («мы профессионалы, охраняющие природу»).

Рынок оказывает на структуру этих сетей двойственное влияние. С одной стороны, рыночный принцип их организации означает разрушение устойчивых социальных общностей и повсеместное распространение «сетей обмена» (transactions, deals), эффективных для мобилизации людей и организаций на массовые кампании, но не предполагающих тесной связи между ячейками гражданского общества. С другой, необходимость сохранения ценностного ядра и соответствующих практик заставляет лидеров экологического движения сохранять «сети идентичности» (identity networks), представляющие собой замкнутые ядра и сети неформальных связей единомышленников. Это особенно важно, поскольку экологические лозунги и обещания постоянно эксплуатируются силами, весьма далекими от целей общего блага. Такое же двойственное влияние на сетевой капитал оказывают и административные структуры. Обе стороны действуют по принципу «перехвата»: каждая из них старается использовать достижения другой для своей пользы, создать свои «карманные», параллельные или контрдвижения. Так или иначе, развитие сетевых общественных движений – это всегда гонки «на опережение». А именно: публично поставить (обозначить) проблему раньше, мобилизовать

общественное мнение и привлечь большее число сторонников, заручиться поддержкой авторитетных публичных фигур, экспертных сообществ и международных организаций и т. д.

Необходимо различать процессы функционирования социального капитала движения в *нормальных* (рутинных, обычных, повседневных) и *мобилизационных* ситуациях. В первом случае этот капитал одновременно и накапливается, и расходуется, то есть баланс «включения» и «обособления», а также связей обмена и идентичности соблюдается. Сети, в которых это происходит, имеют преимущественно горизонтальный характер, обменные связи с другими ячейками гражданского общества сохраняются и т. д. В мобилизационных условиях, прежде всего в условиях катастроф и массовых кампаний протеста, социальный капитал экологического движения центрируется на решении конкретной проблемы; он прежде всего расходуется, обменный баланс резко сдвигается в сторону «включения», сети движения приобретают вертикальный, центрированный на *лидера* характер, мобилизуются прежде всего «сети идентичности», которые и стремятся действовать «на опережение» противостоящих сил.

Вхождение в информационное общество в принципе означает глобализацию сетей как государства, так и гражданского общества, перемещение регулирования общественной жизни в виртуальную сферу, индивидуализацию накопления социального капитала, то есть возникновение все новых первичных экоструктур. Иными словами, *сетевая* аккумуляция социального капитала становится *всеобщим принципом*. Однако параллельно будут происходить те же процессы, что происходили и ранее в обществе *капиталистического модерна*: накопление этого капитала в одних руках и его изъятие из других, разделение сетей на элитарные и массовые, закрытые и открытые и т. д. Им противостоят, существующие на Севере и Юге, движения «иного» глобализма, за экологическую справедливость и им подобные. Уже сегодня сетевые организации гражданского общества, действующие по всему миру, оказывают реальное позитивное воздействие на экологическую обстановку в самых разных странах.

Вхождение России в информационное общество будет идти параллельно со сменой элиты его гражданских движений. Эта смена заключается не только в уходе с публичной арены лидеров харизматического типа и их замены на более молодых и прагматичных, но и в размежевании всего экологического движения на «транснационалов», стремящихся экологизировать производство и сознание индивидов в соответствии с международными стандартами, и «локалистов», отстаивающих базовые права и свободы местных сообществ и защищающих местные ландшафты от натиска транснациональных корпораций.

ГЛАВА 9

Профиль эколоактивиста

Постановка вопроса

Вслед за М. Вебером и М. Кастельсом, я считаю, что всякая социологическая теория (а типология один из ее методов) есть лишь аналитический инструмент, а не результат социологического исследования. При необходимости инструмент может меняться или совершенствоваться (Castells, 2000: 6).

«Профиль эколоактивиста» есть типологическая задача, выполненная с помощью комплекса методов: биографического метода, включенного наблюдения, метода изучения случая, глубинных интервью и др. За 30 лет работы над экологической проблематикой России я был в контакте с многими эколоактивистами, живущими и работающими во всех уголках страны. В результате сложился архив глубинных интервью с ними, а также разного рода человеческих документов, полученных от более чем 250 активистов разного возраста, профессии и жизненных целей. Я не ставил своей задачей дать типологические социальные портреты выделенных мною выше семи основных групп, входящих в российское экологическое движение (Яницкий, 2002). Здесь я рассматриваю экологическое движение как модернизационное в целом. Но мне хотелось дать обобщенный портрет (profile) российского активиста, с акцентом на тех его качествах, которые, по моему мнению, являются необходимыми предпосылками их инновативного, «модернизационного» и одновременно мобилизационного мышления и действия.

Естественно, возраст и образование активиста, время его включения в движение, специфика социально-экологического конфликта, динамика локальной и глобальной экологической ситуации и многое другое влияют на черты этого социального портрета. Но я стремился выделить прежде всего те из них, без которых «модернизационный» тип мышления и действия представляется мне невозможным. Там, где это было уместным, я сравнивал некоторые типологические черты российских и зарубежных, прежде всего европейских и американских, активистов. Но это не было моей центральной задачей, хотя бы потому, что Россия находится в начале пути, который уже пройден Европейским Союзом и США.

Задача данной главы шире, чем просто типологический экзерсис. Она имеет отношение к проблеме различия типов личностей, культур и способов социального действия активистов разных стран, которым неизбежно придется сотрудничать, объединяться, создавать общие сети и ресурсные пулы для стабилизации экологической ситуации на планете в целом.

Становление активиста

В Главе 3-ей я рассмотрел историю и динамику расстановки социальных *pro et contra* сил как таковую. Теперь посмотрим на процесс становления экоактивиста как на его типологическую черту. В западной литературе по социальным движениям обычно применяется термин *recruiting*, обозначающий одновременно и самостоятельный выбор данной роли и процесс вовлечения, то есть превращения гражданина в активиста под воздействием внешних сил. Согласитесь, что свободный выбор и рекрутирование – не одно и то же. Кроме того, сам процесс «вхождения» в движение не является однозначным. Оно дело когда есть возможность свободного и рационального выбора в условиях достаточности времени и альтернатив, и совсем другое, когда индивид «мобилизован обстоятельствами», и не-участие означает для него очевидные потери. Представляется, что в российских условиях имеет место нечто среднее: мобилизация (понууждение) в основном «обстоятельствами» в условиях ограниченного выбора. Для последующего анализа я сопоставлю представления о рекрутировании, разработанные на материалах ситуации США, и мое собственное, основанное на уже упоминавшихся материалах.

Первый вопрос: есть ли начало и конец у рассматриваемого процесса? Ф. Пасси полагает, что есть, и он имеет три ступени (фазы): социализации, структурно-функциональной связи (с некоторым общественным движением) и принятие решения об участии в нем (Passy, 2003: 21). Такая интерпретация понятна, если принять во внимание демократический контекст, на котором основано это представление. В любом случае – там свободный выбор. В России этот процесс скорее бесконечен в том смысле, что не имеет начала и конца, не только потому, что у экологического движения есть множество групп, крыльев и целей, но прежде всего потому, что одна экологическая проблема буквально наезжает на другую. Все время есть давление на активиста, а, следовательно, и состояние его перманентной мобилизации. Отсюда же вытекает и ответ на другой вопрос. Если там процесс вхождения в движение имеет последовательные ступени и, значит, есть время на размышление и выбор, то у российских экоактивистов этих ступеней практически нет: под давлением обстоятельств решение об участии приходится принимать сразу. Оно фактически есть реакция на давление государственных и бизнес-структур (вспомним обманутых дольщиков, массовые задержки зарплаты и т. д.) или катастрофической ситуации.

Концепция трех шагов Пасси мне представляется слишком рациональной, если не утилитарной: на каждом ее этапе потенциальный участник движения подсчитывает возможные приобретения и потери (*input-output method*). Ограничения, накладываемые контекстом, не учитываются. Причем этот потенциальный участник думает только о себе. У нас ситуация совершенно иная: на кону стоит очередное общее благо, которое кто-то хо-

чет приватизировать или нарушить его целостность. Поэтому наши активисты должны не только подсчитывать возможный вред этому благу, но думать о его будущем, о будущем тех, кто будет жить и работать рядом.

Но и это не все. Выделенные Пасси три фазы логически не связаны и не имеют общего знаменателя; сам процесс вовлечения в общественную активность не линеен – центральным его моментом является социально-экологический конфликт, и трансформация гражданина в активиста происходит именно в ходе его; все три переменные зависят от ресурсов, имеющихся в распоряжении ядра движения, и от прошлых его успехов: больше успехов – больше сторонников; в России «решение участвовать» есть, как правило, результат коллективного общения и действия. И, наконец, еще одно, но не менее важное. Пассивный участник или даже сторонний наблюдатель конфликта может иметь ключевое значение для движения, если он располагает необходимыми в данный момент для него ресурсами или информацией и готов ими поделиться.

Далее, Пасси полагает, что вовлечение в публичную деятельность свободно от *политического влияния* и тем более воздействия, добавляя, что такое включение в сети движения есть и в условиях недемократических режимов, когда есть «окно благоприятной возможности» (Passy, 2003: 21). У нас всякая публичная деятельность считается политической и поэтому на нее требуется разрешение от властей, которая жестко контролирует ее ход. Далее, любая оппозиционная деятельность властью заранее кодифицирована: системная, внесистемная и экстремистская, причем квалификация каждой из них осуществляется с подачи силовых структур. Затем потенциальный активист должен соотнести закон и правоприменительную практику, то есть действия власти «по понятиям». Да, и у российского экологического движения бывает «окно благоприятных возможностей», но потом оказывается, что за пользование им приходится платить чрезвычайно дорого (пример: защитников Химкинского леса требуют заплатить миллионы за остановку его вырубки). Еще Пасси утверждает, что «Сети открыты для всех!» и что даже власть ведет переговоры с экстремистами. У нас же имеют доступ к государственным СМИ только избранные, поэтому фактически сети доступа делятся на легальные и нелегальные. Еще одно важное обстоятельство. Пасси ничего не говорит о воздействии разных уровней контекста на решение об участии в каком-либо движении. А таких уровней по крайней мере три: локальный, национальный и глобальный. Акторы глобального уровня могут способствовать общественному активизму, а национального – подавлять его.

Пасси упрощает картину, учитывая разделение социальных движений только на «старые» и «новые». Как показывает ситуация в России, это разделение может быть гораздо более сложным и неоднозначным. В переходные периоды контекст социального движения быстро изменяется. Так, в короткий период демократического подъема (конец 1980-х гг.) большинство населения СССР поддерживало зеленых. Потом произошел резкий спад этой поддержки. Сегодня желание участвовать зависит от множества причин: от возраста и благосостояния протестующих, места жительства и образа жизни, от доступа к СМИ и интернету. Но прежде всего – от принятия или отвержения целей и ценностей движения властными структурами (Gamson, 1990: 154).

Пасси все время подчеркивает ключевую роль социальных сетей в процессе индивидуального выбора в пользу участия в некотором социальном движении (Passy, 2003: 41). В действительности сети и их выбор индивидом суть кумулятивный результат его усилий, направленных на самосохранение и улучшение условий среды своего обитания. Поэтому индивидуальный выбор зависит от множества факторов: участия данного лица в других инициативах и движениях, его прошлого опыта, от контактов с союзниками и противниками данного движения, воздействия на него идеологии и форм активности движения и степени настойчивости его миссионеров и агитаторов и, наконец, от ресурсов, которыми индивид располагает в настоящее время для достижения своих целей.

Его сети, ресурсы и идентичность

«Сети, пишет Пасси, конструируют идентичности..., создают структуры значений, что позволяет индивидам создавать (или укреплять) идентичности и устанавливать *культурную близость* со специфической политической точкой зрения, как правило, на долгое время» (Passy, 2003: 41). Согласен, но обязательно с учетом расстановки *pro et contra* сил в данном месте (ситуации) или в обществе в целом и спецификой культурного капитала активиста и движения. Вне контекста, культурная близость не имеет значения. Культурная близость с политическими союзниками и/или единомышленниками вполне понятна, но совсем не обязательна.

Культурная близость, утверждает далее Пасси, связана также с *доверием*, что понятно. «Социализация основана на доверии... Оно – ключевой концепт для выбора индивидом связи с другими индивидами» (Passy, 2003: 41). С моей точки зрения, доверие – сложный и не вечный феномен. Он зависит от прошлого индивида, прочности его связей с единомышленниками, его восприятия и оценки структуры политических возможностей и наличных ресурсов. Интерес к конкретному актору не означает доверия ему. В целом доверие – *переменный социальный капитал*.

Теперь – о методологически принципиальном вопросе. Пасси пишет: ресурсы и, в частности, культурные ориентации индивида формируются в сетях социальных интеракций (Passy, 2003: 23). Более того, Пасси трактует сети (*networks*) как *универсальный инструмент*. Коль скоро индивиды интегрировались в сети, то они дают возможность индивидам формировать и реформировать их фреймы и облегчают их самоидентификацию (Passy, 2003: 24). Не могу с этим согласиться, это слишком сильная генерализация. Во-первых, культурная ориентация индивида в той или иной степени есть продукт его прошлого. Если и можно тут говорить о «сетях», то о нейронах мозга, которые хранят память о прошлом. Во-вторых, культурная ориентация индивида не только развивается, но ре-структурируется и может даже резко измениться под воздействием не сетей, а *жизненных обстоятельств*, то есть ситуаций. В-третьих, культура как «паучок» сама плетет сети, в которые индивид «попадает» как муха. Сети действительно имеют значение, но они – не универсальный инструмент конструирования социальности. Например, какие фреймы создает сеть: генерализованные (*worldviews*), интерпретативные, социального действия или другие? Далее, фрейм индивида

есть продукт общественного мнения, восприятия конфликта, в который он вовлечен и т. д. Наконец, поскольку в России публичная арена практически отсутствует, каждая организация, вовлеченная в конфликт, будет стремиться навязать активисту противоположной стороны свои собственные фреймы. Вообще, в «текучей модернити» (Бауман) фреймы так же подвижны, как и другие ее компоненты.

Время как ресурс имеет также разный характер и функции. Пасси предполагает, что повседневная жизнь и общественное участие имеют общий ритм. То есть Пасси рассматривает только случай «нормального» (не мобилизационного) хода событий: есть некоторая проблема, и индивид имеет достаточно времени подумать, участвовать или нет в ее разрешении. В действительности повседневная рутина и участие в движении имеют мало общего, тем более, если речь идет о России. В ней «общественное участие» больше напоминает «гонки с дьяволом». Необходимость действовать испытывают обе противоборствующие стороны. Однако каждый из участников конфликта имеет свой ресурс и лимит времени. Например, чтобы остановить строительство нефтепровода лидеры движения совместно с местным населением должны пройти несколько легальных процедур (получить доступ к документации и ознакомиться с нею, добиться своего участия в экспертизе проекта, выступить на общественных слушаниях), каждая из которых имеет свою законную продолжительность и формы. И это только на бумаге. Поэтому российские активисты всегда находятся под прессом нехватки времени. В общем есть время обычной походки и время, когда нужно перепрыгнуть пропасть в два прыжка.

Пасси предполагает, что социализирующие функции сетей «создают исходную диспозицию индивида к общественному участию» (Passy, 2003: 24). Такой подход односторонен, так как она видит только один, главный, по ее мнению, стимул к общественному участию: «сходные устремления других участников» (Passy, 2003: 25). Но может быть совсем иначе. Например, вся институциональная система российского общества, включая СМИ, задает индивидуалистическую и потребительскую диспозицию. К тому же, в каждом конкретном случае ситуация сложна для индивидуального выбора, поскольку на него действуют множество «втягивающих» и «отталкивающих» сил. Например, индивид не видит иного пути отстаивания своих законных прав иначе, как посредством участия в массовом протесте, но осознает, что на него потом обрушится вся мощь судебной и полицейской власти. Импульсы к массовому легальному участию в некотором «общественном действии» задаются в России только властвующей элитой. Поэтому потенциальный активист социализируется в ходе практического участия в конкретном про-экологическом действии, то есть в социально-экологическом конфликте.

Судя по тексту, подход Пасси – «финалистский»: так как она предполагает, что рано или поздно индивид станет членом движения. Пасси придерживается старой парадигмы: если человек был активным в прошлом, то вероятнее всего он будет им и в настоящем, станет членом нового движения или сообщества. У нас не так: он может быть принят, а может быть и отвергнут движением. Но дело не только в *селективности* процесса вхождения в движение, она мне представляется естественной – ведь оно преследует определенную цель. Процесс «вхождения» разнообразный и многосторонний: оно зависит от семейных корней и устоев, прошлого активизма, его жизненного пути (*his/her life story*), встреч с выдающимися лидерами экологического

и других общественных движений, типа поселения и национального характера. В конце концов, разве в этом процессе «выбора и решения» закон социального сравнения не действует?

Подход Пасси также редукионистский, поскольку она полагает, что всякое социальное действие, включая принятие решений, может быть сведено к системе сетей. А как же тогда быть с социальными действиями, инициированными природными аномалиями и техногенными катастрофами? Наконец, Пасси видит мир статичным и детерминированным, тогда как он в действительности подвижен и неопределен. Поэтому и конституирующие его сети подвижны, а их «узлы» постоянно переключают направление потоков информации и задают «рамку» (frame) их восприятия реципиентами (Arsenault and Castells, 2008: 488–89).

Наконец, еще одна важная тема – это связь между значениями (meanings) и когнитивными картами индивидуального сознания (cognitive maps). Как пишет М. Диани, концепция значений «побуждает рефлексию относительно связи между социальными сетями и когнитивными картами, посредством которых акторы придают смысл и категоризируют их социальную среду и помещают себя самого в более широкий контекст сети связей и интеракций» (Diani, 2003: 5). Концепция когнитивных карт безусловно важна для осмысления социологом установок и поведения эооактивиста. Однако снова напомню, что существуют два режима социального действия: нормальный и мобилизационный. В первом случае индивид способен обдумать и осмыслить ситуацию, построить когнитивную карту своей среды обитания и принять рациональное решение. Во втором, который обычно носит характер чрезвычайной ситуации, индивид не имеет такой возможности по причине стресса, разрыва привычных связей и тотального изменения своей когнитивной карты.

В целом подход Пасси представляется мне слишком простым и спокойным. Она изучила и представила схему мирного трехступенчатого процесса присоединения индивида к организации некоторого социального движения в спокойной неконфликтной социальной среде (Passy, 2003: 30–34). Но все западные акторы, начиная от К. Маркса и до Ч. Тилли видели в социальном движении конфликт интересов и борьбу социальных сил. Что и подтвердил опыт постперестроечной России. Конфликт и силы в нем сошедшихся производят сложную и нестабильную ситуацию. В такой борьбе одни сети возникают, другие отмирают, третьи трансформируются. Ядро движения на протяжении всего конфликта (а, как было показано, конфликт может тянуться годами и десятилетиями) может оставаться прежним, но конфигурация и контент сетей постоянно меняются.

Альтруизм и укорененность

Борьба за сохранение природы, за устойчивость биосферы – это борьба за общее благо. Поэтому альтруизм активистов одновременно имеет биологические и социальные корни. Биологические, потому что «все связано со всем», что если нет борьбы за сохранение этой природой данной экосистемности, целостности среды обитания, то нет и экомодернизации. Социальные, так как чтобы сохранить это общее благо, обеспечивающее все социальные формы жизни на Земле, за него надо бороться, в том числе за сохранение обществен-

ной (государственной) собственности, вступать в экологические инициативы и движения, лоббировать законы, защищающие эту целостность. Коль скоро вмешательство человека в жизнь природы идет от изменения ее отдельных ландшафтов к глобальной трансформации, то и человеческий альтруизм эволюционирует в том же направлении. Альтруизм активистов понимается мною также как борьба за экологическую справедливость и солидарность, то есть опять же за *общечеловеческие интересы*. Мне представляется, что главный удар по либеральной идеологии придет со стороны экоактивистов, поскольку они борются за сдерживание appetitов его детища – современного капитализма, точнее финансового капитала, никак не связанного ни с каким «местом» или экосистемой, ни с Биосферой в целом.

Эта типологическая характеристика экоактивиста имеет несколько значений. Во-первых, вследствие огромных размеров и географических и социальных различий страны (и мало развитой по сравнению с ЕС и США коммуникационной сетью) российские активисты «локалисты» по определению: слишком разные по характеру, масштабу и раскладу сил проблемы им приходится решать. Это не означает, что они не видят или не понимают глобального контекста своих задач – это только означает, что они прежде всего должны смотреть на них «снизу», с точки зрения собственных возможностей и ресурсов. Даже программы экомодернизации и сохранения природы, развиваемые столичными активистами и лидерами больших «зонтичных» организаций типа WWF-Russia или Greenpeace-Russia, почти всегда привязаны к конкретному месту ландшафту или экокатастрофе. То есть укорененность означает, что активисты всегда «в теме» или, как говорят адвокаты, «сидят в процессе».

Во-вторых, они укоренены в своей самой близкой среде – семейной и ее непосредственном природном окружении. Такая укорененность дает неоценимый опыт, знания о степени доступности разных ресурсов и поддержку семьи, ближайших соседей и единомышленников. Как показала экологическая катастрофа 2010 г., даже те, кто покинул первоначальное место жительства, первыми бросились на помощь своим соседям-погорельцам и другим пострадавшим. Активисты более, чем пожарные и работники других государственных чрезвычайных и спасательных служб, знали практически, как спасать погибающую природу вокруг своего города или поселка.

В-третьих, большинство экоактивистов вышло из одной и той же «порождающей среды»: биологических, почвенных или географических факультетов вузов, в большинстве из которых уже многие десятилетия существуют студенческие дружины охраны природы. Состав этой среды меняется, но ее «генетическое ядро» сохраняется на долгие годы, эволюционируя очень медленно.

В-четвертых, это их общая история, их *past activism*, передаваемый через личные контакты, зеленую прессу, встречи и конференции следующим поколениям, но главное – через общую борьбу общее дело. Я бы сказал шире: не только *past activism*, но и профессиональные и ментальные связи со старшим поколением экоактивистов имеют не меньшее значение. Такие корни активиста – его чрезвычайно важный индивидуальный и групповой ресурс.

Специфика профессионализма

Профессионализм российских зеленых обычно понимается в узком смысле: как членство в социальном движении, основанном на научном знании. Это верное, но недостаточное определение. Профессионализм активиста предполагает целый комплекс социальных и психологических качеств. Главное из них быть активистом, вооруженным не столько академическим, то есть преимущественно биологическим знанием, сколько практически применимым в данной ситуации *комплексом* знаний. Иными словами, речь идет о междисциплинарности как главном профессиональном качестве эоактивиста. Но есть и другая сторона его профессионализма – это навык межсекторальной коммуникации, то есть умение переводить знания одной дисциплины или профессии на язык другой. Можно сказать, что эоактивисты, может быть только за исключением эо-анархистов, суть профессиональные *переговорщики*, экологические дипломаты, способные предлагать компромиссные решения сторонам, находящимся в состоянии конфликта (Susskind, 1994). Профессионализм активиста предполагает его высокую психологическую мобильность, способность работать с разнообразной информацией. В известной мере их профессионализм можно трактовать как способность к *информационному метаболизму*. Вообще навык коммуникации в самых разных социальных слоях и группах самого разного политического и социального статуса – важнейшее профессиональное качество активиста.

Стиль жизни

В русской литературе XIX века (Н.С. Лесков, А.Н. Островский) некоторая категория людей определялась ими как «бывалые люди». Сегодня ряд российских социологов предпочитает заменять термин *житель* и тем более *гражданин* словом *обыватель* (Клеман, 2010; Гудков и др., 2008), с чем я решительно не могу согласиться, поскольку этот термин имеет четкий негативный обертоны, особенно с утверждением, что «связи в <русском> обществе приобрели черты племенной солидарности, а люди себя почувствовали принадлежащими к более простым, если не сказать, – примитивным сообществам» (Гудков и др., 2008: 16).

В наше время словосочетание «бывалые люди» почти исчезло из употребления. А жаль, потому что эоактивисты как раз и есть *современные бывалые люди* (но никак не обыватели!) в том смысле, что они мобильны (непоседливы), побывали в самых разных местах и жизненных ситуациях, часто в своих экспедициях и переездах общались со случайными людьми, знакомы с обычаями и нравами разных малых человеческих сообществ, то есть общались именно с *народом*, как бы это сегодня иронически ни звучало (сегодня такое общение – не более чем секундная картинка из теленовостей). Для этой категории лиц характерны адаптируемость к разным условиям и человеческим сообществам, самостоятельность и взаимопомощь. Российские эоактивисты сродни естествоиспытателям, геологам, путешественникам, первопроходцам новых земель, этнографам, всем тем, кто постоянно живет и перемещается

«в гуще жизни» (Вернадский), то есть знает ее не понаслышке и не только по книгам. Экоактивисты неприхотливы, выносливы, внутренне готовы к жизненным передрягам и даже актам прямого насилия. Они всегда заняты очередным «неотложным делом», неприхотливы в быту, скромны в одежде, однако обязательно хорошо приспособленной к частым перемещениям в географическом и социальном пространствах. Если сравнивать их с типами ученых, то, экоактивисты сродни тем социологам и социальным антропологам, которые работают методом включенного наблюдения. Снова, напомню, что активисты разные: от консерваторов до радикалов.

Сегодня названные выше человеческие качества чрезвычайно ценны в той культурной и информационной среде, которая (при помощи средств массовой коммуникации) не отображает и не анализирует мир разных ситуаций и значений, а, напротив, является фильтром между наблюдателем (будь он эколог, социолог или рядовой житель) и окружающей его средой. СМИ создали мир, в котором проблемы экологии существуют лишь в двух видах: как экзотические картинки дальних стран (то есть как приманка к зарубежному туризму) или как катастрофа (то есть как род сенсации, *breaking news*). Поэтому свидетельство из первых рук – сегодня первый и важнейший источник знания о том, «как это было на самом деле». И в этом настоящему экоактивисту нет равных. Кроме того, пребывая в разных природных и культурных средах экоактивист может их *сравнивать*, и в этом он тоже близок к тем из нас, кто предпочитает *longitude* и длительное включенное наблюдение мгновенному снимку (срезу) общественного настроения. Я акцентирую слово *длительно* потому, что познание природы и ее законов (в том числе катастроф) требует длительного наблюдения. Недаром предтечей российского экологического движения были длительные путешествия по стране в 1980-е гг. (Ярошенко, 1989).

Мобилизация и самообилизация

Выше мы уже частично говорили об этом. Теперь попробуем привести сказанное в систему. Сегодня центральный момент российской модели модернизации – это мобилизация природных ресурсов: их добыча и накопление для подъёма других секторов экономики, для политического и экономического давления на конкурентов, расширения пространства своего политического влияния и т. д. Следовательно, природные ресурсы – и цель, и средство модернизации. Соответственно, социальный капитал страны все более обесценивается: люди, трудовые ресурсы для ресурсно-ориентированной экономики всегда найдутся – из стран СНГ, китайцы, вьетнамцы – их в России уже давно переизбыток, и не ум, не интеллект, не умение общаться, а владение (контроль) над территорией и её ресурсами, согласно господствующей точке зрения, – уникальный и не возобновляемый ресурс. Иными словами, мобилизация природных ресурсов государством и бизнесом противостоит мобилизации интеллектуальных ресурсов, сетей и образу жизни, созданных экоактивизмом. Почему именно образу жизни? – Потому, что это состояние как концентрация личных и групповых ресурсов, целенаправленная их реорганизация, готовность к действию и само действие является обычным для активиста.

Поскольку, как уже говорилось, «человек живет природой», то конфликт между эксплуататорами ее ресурсов и ее защитниками в той или иной форме неизбежен. Поэтому мобилизация обстоятельствами и самомотивация – две стороны жизни экоактивиста. Мы выделяем три стадии (фазы) его мобилизации: [1] нормальную или фоновую, создаваемую общими средовыми проблемами жизни населения, которые касаются и активистов; [2] стадию готовности, когда очевидно, что государство отторгает позицию экологистов по какой-то проблеме и назревает социально-экологический конфликт; и [3] собственно мобилизационную, когда активист является участником такого конфликта.

Первая фаза обычно представляет собой рутинную работу по защите некоторого экологического сообщества от избыточного политического давления государственной машины и накоплению ресурсов, которые у него всегда (в отличие от экоНПО стран ЕС и США) в дефиците. Эта фаза в основном представляет собой «мобилизацию активиста обстоятельствами», то есть внешним – отчужденным или враждебным – контекстом. В ней есть важный момент: производство экоНПО и дружественными им организациями нового знания и природоохранных практик, которых в соответствующих вузах не дают, потому что там учат «по вузовским программам и книжкам, а не по жизни» (МН, из интервью). Для студента производитель получаемого им ресурса – лекция, семинар и учебная, то есть дисциплинарная практика, а для активиста таким производителем ресурсов является *социально-экологический конфликт* и детерминируемая им необходимая сумма знаний и умений, организуемая затем в форме *проекта*, разрешающего или смягчающего данный конфликт.

Ключевыми моментами *второй* фазы (конфликт назревает) являются мобилизация ресурсов некоторой экологической организации или движения и дружественных ей сил и «проговаривание» ядром НПО или движения в целом возможных вариантов надвигающегося конфликта. «Проговаривание» как раз включает вопрос о мобилизации ресурсов как движения, так и местного населения (*resource mapping*). В *третьей* фазе (непосредственное участие в конфликте) происходит мобилизация как внешних, так и внутренних ресурсов активиста, то есть как мобилизация, так и самомотивация. Принципиально важно, что часть их расходуется, но часть остается в виде индивидуального или группового социального капитала. Для истинных борцов за сохранение среды эти фазы могут следовать одна за другой или совмещаться. Но ни индивид, ни НПО не могут постоянно находиться в мобилизационном состоянии. Поэтому часть экоНПО трансформируется в экспертные, консалтинговые или другие про-экологические фирмы и тем самым снижают уровень мобилизационного напряжения. На время снижается интенсивность контактов с рядом дружественных организаций. Ядро движения и/или НПО выступает в качестве лидера мобилизационного процесса.

Характерными признаками *третьей* фазы мобилизации для отдельного активиста являются: «переключение», то есть отказ от работы над другими проектами, интенсификация обмена целевой информацией, сокращение времени на принятие решений при одновременном возрастании индивидуальной ответственности за них, общее «уплотнение» жизненного процесса. Изложенная выше схема мобилизации и самомотивации активиста – важнейший механизм накопления им социального капитала.

Тип социального капитала

Ошибочно считать, что социальный капитал активиста формируется и мобилизуется только в актуальном времени. В действительности, как показало исследование, накопление социального капитала происходит в *трех временных пространствах*: прошлом, настоящем и будущем. Все, о чем говорилось выше: семья и семейное общение, знания и ноу-хау активистов старшего поколения, междисциплинарные и межсекторальные контакты, укорененность в конкретной социальной и природной среде и включенность в природоохранные сети, участие в дискуссиях, судебных процессах, общественных слушаниях, протестных акциях и многое другое – являются источниками накопления социального капитала активиста. Особо скажу о «будущем времени» как источнике этого капитала.

В индустриальном обществе его развитие вычисляется и планируется исходя из его наличного состояния, так сказать по общепринятой стреле времени «настоящее–будущее». Активист несомненно учитывает это направление изменений в природе и обществе. Но, вместе с тем, для него столь же важным является предвидение будущего (foresight) и, соответственно, инверсия времени или обратный счет: «от прогнозируемого будущего – к настоящему». Представление о будущем, о времени возможных эволюционных и особенно резких, катастрофических перемен в состоянии среды обитания, непосредственной и в мире в целом, – существенный компонент социального капитала активиста. При таком подходе учитывается то обстоятельство, что перемены в природных и социальных экосистемах, накапливаясь медленно и незаметно, в какой-то момент времени могут приобретать взрывной (волновой, катастрофический) характер.

Приведу далеко не полный перечень источников социального капитала активиста, полученных мною в результате эмпирического исследования. Итак, такими источниками в *прошлом* являются:

- обсуждение прошлого со старшим поколением профессионалов охраны природы;
- обращение к истории экологического движения через архивы движения, научную литературу, человеческие документы или другие источники);
- общение с прошлым своей семьи (через архивы, письма, рассказы родных или друзей семьи, фото и видео);
- обращение к истории российского общества (через научную или популярную литературу, архивы, СМИ);
- размышления относительно собственного уже накопленного социального капитала (например, через ведение дневника или личного архива).

Вот характерный пример, показывающий, сколь важным может быть «прошлое». Эооактивист, работая над проблемой альтернативных источников энергии для Алтая после долгих поисков нашел брошюру 30-летней давности «Энергетические ресурсы СССР», где подробно описан проект создания ка-

скада из 6-ти ГЭС на р. Катунь как элемента проекта переброски стока части северных и сибирских рек на Юг. Основываясь на приведенных в ней данных и динамике водных ресурсов сибирского региона за прошедшие годы, этот активист смог обосновать необходимость создания сети источников альтернативной энергетики на Алтае.

Источники накопления социального капитала в актуальном *настоящем* я условно разделил на две категории: двусторонние и односторонние контакты. К первой из них я отнес его накопление в ходе коммуникации в разных социальных, профессиональных и возрастных средах (естественно, что такой список респондентов возглавляют ученые и практики охраны природы, за ними – представители власти, бизнеса и местного населения). Сюда также относится создание разных инструктивно-нормативных и рекомендательных материалов, потому что «создание» – это всегда диалог, в ходе которого идет накопление знаний, практических навыков, социальных технологий и рефлексия. Эти формы общения я считаю важнейшими, потому что эооактивисты и экологическое движение в целом являются проводниками идей и методов эоомодернизации, уже с успехом применяемых на Западе. Конечно, пока в России нет сколько-нибудь развитой концепции эоомодернизации, эти взаимодействия являются частичными, «ограниченно годными». Тем не менее, они представляют существенную и постоянно пополняемую долю социального капитала эооактивистов, часть которой уже используется в российской практике.

Сюда же я отнес, как это ни покажется странным, свободное внепрофессиональное общение активистов в разных культурных средах, потому что их проблематика и их борьба неотделимы от общих трендов в современной культуре, например, от перехода от книжной к пост-книжной культуре, имеющей свою логику построения и коммуникации (Шугуров, 2004). Как пишет этот автор, книжные мегасмыслы вносили в духовную жизнь человека моменты целостности. СМИ порождают «условно-игровую мегасреду, в которой множество поступков, артефактов, мыслей ‘переизбыточно’ и образует рыхлое, спорадическое, неустойчивое единство». В современной коммуникативной среде знак (симуляция) доминирует над реальностью, преобладает энтропийность, коллажная идентичность. В гиперреальной культуре человек не может устойчиво самоопределиться (Шугуров, 2004: 107). И далее: в России с начала 1990-х гг. «власть оказалась тесно связанной с виртуализацией идентифицирующих образов, преподносимых и моделируемых современными информационно-коммуникационными технологиями». Произошла метафоризация политического дискурса при полном пренебрежении принципом реальности, нерешенности сугубо практических задач. Фактически незаметно произошло «переструктурирование как бытия в России, так и отношений между человеком и властью, на основе некоего нового парадоксального социокода» (Шугуров, 2004: 108). Такая виртуальная культура не может служить фактором эоомодернизации российского общества, его поворота к Новой экологической парадигме, к «обществу знаний». С другой стороны, активист должен уметь ориентироваться в этой новой культурной среде, производить нужную ему селекцию людей, организаций, знаний и навыков.

К категории *односторонних* контактов я отнес те, в которых активист выступает активным началом, то есть когда он сам ищет нужные ему ресурсы жизнеобеспечения, знания и ноу-хау. К ним, например, я отношу поиск новой

информации и/или знаний, все виды самореализации (доклады, презентации, публикации, участие в проектах и т. п.), инициирование новых проектов, исходя из «предвидимого будущего», ведение дневников и личного архива для систематизации и организации уже накопленных знаний и связей, а также различные формы деятельности с целью повышения уровня материальной обеспеченности (поиск второй работы или приработка в фирмах или научных институтах).

Теперь – относительно капитала, добываемого «из будущего». Есть два канала его накопления: мысленные контакты с моделями будущего мироустройства, разработанные учеными и политиками, или же существующие как образы будущего в массовом сознании, и реальные действия для его обеспечения. В *первую* группу входят размышления о будущем российского общества в целом, о динамике соотношения общества и природы и ее собственных или инициированных человеческой деятельностью трансформаций, о перспективах российского экологического движения и процессах его интернационализации и локализации, а также – размышления о будущем собственной карьеры, будущем своей семьи, родных и близких. Во *вторую* группу я включаю работу над «проектом» своего будущего, включая планирование карьеры и личной жизни, подготовка своих резюме, публикаций и презентаций своих проектов, участие в процессах непрерывного обучения, как в качестве слушателя, так и инструктора, стажировка или работа за рубежом, поиск информации о проектах, в которых активист мог бы принять участие и т. п. практическая деятельность по наращиванию социального капитала.

Здесь требуется одно уточнение. Так же, как и мир, который все более «разделяется» на пространство потоков и пространство мест, активисты и экологические движения разделяются на транснационалов и локалов. Очевидно, что их капиталы будут различны. Первые будут сосредоточены на капитале, необходимом для разработки альтернативной экологической политики, для рефлексии по поводу решения глобальных экологических проблем, тогда как вторые – сконцентрируются на знаниях и практиках, нужных для решения локальных, местных проблем. Но это разделение условное, поскольку любое транснациональное действие, например прокладка нефтепроводов, как это показали случаи с нефтепроводом вдоль озера Байкал или функционирования БЦБК в непосредственной близости от него, транснационалы и локалы просто вынуждены общаться и координировать свои действия.

Вообще, нормальное общение активистов, да и не только их, есть инструмент снижения конфликтности. Но это снижение – лишь предпосылка возможного накопления активистами социального капитала. Главное здесь состоит в том, что нужна «порождающая среда», нужен соответствующий интеллектуальный климат, социальный гумус (Абалкин и др., 2002). Как пишет Б. Дубин, «идея самовзращивания <социального капитала> в России связана с образовательным цензом родителей, с особым коммуникативным климатом в семье, с наличием некоторых денег и готовностью тратить их на образование детей, на приобретение хороших, долгодействующих книг... Все это социальные умения и культурные капиталы» (Дубин, 2010: 2).

Возникает вопрос: чем отличается социальный капитал эколоактивиста и процесс его накопления от таковых в других секторах гражданского общества? С моей точки зрения, только тем, что у эколоактивиста он уже состоялся в тех формах и видах, о которых речь шла выше. А другие сектора нашего

гражданского общества еще только начинают двигаться в этом направлении. Говоря в общем плане, я полагаю, что такая целенаправленная и разносторонняя укорененность активиста в настоящем прошлом и будущем является инструментом его *самоидентификации* в современном быстро меняющемся мире. Это – еще один пример диалектики одной, вполне определенной цели (охраны природы) и многообразия и подвижности инструментов ее реализации.

Наконец, социальный и культурный капитал экоактивиста, как он транскрибирован выше, хорошо соотносится с понятием «креативная экономика», не только потому что он может принести ощутимые экономические эффекты, но прежде всего потому, что он работает на фундаментальную задачу человечества: сделать мир устойчивым, не потеряв при этом свою способность к изменениям. В понятии «креативная экономика» акцент сделан не столько на накоплении информации (теоретически это уже пройденный этап), сколько на творчестве. В 2000 г. журнал *Business Week* впервые использовал понятие креативная экономика, а в 2001 г. вышла книга Дж. Гопкинса «Креативная экономика» (цит. по: Зеленцова, 2010: 21). Если экологическая сеть гражданского общества не будет задавлена, то уже сейчас она порождает творческие междисциплинарные и транснациональные «кластеры», реально изменяющие экологическую ситуацию к лучшему.

Человек сети

Начну с конца, с конечной цели. У рыхлого и пока еще сильно атомизированного российского гражданского общества есть только один способ возрождения и сохранения своей идентичности: через самостоятельное создание независимых сетей и их ядер. Это очень трудный путь борьбы, за возвращение себе шаг за шагом когда-то обретенных гражданских прав и свобод, потому что поддержки ждать практически неоткуда. Изнутри система власти-собственности этому сопротивляется всеми силами, а извне – давят заинтересованные в наших ресурсах транснациональные корпорации и монополии.

Но все же, где выход? Если мир власти и капитала глобализируется, то и гражданские группы и движения тоже должны становятся глобальными. И их сеть – единственная сила и поддержка, на которую мы можем опереться, возрождая свое гражданское общество. Здесь не должно быть иллюзий: по мировым стандартам к гражданскому обществу относятся и частные корпорации, и политические партии, и группы интереса, и малый бизнес, а не только местные сообщества, инициативные группы и общественные движения. То есть в нем тоже идет борьба глобальных и местных интересов. Но все же наш опыт показывает, что это – единственно реальный путь упрочения российского гражданского общества. И чем сильнее будут его сети, тем устойчивее оно будет, тем больше пользы обществу принесет. А вот сумеет ли оно отстаивать национальные интересы, поддержать национальную буржуазию и русскую науку – и все это не наперекор общему тренду глобализации – это пока вопрос открытый.

Подчеркну: речь идет далеко не только об объединении образованных и высоколобых. Как раз, нет. Как свидетельствуют ведущиеся Лондонской школой экономики и политических наук уже в течение 10 лет исследования по теме «Глобальное гражданское общество» (см., например, Kaldor et al.,

2003), в мире шаг за шагом объединяется та самая «эксклюзия»: этнические сообщества Латинской Америки, крестьяне и фермеры, мигранты и вынужденные переселенцы, а также бесправные и безработные, те «лишние» люди, которых некогда Бауман назвал «отходами навсегда» (Bauman, 2004).

Теперь – о сетевых характеристиках российского активиста. Скажу сразу, что он использует информационные сети на все сто, обгоняя в этом бюрократические структуры. Обгоняет потому, что сети экоактивизма суть сети самоорганизации, возникающие *ad hoc* в виртуальном пространстве. В этом смысле экологическое движение прокладывает путь государственным организациям охраны природы, стимулируя развитие их собственных сетей. В известной мере можно сказать, что экоактивист – сетевая фигура, они «живет» в сетях и питается их ресурсами. Далее – сети, связывающие общество и природные системы, их структура и функции, есть важнейший инструмент познания социально-экологического *метаболизма*, о котором речь шла выше. Этот инструмент пока используется активистами в недостаточной степени в виду трудной доступности к метаболизму такого рода. Ведь речь идет об изучении информационных и ресурсных потоков основных игроков: властей, бизнес-структур и населения.

На сетевом принципе строится производство интеллектуальных инноваций, в том числе в интересующей нас сфере. Он дешев, так как для подобного рода инноваций не требуется создания Силиконовой долины. Более того, сам сетевой принцип по существу является экологичным, так как связывает воедино разнородные элементы социобиотехносферы. То есть мы наблюдаем *изоморфизм* структуры актора и объекта, с которым он работает.

Когда некоторый объект функционирует в нормальном режиме соблюдая «правила экологической безопасности», то активисту, фигурально выражаясь, нечего делать, кроме как отслеживать этот процесс функционирования. Но вот парадокс: социально-экологические инновации создаются активистами именно в периоды экокатастроф. Возникают новые экологические группы и сообщества, часто вне экологически обеспокоенных граждан, расширяя тем самым их круг. Парадокс: катастрофа, то есть возникновение резкого дисбаланса в рассматриваемой системе порождает инновации! При этом такая мобилизация есть одновременно селекция, поскольку сразу видно «кто есть кто».

Выше мы уже говорили, что сети экоактивистов фактически находятся в оппозиции к СМИ, выражающим интересы власти и большого бизнеса. СМИ осуществляют власть посредством программирования, фактически – навязывая интересы и волю названных сил обществу. «Глобальные медиа-группы суть ключевые акторы, потому что они помогают формировать социальный мир посредством контроля над интерпретацией проблем и потоками входящей информации <...> Способность исключать индивидов или целые человеческие сообщества из сетей, которые конституируют властную структуру сетевого сообщества, является фундаментальным механизмом властвования». Контроль *сверху* и способность к «переключению», то есть к соединению различных сетей для усиления их кооперации и усиления совокупного властного потенциала, суть здесь ключевые моменты (Arsenault and Castells, 2008: 488–9). В отличие от этих акторов экоактивисты создают альтернативный взгляд на мир посредством суммирования информации с мест, из разных точек *снизу*, посредством свободного ее обсуждения, а не программирования сверху. Активисты исходят из реального состояния мира и способствуют распространению достоверной информации о нем. Поэтому сети информации экоактивистов являются сетями *самоорганизации, доверия и солидарности*, а активист в сетях – это член *свободно* формируемого коллектива.

Тут неожиданно всплывает интересная «модернизационная параллель» между сетевой властью западных медиа гигантов и сетевыми возможностями эко-активизма. «Например, власть этих гигантов как коммутаторов (switchers) заключена в их способности соединять сети политического лидерства, сети научных и технологических сообществ с сетями военных и стражей порядка с тем, чтобы продвигать некоторую геополитическую стратегию» (Arsenault and Castells, 2008: 490). Но разве экологи не занимаются геополитикой? Разве, если исключить силовые структуры, они не стремятся к такой же интеграции сетей разного характера и уровня? Выходит, что подобные инструменты присущи и борцам за сохранение среды обитания.

Так или иначе, свободно формируемые активистами виртуальные общности – сайты, интернет-форумы и конференции – способствуют структурированию гражданского общества и тем самым стабилизации его функциональной структуры, ее *устойчивости*, открытой однако обсуждению и переменам. Более того, они – шаг на пути их легализации.

Жизнь в сетях движения имеет еще и то преимущество, что его член не чувствует себя одиноким, даже тогда, когда это только лишь пост в ЖЖ или другая информационная площадка, где можно свободно высказаться или описывать свою текущую жизненную историю «в пространство». Это состояние «открытости», готовности к контакту я называю *потенциальным ресурсом* активизма. Когда же в результате социально-экологического конфликта или экокатастрофы наступает состояние мобилизации, активист ощущает себя востребованным. В тех частях российской глубинки, где нет интернета, а население бедно и малоактивно, местные группы активистов входят в большие организации типа «Алтай XXI век» или «Наш дом Якутия» через своих доверенных лиц (друзей, знакомых, родственников, единомышленников). Так или иначе, сегодня в стране очень немного организаций, где человек чувствовал бы себя нужным обществу, и экологическое движение – одна из них.

Длительная перманентная коммуникация ученых и экологически обеспокоенных рядовых граждан формирует в результате тип гражданского эксперта (expert-citizen), способного не только участвовать в разрешении социально-экологических конфликтов, но и участвовать в экспертизе предлагаемых решений, давать квалифицированные советы и рекомендации.

Заключая, об активистах российских экологических инициатив и движений можно сказать, что они в своем большинстве ориентированы на самоусовершенствование или *внутренне ориентированную модернизацию*, важнейшими характеристиками которой являются перспектива обретения позитивного самостояния, самореализация, интенсивное обучение и переобучение в различных сферах, самостоятельный выбор, однако причудливо комбинированные с «обязанностью» и «долгом» перед природой и самим собой. То есть индивидуализация российских лидеров сочетается с целью общественного блага. Но, находясь под непрерывным давлением государства и общества, они в конечном счете приходят к принципу самоограничения и, следовательно, гораздо менее, чем их коллеги на Западе, включены в международные зеленые сети.

В отличие от ситуации в странах, переходящих ко второму (рефлексивному) модерну, где биографии носят характер «бриколлажа», характеризующиеся быстрыми выбором и решениями (Beck and Beck-Gernsheim, 1994), биографии российских экоактивистов достаточно целеустремленны и устойчивы во времени. Тем не менее они тоже – авторы своих биографий и личностных характеристик.

ГЛАВА 10

Защита Байкала: расстановка сил и их динамика

Введение

В главе рассматривается типичный случай долговременного социально-экологического конфликта, в одинаковой мере присущий советскому и строящемуся капиталистическому обществам. Предметом анализа является диспозиция социальных сил и их динамика в отношении Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК), открытого еще в 1967 г. и загрязняющего озеро Байкал до сих пор. Масштабы этого загрязнения позволяют квалифицировать ситуацию как экологическую катастрофу. «Ежесуточно БЦБК сбрасывает в Байкал более 240 тыс. куб. м. промышленных стоков, которые прошли через очистные устройства, и около 150 тыс. куб. м. так называемых условно чистых стоков, поступающих в озеро без очистки. Ежегодно этот комбинат сбрасывает в озеро, например, хлоридов более 18 тыс. т., что составляет половину всего их количества, которое приносят 336 притоков Байкала за год, и много чужеродных веществ» (Галазий, 1990, С. 324–25; данные за 1990 г. – прим О.Ян.).

Байкал – крупнейшее пресноводное озеро мира, включенное в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО. В главе рассматриваются шесть периодов данного социально-экологического конфликта: проектирование и первые годы работы БЦБК (1967-84), перестройка (1988-91), период распада СССР (1991), дефолт (1998), борьба против прокладки нефтепровода рядом с Байкалом (2001-06) и период экономического кризиса (2008-10). Каждый из названных периодов мобилизации российских эоактивистов рассматривается в следующих аспектах: ключевые индивидуальные и коллективные акторы, силы их поддержки (backers) и социальная база движения (constituency), структура политических возможностей, ключевые ценности и цели, формы мобилизации и требуемые для этого ресурсы, и результат каждого из названных этапов. Основные задачи главы: анализ взаимоотношений государства и экодвижения и сдвига целей последнего от охраны природы к борьбе за

права и свободы человека. Глава написана на материалах 150 глубинных интервью, анализе прессы, программных заявлений и манифестов движения, интернет-ресурсов и человеческих документов, собранных мною за период 1987-2010 гг. Использовался также метод построения хроник развития конфликтов. Результат каждого этапа проверялся путем анализа экологической прессы и интернет-ресурсов Байкальского движения.

Теоретические основы

Концепция главы базируется на нескольких типах социологической литературы. Во-первых, это концепция структуры политических возможностей, адаптированная к российским условиям (Tarrow, 1988, 2005). Я интерпретирую эту структуру как диспозицию про- и контр-экологических сил, находящихся в среде потенциальных активистов или безучастных наблюдателей. Во-вторых, я рассматриваю экодвижение СССР/России как новое полупрофессиональное социальное движение, эволюционировавшее от чисто природозащитных целей к движению за гражданские права и экологическую справедливость (McCarthy and King, 2005; Weiner, 1988, 1999; Conway et al., 1999). В-третьих, естественно, моя рефлексия базируется на теории мобилизации ресурсов и ее современных версиях (McCarthy and Zald, 1997; McCarthy and King, 2005), хотя, вслед за М. Диани и его коллегами, я более склонен рассматривать этот процесс как сетевой, нежели как некоторую «индустрию ресурсов» (Diani and McAdam, 2003; Della Porta and Diani, 2006). В-четвертых, так как экологическое движение полупрофессиональное, то я основывался на принципах диалога и максиме «следуй за актором» (Irwin and Wynne, 1996; Jamison, 1996; Irwin, 2001). Как и многие социологи, я сторонник социально-исторического подхода к изучению социальных движений вообще и российского, в частности (Weiner, 1988, 1999; Tilly, 2004; Lane, 2010). Наконец, к проблеме данного конфликта надо подходить с позиций концепции социально-экологического метаболизма, о которой речь шла в Главе 6.

Метаболизм Байкала действительно уникален. «По характеру круговорота органического вещества, степени утилизации солнечной энергии фитопланктоном, а также эффективности биотрансформации органического вещества Байкал среди крупных озер мира представляет собой в некотором роде парадокс. Абсолютные показатели величины первичной продукции озера в расчете на единицу объема его водных масс позволяют отнести этот водоем к олиготрофному типу, в котором основную роль в круговороте вещества играет экосистема открытых вод – пелигалии. В ней происходит образование подавляющей доли биологической продукции, обогащение воды кислородом и деструкция органического вещества, обуславливающая эффективность процессов самоочищения. Все это базируется на жизнедеятельности байкальских эндемичных организмов, объединяемых на основе их пищевых связей и несколько трофических уровней... В течение года все рачки <определенного вида> фильтруют в Байкале от 500 до 1000 куб. км. воды, что в 10-15 раз превышает объем годового поступления вод из всех притоков» (Галазий, 1990: 322–23). То есть озеро работает как мощная самоочищающая «машина».

Расстановка сил и их динамика

Начать с того, что в течение всего XX века и первого 10-летия XXI века, российская естественнонаучная и гуманитарная интеллигенция была передовым отрядом защитников природы, и организатором и лидером публичных дебатов с момента проектирования БЦБК и до настоящего времени.

На первом этапе борьбы за Байкал (конец 1960-х – середина 1980-х гг.) были две противостоящие друг другу силы: правительство и его ВПК, а также лесное и лесобумажное министерства, которые, собственно говоря, и были инициаторами строительства БЦБК, и их непримиримые оппоненты: ученые Сибирского отделения АН СССР, но также писатели и журналисты (см.: Лапин, 1987, Гольдфарб, 1996). Дебаты шли как в центральной прессе, так и в местных газетах. Это была *первая волна мобилизации* про-экологических сил.

Однако в целом ситуация была неоднозначной. Конец 1950-х гг. – время первой «оттепели», возрождения надежд и даже эйфории. Часть технической интеллигенции, да и не только она, верила, что «нам нет преград ни в море ни на суше» (слова из «Марша энтузиастов» 1930-х гг.), что еще чуть-чуть напрячься – и мы войдем в коммунизм. «Мы смело громили старое, но принимали как должное абсурдные волюнтаристские приказы о разведении кукурузы чуть ли не за полярным кругом, уничтожении личного скота, ликвидации приусадебных участков, сселении тысяч «бесперспективных деревень», строительстве целлюлозно-бумажного комбината на Байкале...». Так на «общедемократической волне нередко рождается и пускает глубокие корни самая опасная идея, такая притягательная и перспективная на первый взгляд» (цит. по: Гольдфарб, 1996: 17). Более того, вот слова акад. АН СССР И.П. Бардина, известного технолога и химика: «Наука...ведет с каждым днем приобретающее все большую и большую напряженность сражение с природой. Природа хорошо умеет запрягивать свои тайны..., никогда добровольно не отдает человеку тех богатств, которые ему нужны» и т. д. в том же духе (ГАИО, Ф. 1827. Оп. 1, доп. Д.; цит. по: Гольдфарб, 1996: 21–22).

Но, как часто случается, крайний радикализм вызывает отрезвление. Таким «радикальным» был проект инж. Н.А. Григоровича, предлагавшего взорвать в истоке Ангары 30 тыс. тонн аммонита, чтобы «улучшить гидроэнергетические характеристики реки» путем сооружения прорези (!) в ее стоке. Зачем? Вот ответ: «Использование вод Байкала требует увеличения амплитуды колебания его горизонтов, причем чем больше допускаемые колебания горизонта Байкала, тем больше количество энергии, которое могут выработать при использовании Байкала Иркутская и Братская гидростанции...». Все это именовалось «временным заемом у Байкала» (архив ИИЦ, Ф.1. Оп. 1 Д. 585). То есть, попросту говоря, предлагалось периодически сливать часть вод Байкала в целях резкого повышения совокупного гидроэнергетического ресурса этих ГЭС.

Этот проект вызвал волну протестов, которые попали на страницы газет, в частности Литературной Газеты, которая была в те времена главным рупором и ристалищем борьбы взглядов советской интеллигенции (примерно тем же, чем сегодня является Эхо Москвы). Проект Григоровича был отвер-

гнут, тем не менее структура политических возможностей была не в пользу защитников Байкала. Они представляли собой сеть небольших групп без всякой массовой поддержки. Государство и его ведомства преследовали чисто утилитарные цели, не заботясь о состоянии природы. Собственно говоря, именно тогда была публично сформулирована позиция государства: «сначала экономика и ВПК, а потом – все остальное». Ученые и журналисты выполняли роль критиков проекта, и – только. В то время, как на государство работала мощная пропагандистская машина, ученые, писатели и журналисты могли только апеллировать к разуму и совести властей. Естественно, комбинат был построен и начал работать.

На втором этапе борьбы, то есть во времена перестройки (1988-91 гг.), ситуация резко изменилась. Структура политических возможностей для гражданских организаций резко расширилась, так как власть стала более чувствительной к требованиям «снизу». На короткий период защита природы вышла в заглавные строки политической повестки дня. Она стала, используя термин У. Бека, *sub-politics*, то есть формой внепарламентской политики, выросшей из движения «неформалов» (Яницкий, 1991). Хотя писатель В. Распутин считал, что «послевоенное общественное мнение после немалых сроков народного безмолвования, в сущности, с Байкала и возродилось» (Распутин, 1990: 309), это не совсем так. Хотя, конечно, борьба за Байкал придала мощный про-экологический импульс превращению общественного мнения в экологическое движение в Сибири.

Сначала был сбор подписей под протестом, потом – создание неформальной экологической комиссии из общественности и независимых ученых. Написали экспертную справку, которую отправили в Президиум АН СССР, М.С. Горбачеву, Н.И. Рыжкову. Затем с ноября 1987 г. начались митинги и демонстрации, что и было началом массового движения. Проводили еще и политические митинги по поводу несогласия экоактивистов с позицией некоторых членов ЦК КПСС <Е. Лигачева>. Это был самый многочисленный митинг (20 тыс. человек). Борьба вокруг проекта отводной трубы в реку Иркут четко разделила местное общество: *народ vs. партийный аппарат*. Экологическое движение постепенно обретало политический характер, хотя очень скоро выявилась его разнородность: одни использовали новые возможности для борьбы против БЦБК, другие – против господства административно-командной системы как таковой, третьи стремились использовать ее ослабление для личной политической карьеры и т. д. Отдельные группы движения продолжали заниматься самыми разными сугубо практическими делами: от закрытия местной котельной и до уборки мусора на стоянках диких туристических групп.

Далее, в конце 1989 г. на публичной арене появились новые акторы, две гражданские организации были созданы: «Фонд Байкала» и «Байкальская Волна», последняя более радикальной ориентации. Согласно их уставам, это были независимые, самоуправляющиеся социально-экологические организации, осуществляющие свою деятельность в соответствии с Конституцией СССР. Их целями были «сохранение уникального природного комплекса озера Байкал на основе гармонизации отношений человека и природы, общества и природы, возрождение и развитие духовно-нравственных традиций сибиряков, сохранение и восстановление природы Байкала, что должно вывести Байкальский регион на современный уровень мировой культуры и научно-

технического прогресса» (из архива автора). Так что фреймы этих гражданских организаций не только «резонировали» с миром жизни потенциальных участников движения – оно само возникло как резонанс на этот жизненный мир.

Социальная база Байкальского движения быстро стала формироваться и расширяться. Однако она не была единой: одни были обеспокоены только состоянием Байкала, другие – возрождением всего мультикультурного региона, третьи (меньшинство) стали поддерживать именно «Волну» как социально-политическое движение. Но, пожалуй, самое главное, что многие родственные им по духу группы из США, Европы и Азии приняли участие в защите Байкала. Поэтому с начала 1990-х гг. и далее этот конфликт принял международный характер: все гражданские инициативы, российские и зарубежные, настаивали на закрытии БЦБК. С 1991 г. «Фонд» и «Волна» стали получать финансовую поддержку зарубежных фондов. То была *вторая волна мобилизации* про-экологических сил. Но БЦБК продолжал действовать, загрязняя Байкал.

Эта волна подтвердила мою гипотезу о наличии «порождающих сред» (*engendering milieus*) внутри государственных организаций. Работавшие в них люди далеко не все разделяли идеи покорения природы. Напротив, особенно те, кто по долгу службы, работали в подразделениях контроля за техникой безопасности, состоянием очистных сооружений БЦБК или были членами солидной государственно-общественной организации, именуемой Комитет народного контроля СССР. Вообще, в 1960-80-х гг. общественный контроль за деятельностью ведомств не только был такой средой, но и сдерживал их аппетиты. Многие из народных контролеров позже стали членами экологического движения.

Фонд Байкала стал выпускать ежемесячную газету «Наш Байкал», которая издавалась также и на пожертвования читателей, в том числе и жителей г. Байкальска. Формально она считалась региональной, но публиковаться в ней могли все: от премьер-министра до рядовых активистов. Ежемесячник, наряду с многочисленными конференциями, стал публичной площадкой для общения ученых разных дисциплин и специалистов разных ведомств. Подчеркну: писатели – О. Волков, В. Распутин, Ф. Таурин и многие другие не только «призывали». Защита Байкала была делом их жизни и гражданской обязанностью – они «ходили в народ», были хорошо осведомлены о мнении и чаяниях жителей российской глубинки, профессионально анализировали расстановку сил в отношении байкальской проблемы, аргументацию противоборствующих сторон, строили хронику событий, тем самым выполняя работу историков и социальных аналитиков. Думаю, что эта общественная активность писателей эпохи перестройки была *последним* проявлением той духовной традиции, идущей еще из XIX века, когда русский писатель был одновременно гражданином: вспомним А.И. Герцена, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого и многих других. Современным российским писателям далеко до них, они – только «писатели».

Одной из причин неудачи борьбы местных экоактивистов против БЦБК стал их раскол на тех, кто были истинными защитниками озера и окружающего его ландшафта, и тех, кто использовал членство в этих демократических организациях как социальный лифт для личной политической карьеры. К тому же, внутри «Байкальской Волны» образовались правое и левое крылья

и начались бесконечные дебаты по поводу тактики и стратегии движения. Тем не менее, конфликт вокруг Байкала дал новый импульс формированию экологического движения во всей Сибири.

Рубеж 1980-90-х гг. был также переломным и в другом отношении: доверие как активистов, так и рядовых граждан, вовлеченных в конфликт или сторонних наблюдателей, быстро улетучивалось. Если в 1990 г. словам премьера Н.И. Рыжкова – «Дело спасения Байкала сдвинулось с мертвой точки» (Рыжков, 1990: 2–3) – еще кто-то верил, то очень скоро это доверие упало почти до нуля. Как написали в своей листовке участники школьного экологического движения «Стрижи» (г. Иркутск, 20.11.1989): «Мы хотим чистого воздуха. Нам обещали. Но все обещания спасти нас от черного дыма остались только обещаниями. Нас обманули». Как не вспомнить здесь слова Л.Толстого: дети «умнее нас..<Они> хотят знать, честны ли мы, правдивы ли добры ли, сострадательны и есть ли у нас совесть...».

Два слова о социологах. Суда по прессе, сибирские социологи не слишком интересовались данной проблемой. Но вот что увидели их московские коллеги. Несомненно, «Байкал» это был главный фрейм (бренд) всей совокупности выступлений в его защиту. Однако наши вопросы о самом движении его члены воспринимали как-то болезненно. Как потом выяснилось, между названными выше организациями, а также движением «Народ в защиту Байкала», и внутри них сразу возникли если не распри, то серьезные разногласия, хотя спасение Байкала было, несомненно, объединяющим фреймом. Далее, это явная дистанцированность байкальского движения в целом от центральной России. «Мы – тут, вы – там», вот типичный ответ. Хотя отделения СоЭСа уже формировались в Сибири. Выступая в защиту Байкала, люди идентифицировали себя именно как *жители*, а не интеллигенты или рабочие даже в г. Ангарске, городе бывших заключенных, где на местном химическом предприятии, сильно загрязняющем город, были свои экологические ячейки. Более того, некоторые активисты в частных беседах называли себя «крепостными». Интеллигенты из среды технических наук чувствовали себя вполне самодостаточными и не видели никакой необходимости в привлечении гуманитариев, хотя того же Г. Распутина почитали. Но он был духовным отцом, но никак не лидером экологического движения в социологическом понимании. С лидерами тогда вообще была проблема. Инициатором многих начинаний был Клуб избирателей Академгородка, но лидера, который подобно А.В. Яблокову, оставил бы профессиональную деятельность и стал бы политиком, в той академической среде не оказалось. Наконец, произошел еще один принципиальный сдвиг в сознании тех, кто вошел в движение. При зрелом размышлении, многие поняли, что проблема к закрытию БЦБК не сводится, что существуют тысячи еще более рискованных предприятий и других врагов природы и человека. Но нам тогда не удалось убедить даже самых думающих активистов в необходимости разработки стратегии движения, основанной на иной социальной парадигме. «Активисты отдельно, теоретики отдельно» – это – общая беда не только российского, но и европейского экологического движения.

Наибольший вклад здесь внесли профессионалы-практики. Вот отрывок из интервью с одним из них: «Почти 30 лет из своего 36-летнего рабочего стажа общественной работой я практически не занималась, или занималась формально, по обязанности. Толчком к активному участию <в общественной

жизни> явилось решение ЦК КПСС и Правительства СССР о переброске стоков БЦБК в малую речку, которая впадает в крупную сибирскую реку Ангару прямо в областном центре – г. Иркутске. К этому времени я уже ушла из системы государственного контроля, проработав там 24 года и осознав себя и свою службу – ширмой, игрушкой в руках властей. Обострились и мои отношения с обкомом КПСС, облисполкомом из-за моего отказа давать позитивные оценки состояния природной среды, особенно – по Байкалу. Я перешла на работу в Академию Наук СССР. Общественность города интуитивно волновалась насчет реки Иркут и трубы со стоками БЦБК. Было очевидно, что <если этот сток будет построен, то он> погубит речушку, резко ухудшит экологическую ситуацию в Иркутске, а главное – БЦБК останется на Байкале. Однако общественность *не располагала информацией*, чем активно пользовалась власть для подавления этого волнения, не останавливаясь перед явной дезинформацией населения. С этого момента и началась моя активная <общественная> деятельность» (ГЧ, из интервью 29.10.91).

На **третьем этапе**, то есть после распада СССР в 1991 г., ситуация снова драматически изменилась. Политическая структура СССР была разрушена, а структура РФ была еще в проекте. Такая ситуация «между» стала почвой для возникновения множества местных инициатив (grassroots) и мелких зеленых партий. Однако дальше создания таких партий регионального масштаба дело не пошло, потому что и профессионалы-экологи, и простые граждане предпочли быть членами экологического и других социальных движений, так как полагали, что эта организационная форма более гибкая и эффективная для достижения их целей. Что вполне совпадало с программой «демократизации снизу» (“Sowing the Seeds of Democracy”), предлагаемой России западными фондами и организациями, природоохранные проекты в рамках которой охотно финансировались, в отличие от политических и научных проектов. Этот период характерен мощной экспансией на Байкал международных организаций и фондов, причем далеко не только экологических. Американские, немецкие, японские – список может быть продолжен. Эта экспансия дала множественный результат: [1] они узнали о нас то, что хотели; [2] технологически обустроили местные организации; [4] научили зеленых работе по международным стандартам; [5] стали разрабатывать ряд проектов совместно. В результате движение все более трансформировалось в ряд НПО и проектных групп, что объективно означало его (пусть временную) демобилизацию. Сейчас, оглядываясь назад, отчетливо видна еще одна их цель: *постоянное присутствие* в данном регионе, а через него – влияние на российское экологическое движение в целом.

Что касается ценностей и целей различных групп движения, то они были различны. Уже в начале 1990-х гг. существовало по крайней мере семь направлений (течений) внутри российского экологического движения: местные инициативы (grassroots), консервационисты, альтернативисты, традиционалисты, эко-анархисты, экополитики и экотехнократы (Yanitsky, 1996). Консервационисты, альтернативисты и эко-технократы были самыми интернационально ориентированными. Консервационисты были первой группой, кто установил регулярные контакты со своими единомышленниками за рубежом и международными экологическими организациями (WWF, Greenpeace, ‘Earth

First' и другими). Похожее разнообразие было и в Байкальском движении, за исключением, пожалуй, экоанархистов, о деятельности которых в регионе мне ничего не известно.

В то время ресурсы для создания постоянных ядер движения (social movement organizations, SMOs) не были проблемой. С одной стороны, масса людей была обеспокоена состоянием среды обитания и была готова к участию в массовых акциях протеста и других начинаниях, нацеленных на закрытие БЦБК. С другой, западные доноры, финансируя вышеназванную и многие другие программы и проекты, не хотели вмешиваться в процесс политических трансформаций напрямую и тем более опасались утери контроля над процессом формирования гражданского общества в России. Отсутствие массового экологического движения я расцениваю как *снижение его мобилизационного потенциала*.

Западные доноры опасались, что радикальные акции могут спровоцировать хаос в стране с ядерным оружием. Поэтому эти доноры, признавая высокую теоретическую подготовленность эко-анархистов, никогда не поддерживали и не спонсировали их радикальные акции. Тем не менее, развивающийся российский рынок и его агенты становились сильными противниками российских инвайронменталистов. БЦБК, это яблоко раздора, хотя и потерял свое значение как производитель корда для армии, растущий рынок, в особенности продуктов питания, требовал все больше картона для изготовления тары и упаковочных материалов. В целом, природа, ее земли, леса, поля, чистый воздух приобретали рыночную стоимость. Поэтому история борьбы против БЦБК или под лозунгом борьбы с ним продолжалась.

Этот период отмечен отходом сообщества журналистов от движения. Журналисты, как и на Западе, знавшие больше всех и имевшие постоянные связи внутри экологических организаций, первыми увидели карьерные устремления их лидеров. Вот отрывок из интервью: «Прямых контактов с неформалами становится все меньше. Вижу, что значительная часть их *лидеров* просто рвется к власти и ради нее готовы в любой момент предать дело, которое нередко служит им для камуфляжа истинных целей. Но лидеры – это еще не все движение. Поэтому стараюсь не мешать, помогаю консультациями. Через газету обеспечиваю их (и все население) необходимыми сведениями» (ГК, из интервью 28.10.91).

Четвертая фаза (1998 г.) была отмечена общероссийским дефолтом. К этому времени НПО, защищающие Байкал, усилили свои позиции, поскольку финансовая помощь с Запада продолжала поступать. Проведенный мною в дни кризиса телефонный опрос показал, что подавляющее большинство российских экоактивистов «намеревались продолжать делать то, что они делали раньше» (Yanitsky, 1999). К тому времени их западные союзники разработали весьма полезную и практически важную форму их совместной активности: «модельный проект». Он представлял собой своего рода алгоритм оптимального и экономного (неистощительного) ведения сельского, лесного и другого хозяйства, наносящего минимум вреда природе и местной культуре.

Модельные проекты, помимо своей практической ценности, могли бы использоваться для экологического образования и пропаганды. В отношении БЦБК это означало, что он мог бы быть закрыт и заменен, скажем, комплексом туристской индустрии. Это было бы чрезвычайно важно для бассейна Байкала, так как такой проект мог бы охватить обширный экономически,

социально и культурно освоенный ландшафт, страдающий сегодня от сверх-эксплуатации. Однако эти модельные проекты были сделаны в соответствии с экологическим законодательством РФ, которое было разрушено в начале 2000-х гг. «Дикий капитализм» был несовместим с защитой природы, хотя и он понес потери в ходе дефолта. Поэтому никакого «модельного проекта» для перепрофилирования БЦБК не было сделано, и он продолжал работать.

На мой вопрос о воздействии дефолта на движение, один из лидеров экоНПО ответил так: «Серьезной реакции не было. К этому времени уже сложился круг более или менее финансово устойчивых организаций, был у них резерв. К тому же, движение продолжало существовать на почти без-финансовой основе, как это ни покажется странным. Сегодня есть много экологических организаций, которые существуют вне зависимости от финансовой подпитки. Мизерные деньги, которые им иногда удается получить, не влияют ни на смысл их деятельности, ни на настроение самих активистов. В конце 1990-х гг. произошла адаптация к этой ситуации безденежья и выработался некоторый комплекс навыков, который позволял хоть что-то делать в данных условиях. Поэтому их дефолт не затронул никак» (АЗ, из интервью 07.03.2002)

Пятая фаза (2001-06 гг.) отмечена обострением борьбы в защиту Байкала вследствие того, что российские компании запроектировали трассу транснационального нефтепровода в непосредственной близости от Байкала. Борьба продолжалась 5 лет и закончилась победой региональных зеленых: президент В.В. Путин распорядился отодвинуть нефтепровод от Байкала (правда, эта подвижка создала новые проблемы для экоактивистов Якутии). Это был другой «случай», с участием некоторых новых сил, но в том же самом месте. Он заслуживает особого внимания, поскольку эта была *третья волна мобилизации* вовлеченных в конфликт сил.

Несмотря на этот локальный успех, структура политических возможностей была неблагоприятной для активистов, поскольку этот транснациональный проект был ключевым элементом государственной политики: превращения России в могущественную энергетическую державу. Тем не менее, некоторые региональные власти и политические партии выступили против этого проекта.

Главными акторами в этом конфликте были, с одной стороны, государство и Большой Бизнес, а с другой, – ученые, журналисты, экоНПО и некоторые политические партии левой ориентации. Государственные СМИ играли роль «информанта», и стороннего наблюдателя. Однако так было только вначале. В критические моменты (государственная экспертиза, принятие решений) мобилизационный «пул» увеличивался. 2001-06 гг. были пиком местных, региональных и международных протестных кампаний. Например, в 2005 г. был создан региональный информационный сайт BAVR.RU-Siberia, на котором к середине марта было собрано сто тысяч подписей против строительства газопровода. Через месяц еще столько же подписей были собраны и направлены в Государственную Думу (Халий, 2007: 31–33).

Ведущей силой борьбы против предложенной проектом трассировки трубы был Greenpeace-Russia. Общественные слушания состоялись в Иркутске, Хабаровске, Барнауле и других городах Сибири и Дальнего Востока РФ. Было создано «Байкальское движение» ('Baikal movement'), которое позиционировало себя как неформальную коалицию политических партий движений, профес-

сиональных организаций и гражданских инициатив. Вместе с «Байкальской Волной» ('Baikal Wave') и при поддержке некоторых депутатов областного законодательного собрания и независимых экспертов, коалиция приобрела силу. Стало ясно, что борьба за удаление нефтепровода от Байкала была борьбой между государственной бюрократией и гражданским обществом. После шести лет борьбы, премьер В.Путин приказал отодвинуть нефтепровод от берегов Байкала.

Два момента следует отметить. Оказалось, что экоНПО вполне способны не только концептуально оценить ситуацию (general frame), но и создать, спроектировать мобилизационный фрейм (Gerhards and Rucht, 1992), то есть сформулировать цель акции или кампании, разработать план действий и мобилизовать население. Оказалось также, что лидеры движения (или коалиции экологических организаций) используют как конвенциональные (протестные акции, письма и обращения, митинги и факс-кампании), так и новые социальные технологии (социальные сети, сайты, блоги и другие средства IT), которые способствуют консолидации разных слоев и страт вокруг общей цели.

Шестая фаза (2008-10 гг.) снова была связана с проблемой БЦБК. В течение почти трех десятилетий М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин и В.В. Путин неоднократно обещали решать эту болезненную для общества и опасную для природы проблему. Однако ни сроков, ни конкретного плана разработано не было. В ответ на бездействие властей возникла коалиция «За Байкал», ставшая быстро одним из сильнейших гражданских объединений в Сибири. Как известно, «Фонд Байкала» вскорости прекратил свое существование, однако «Байкальская Волна» вместе с упомянутой коалицией становились все более влиятельной гражданской силой в регионе. Это была *четвертая волна экологической мобилизации*.

В 2008 г., после многих проволочек БЦБК был закрыт, однако в феврале 2010 г. бы пущен вновь с обещанием (не подтвержденными однако никакими документами) закрыть его совсем через год или два. К этому времени БЦБК был уже очень старый, к тому же он был закрыт без консервации. Это решение снова изменило расстановку сил. Государственные органы, Большой бизнес, областная администрация и часть жителей Байкальска поддержали решение властей, хотя из примерно 3 тыс. его работников, сейчас там работают не более 450 чел. Да еще работники ТЭЦ, которая дает тепло самому городу. Как сказала сопредседатель «Байкальской волны» М. Рихванова, в 2008 г. «собственники сами закрыли комбинат. Он перестал работать по их инициативе. Не потому что там экологи настаивали или еще кто-то. Они сами его закрыли. И что там народ якобы безработный это не так, потому что все бывшие работники БЦБК нашли себе работу вахтовым методом, ездят на заработки куда-то, на железной дороге нашли себе работу. То есть в Байкальске в основном оставались женщины, мужья у которых тоже раньше на БЦБК работали и теперь нашли себе работу в другом месте». Ситуация на комбинате стала критической: шламонакопители были переполнены, часть отходов приходилось сжигать и т. д.

К этому времени лидеры «Байкальской волны» детально и профессионально изучили сложившуюся ситуацию и совместно с учеными, профсоюзами и частью населения области выступили против продолжения работы комбината. Знаменательно, что некоторые левые партии, а также депутаты

парламента Бурятии поддержали позицию Коалиции. В остальном, как и на предыдущей стадии, общая диспозиция сил оставалась прежней, хотя и с некоторыми изменениями. Ее детали представлены в таблице 1.

Качественное отличие этой волны протеста заключалось в том, что Коалиция не только выступила против вновь открытого, но уже полуразвалившегося и все более эколого-опасного комбината, но и стала настойчиво предлагать для публичного обсуждения с владельцами комбината и региональными властями варианты альтернативного использования его территории, равно как и всего байкальского региона. В 2009 г. в Байкальске прошел конкурс социального предпринимательства, результаты которого убедительно демонстрируют перспективы альтернативного развития города. Существует около 100 реализуемых проектов, которые могут стать основой независимого от БЦБК экономического развития территории. Это проекты, связанные с туризмом, экологичным производством, переработкой вторсырья и так далее. Только один из проектов по переработке кедровых орехов, способен создать до тысячи новых рабочих мест». Ученые Сибирского отделения РАН пришли к выводу, что будущее города – в развитии туризма и альтернативных производств (Народ за Байкальск..., 2010: 1).

Но в отличие от событий почти 20-летней давности, и бизнес, и власти просто проигнорировали предложение Коалиции. Интересно, что Рихванова считает сложившуюся ситуацию не конфликтом, а нарушением закона. Да, это нарушение, но за ним – конфликт интересов.

Таблица 1

За и против закрытия БЦБК

За продолжение работы БЦБК	За закрытие БЦБК и реабилитацию окружающего его ландшафта
Федеральное правительство РФ Министерство экономики и торговли Федеральное агентство управления имуществом (мажоритарный акционер БЦБК с марта 2010) Руководство Continental Management, которому принадлежит БЦБК Пенсионеры, бывшие работники БЦБК Муниципальные власти Администрация области Силловые структуры Политически ангажированные бюрократы и эксперты	ЮНЕСКО Депутаты парламента Республики Бурятия Некоторые оппозиционные партии Профсоюзы (Иркутск) Общественная палата РФ Большинство членов Сибирского отделения РАН «Байкальское движение» и «Байкальская Волна» Транснациональные эоНПО (WWF, Greenpeace, Pacific Environment и другие) Представители малого бизнеса Экологически обеспокоенные жители (писатели, журналисты, поэты, люди улицы) Некоторые публичные фигуры ЕС Некоторые топ-менеджеры ЕС и ТНК Западные медиа (Euro-news)

Каковы главные характеристики этого конфликта? С самого начала он приобрел глокальный характер; он отражал раскол, существовавший в российском обществе; в то время, как коалиция эоНПО все время предлагала к обсуждению различные альтернативные варианты использования закрытого комбината и окружающего его ландшафта, противоположная сторона отвергала эти проекты и не желала вступать в диалог с нею. В итоге стало очевидным, что государство будет формировать экологическую политику региона без участия организаций гражданского общества.

Существовали также скрытые от глаз постороннего наблюдателя *'pro'* et *'contra'* аргументы. Продать закрытый, то есть «мертвый», комбинат было практически невозможно, а когда он «на ходу» – значительно легче. Далее, специалистам было ясно, что речь идет не только о БЦБК как таковом, но и о землях под ним и вокруг него, с разной степенью зараженности отходами производства. Бизнес (знаменательно, что собственник комбината находится на Кипре; знаменательно также, что некий международный банк выделял деньги на программы перепрофилирования комбината, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки) учитывал также и тот факт, что российские работники не мобильны физически и ментально, и никакой законной базы для их организованного переселения в другое место не существовало. Наконец, жители Байкальска имели регулярный дополнительный доход от своих приусадебных участков, дач, охоты и рыболовства, чего они бы не имели на новом месте жительства никогда и т. д. Динамика целей и характера борьбы за и против БЦБК в период 1987-2008 гг. представлена в таблице 2.

В апреле 2010 г. «Байкальское движение» обратилось к лидерам государств, международным бизнес и финансовым организациям: «Мы призываем все международные банковские и бизнес-сообщества, уважающие Принципы Экватора, вслед за Всемирным Банком, отказаться от любых совместных проектов с корпорацией «Базовый Элемент» и компанией Continental Management, показавших в ситуации с БЦБК свою способность как на грубый шантаж населения, обман общественности, так и на дезинформацию властей. Мы просим Вас иметь в виду, что возврат Вам кредитов или распределение Вашей совместной с ними прибыли будет осуществляться этими компаниями, прежде всего, за счет уничтожения Байкала, экоцида населения Сибири, лишения шансов на спасение от жажды миллионов людей на планете в условиях надвигающихся глобальных изменений климата, и приведет Вас к невольному соучастию в преступлении планетарного масштаба».

Таблица 2

**Изменения в целях и характере про-экологических сил
в ходе борьбы за Байкал (1987-2008)**

	Перестройка (1987-1991 гг.)	Распад СССР (1991 г.)	Дефолт 1998 г.	Кризис 2008 г.
Структура политических возможностей	Быстро расширяющаяся	Наиболее чувствительная к требованиям экодвижения (ЭД)	Менее чувствительная, более отчужденная	Мало чувствительная
Главные акторы мобилизации	Ученые, журналисты, студенты, местное население	Ученые, журналисты, студенты, местное население	ЭкоНПО профессионалы	СД «Байкальская Волна» и ad hoc политические группы
Социальная база	Ученые, писатели	Все слои гражданского общества	Практически отсутствовала	Эко-профессионалы, ученые, журналисты, население
Главные ценности	Самоорганизация и самоидентификация	Поддержка демократических преобразований	Самосохранение движения	Охрана природы и защита базовых прав человека

Продолжение таблицы 2

	Перестройка (1987-1991 гг.)	Распад СССР (1991 г.)	Дефолт 1998 г.	Кризис 2008 г.
Цели эко-движения	Против индустриального гигантизма	Поддержка усилий по экологизации политики в регионе	Сохранение ресурсной поддержки Запада	«Стоп БЦБК»; создание альтернативного проекта развития региона
Формы мобилизации	Протестная, создание Фонда Байкала и ЭД «Байкальская Волна»	Участие в новых демократических институтах (общественных и экспертных советах)	Мобилизация внутренних ресурсов	Ряд массовых кампаний протеста
Ресурсы	Люди, их знания и ноу-хау	Люди, финансовая и техническая помощь Запада	Финансовая и техническая помощь Запада	Финансовая и техническая помощь Запада, люди и интернет
Результат	Расширение и частичная институционализация социальной базы	Продолжение институционализации; ЭД превращается в сеть эконоНПО	Деинституционализация сети НПО; усиление зависимости от Запада	Создание транснациональной коалиции экологов и рядовых граждан

Позиция местного сообщества

Оно никогда не было однородным – отсюда и различие в позициях составляющих его групп. На первом этапе его голоса практически не было слышно, во всяком случае на публичной арене. На втором (годы перестройки) ситуация резко изменилась: население г. Иркутска и области, равно как и Бурятии, высказалось резко против существования комбината. Именно на этом этапе сформировалось экологическое движение в защиту озера и его организационное ядро. Исключение составляли работники комбината (жители г. Байкальска), которые не могли выступать против – БЦБК был их кормильцем. Кроме того, жители этого города были в основном не местные, приехавшие за заработком и квартирой, и сохранение этих благ было их главной заботой. Их поддерживали местная партийная и административная власть, которая вообще не принадлежала к местному сообществу – это был клан номенклатурных работников. Строго говоря, местным сообществом можно считать лишь тех, кто идентифицировал себя с защитниками Байкала. Именно они и составили ядро общественных организаций в его защиту, единство которого впрочем просуществовало очень не долго: начались политические распри внутри. Дефолт 1998 г. и кризис 2008 г. оказали на это сообщество двойное воздействие. С одной стороны, оно под влиянием этих внешних факторов сжалось. То есть происходила естественная селекция, в течение двух десятков лет оставаться экоактивистом было не легко. С другой стороны, как уже отмечалось выше, это «местное» сообщество расширилось за счет прихода в него новых сил, а главное – его превращения в глокальное сообщество, поскольку его ядро все менее было территориально привязано к Байкалу и окружающей его природе.

«Сообщество» превратилось в транснациональную коалицию экоактивистов из разных стран и регионов и части местных граждан. Это сетевое глокальное сообщество стало более разнородным по социальному составу и мультипрофессиональным по характеру вовлеченных в него активистов и волонтеров. Что и позволяет квалифицировать его как новую форму экологического движения эпохи информатизации. Коалиция, как правило, – *менее тесно сплоченная* (солидарная) форма его организации, но *сохраняющая* свою *идентичность* именно как защитников природы, а уже не только как защитников только Байкала. Более того, как отмечено выше, это было уже не только «защитное», но и креативное движение, предлагавшее альтернативные проекты преобразования всего прилегающего к Байкалу региона после закрытия комбината. Само движение и его ядро качественно эволюционировали в сторону высокой модернити, что в частности позволило использовать новые технологии для защиты местных традиционных сообществ. Если считать бюрократический слой, выступающий за сохранение status quo, то можно согласиться с И.А. Халий, что развитие общественных движений в России происходит в традиционалистской среде.

Впрочем, пока не рассекречены документы западных ведомств или не появился «экологический Ассандж», имеет право на существования версия, согласно которой данное глокальное сообщество поддерживается *извне* с целью сохранения природы данного региона в интересах транснационального капитала и даже с целью установления международного протектората над этим регионом и его превращения в ресурс наднациональной принадлежности. Но и в этом случае данное глокальное сообщество остается островом и мотором экологической модернизации.

Характеристика «пакета фреймов»

Как видно из текста и итоговой таблицы 2, противоборствующие главные (общие) фреймы практически не изменились по прошествии полувека. На одном полюсе был советский/общероссийский фрейм: «Природу – на службу человеку!», на другом: «Защитим природу от разрушительных действий человека!» Иными словами, крайний и неограниченный утилитаризм противостоял императиву сохранения уникальной экосистемы. В первом случае это был взгляд на природу «сверху вниз», во втором – «снизу вверх», в первом – взгляд человека извне экосистемы, тогда как во втором – изнутри ее, то есть исходя из понимания ее законов функционирования и самосохранения.

Если «раскрыть» первый пакет, то в нем содержался весь комплекс ценностей общества, ориентированного на самосохранение за счет сверхэксплуатации природного ресурса: необходимость противостояния другой супердержаве, неограниченная власть государства над обществом и его постоянная экспансия во вне, ядром которого был военно-промышленный комплекс, директивный стиль управления, пренебрежение к данным науки (за исключением той, которая была на службе у ВПК), и столь же пренебрежительное отношение к людям как к человеческому материалу, к обезличенной массе, которой было приказано «осваивать» природу и т. д.

Второй пакет, естественно разительно отличался от первого. Его ключевыми составляющими были данные науки и уважительное отношение к ее носителям, равно как и к местному населению, включая малые коренные народы данного региона, понимание необходимости сохранения природы для общества и будущих поколений, отношение к природе как к живому организму, имеющему собственные законы самоорганизации и т. д.

Переходя к характеристике специфических фреймов, возникших в ходе рассматриваемого противостояния, заметим прежде всего, что если первый фрейм был по существу политическим, то второй – когнитивным, аналитическим, причем в этой аналитике ключевое место занимал императив сосуществования человека и природы. Если первый отражал взгляд на мир и место человека в нем как на неисчерпаемый ресурс-для-властвующей элиты, тогда как второй можно квалифицировать как демократический, поскольку он предполагал мирное сосуществование. Его адепты действительно «следовали за актором», только под ним понимался симбиоз экосистемы и выросшей в нее человеческой деятельности. Интересно, что все крупнейшие ученые, отстаивавшие Байкал были коммунистами, но коммунизм для них означал прежде всего научно обоснованную организацию общества, тогда как для властвующей элиты он был просто орудием в идеологическом принуждении других и самооправдании собственных действий. Еще более удивительно, что и те, и другие по существу своей деятельности были технократами, то есть верили в неограниченную мощь научно-технического прогресса, а многие так или иначе обслуживали ВПК, но для большинства защитников Байкала этот прогресс был только *инструментом* для более глубокого познания законов природы. Так в рамках одной идеологии разные ее носители видели смысл своей деятельности по-разному.

Наконец, обе стороны придерживались *мобилизационного* фрейма, но каждая из сторон понимала эту мобилизацию по своему. Элита мобилизовала подконтрольные ей институты и народную массу, защитники Байкала – мобилизовали общественное мнение и занимались пропагандой экологического или самосохранительного знания, что в сущности одно и то же. Так, опять же из общего корня – идеологии Просвещения – выросли две противостоящие друг другу социальные силы.

Заключение и дискуссия

Борьба за Байкал – это не «случай» в общепринятом в социологии смысле слова. Это долгий и непримиримый конфликт, отражающий противостояние двух идеологий: утилитаризма и инвайронментализма. Иными словами, Россия все еще находится на рубеже двух культур: индустриализма в его крайней форме консьюмеризма и инвайронментализма, нацеленного на примирение человека и природы. Этот «случай» также может быть представлен как постоянный конфликт между риск-производителями, эксплуатирующими природу и человека, и риск-потребителями, которые вынуждены подвергаться риску (Yanitsky, 2000, 2004).

В политических терминах это есть конфликт между правящей элитой и элитой формирующегося гражданского общества. Рассматриваемый случай представляет собой «зеркало», отражающее глубину укорененности строяще-

гося общества как в советской, так и в новой, рыночной и консьюмеристской культуре. Эти культуры действительно глубоко различны. Первая, потому что она базируется на ресурсной парадигме общественной динамики, в то время как вторая основана на парадигме «общего блага», подразумевающей защиту природы, восстановление устойчивости региональных экосистем на альтернативной основе после закрытия БЦБК.

Шаг за шагом конфликт приобретал международный характер. Сначала в форме участия советских ученых в международных программах ЮНЕСКО («Биологическая программа», «Человек и биосфера»), затем посредством участия тех же ученых в экологической программе ООН (UN Environmental Program), и в конечном счете – в он-лайн и офф-лайн международных контактах и создании исследовательских сетей и кооперации усилий российских экоактивистов и их западных единомышленников.

Практически весь период многолетнего противостояния властные структуры практиковали только одну форму коммуникации с гражданским обществом: «сверху–вниз», то есть директивную, тогда как гражданские организации, местные и международные, предлагали множество проектов исправления ситуации, в том числе организационных, образовательных, выявления и мобилизации местных ресурсов (resource mapping), создания исследовательских сетей, мониторинга ситуации на БЦБК и вокруг него и т. д. Конфликт не был разрешен, но он инициировал множество форм про-экологической активности, не только вокруг БЦБК, но и далеко за его пределами.

Еще один важный сдвиг. Борьба, начатая учеными и писателями, постепенно охватывала все новые страты населения. Начатая как борьба за защиту Байкала, она все более приобретала характер борьбы за гражданские права и свободы человека, за его право высказываться и быть услышанным. Жаркое лето 2010 г. (пожары, смог, наводнения, ураганы) усилило этот сдвиг и придало требованиям населения отчетливо политический характер. Наконец несмотря на пропаганду консьюмеризма через СМИ, множество молодых людей присоединилось в той или иной степени к этому теперь уже политически-ориентированному движению.

Подчеркну важность отслеживания (monitoring) развития ситуации, поскольку официальные медиа не всегда дают корректную информацию, а иногда просто замалчивают ее. Так, СМИ утверждали, что если БЦБК будет закрыт, то появится множество безработных. В действительности ситуация уже давно иная: часть работников ушла с комбината, другая часть нашла свое место в развивающемся туризме, некоторые переехали к родственникам в другие города. Сверх того, в 2009 г. Коалиция предлагала администрации ряд альтернативных проектов реабилитации байкальского региона, включая город Байкальск, после закрытия комбината. Но деловая дискуссия не состоялась.

Иностранная помощь также претерпела существенные изменения. Сначала она существовала в форме финансовой и технической помощи, потом международные организации, такие как WWF and Greenpeace, стали вовлекаться в решение российских проблем. Наконец, сегодня их лидеры говорят, что они многому научились, работая с русскими и в российском политическом и культурном контексте.

Несмотря на отмеченные негативные стороны конфликта, он несомненно имел *позитивный* эффект. Ключевое слово здесь – мобилизация (людей, их знаний, умений, сетей и иных ресурсов). Мобилизация в ходе борьбы за

Байкал консолидировала экологически озабоченных граждан, как профессионалов, так и жителей региона. Старшее поколение ученых, сделало две важные вещи: оно сформировало ядро движения в защиту Байкала и передала свои знания и опыт молодому поколению. Оно также восприняло экологическую этику, сформированную в начале XX века русскими естествоиспытателями, политиками, социологами и учеными-гуманитариями. Несмотря на все трудности, мобилизация в защиту Байкала сыграла важнейшую роль в формировании и последующей трансформации этого гражданского сообщества.

Есть и другой позитивный результат существования этого сообщества: оно является «островом» высокой модернити. В нем сконцентрированы высокообразованные профессионалы с рациональным и рефлексивным складом ума. Большинство из них адепты пост-материальных ценностей. Они хорошо оснащены технически и включены в международные ресурсные и информационные сети. Сама структура их сетей есть признак высокой модернити. Однако есть ряд серьезных препятствий трансформации этой сетевой структуры в политическую силу, продвигающую экологические реформы. Во-первых, власть и бизнес стремятся полностью контролировать все ресурсные потоки. Во-вторых, существует обширная социальная среда – носитель контр-модернизационной ментальности. В-третьих, существует потенциальная опасность бюрократизации этих ядер постиндустриального общества. Как представляется, единственный выход – это интеграция этих ядер в глобальное экологическое сообщество. В то же время Россия нуждается в новой модели экологической модернизации в тесно связанном и нестабильном мире.

Рассмотренный конфликт несомненно сыграл роль мобилизующей силы и инструмента, развивающего демократические формы про-экологической активности всех слоев населения. Однако ситуация снова меняется, и сегодня, в условиях растущего дефицита питьевой воды, Байкал все чаще упоминается в международных документах как всемирное достояние, которое должно находиться под международным контролем. Значит, предстоит перегруппировка сил, новые задачи и новые формы борьбы за Байкал.

ГЛАВА 11

Лесные пожары в центральной России

Введение

Рассмотрим типичный случай масштабной экологической катастрофы, обремененной социальными конфликтами между властью, бизнесом и местным населением. Лесные пожары – тип катастрофы, в одинаковой мере присущий разным странам, включая наше советское прошлое и строящееся в России капиталистическое общество. В общей сложности, по данным Всемирного центра мониторинга пожаров (Global Fire Monitoring Center), авторитетной международной организации, площадь, пройденная пожарами на природных территориях России с начала 2010 года по 13 августа, составила более 15 млн. гектаров (с учетом возможной погрешности – не менее 10-12 млн. га). «По очень осторожным подсчетам экономический ущерб от пожаров составляет не менее 25 тыс. долларов на 1 га. Таким образом, в масштабах страны отсутствие действенной системы лесоохраны в текущем году обошлось минимум в 375 млрд. долларов. Эти расчеты основаны только на двух показателях: стоимости деловой древесины и стоимости стандартных лесовосстановительных работ (там, где это будет необходимо). В них не учитываются расходы по уходу за лесными культурами в первые 5-10 лет после их посадки, а также недревесные потери: гибель и восстановление растений и животных, в том числе занесенных в федеральную и региональные Красные книги и ценных с хозяйственной точки зрения.

И самое главное, в этих оценках не учтена стоимость основных экосистемных услуг (то есть общественных благ – О.Ян.), которые предоставляли людям сгоревшие природные территории: производство кислорода, чистой воды, защита почв от эрозии, рекреационные и другие услуги», – говорит Алексей Зименко, генеральный директор Центра охраны дикой природы. Так, за один теплый солнечный день гектар леса поглощает из воздуха 220-280 кг углекислого газа и выделяет 180-220 кг кислорода. Таким образом, реальный ущерб, нанесенный огнем природным территориям и экономике страны, многократно выше. Естественно, что в этих оценках не учтены, да и не могут быть учтены, ни погибшие из-за пожаров люди, ни те, кто пострадал из-за

задымления городов и других населенных пунктов. «От огня пострадали многие особо охраняемые природные территории (ООПТ) и ценные ключевые орнитологические территории России (КОТР). По данным Министерства природных ресурсов РФ, лесные пожары зарегистрированы в 60 федеральных заповедниках и национальных парках, число пострадавших региональных ООПТ и степень их поражения еще предстоит выяснить» (цит. по: Пожары: первые итоги..., С.1).

Лесные и торфяные пожары случались в СССР/России почти ежегодно, особенно сильным в данном регионе был пожар 1972 г. Однако до сих пор лесные и торфяные пожары не принимали характера национального бедствия. В 2010 г. ситуация приняла катастрофический характер вследствие политических и экономических причин: службы по предупреждению пожаров были разрушены, профессиональные организации по тушению лесных пожаров, которые владели соответствующими техникой, знаниями и опытом работы, ликвидированы. Однако главная причина (и проблема) заключается в том, что уже не одно десятилетие государство и организации гражданского общества вместо того, чтобы предотвращать пожары и реабилитировать пострадавшие территории, занимаются ликвидацией последствий очередной катастрофы.

Как и в предыдущей главе, предметом анализа является диспозиция социальных сил и их динамика в отношении лесных пожаров, охвативших центральную Россию. Особое внимание уделено активности существующих и вновь возникших гражданских организаций, которые не только оказали существенную помощь в тушении пожаров и оказывали первую помощь погорельцам, но эта активность в совокупности с другими природоохранными усилиями этих организаций и групп, привела к новому этапу развития и консолидации сил гражданского общества. Как отмечалось в Главе 7-ой, экокатастрофа явилась фактором мобилизации этих сил.

Ответственность государственных институтов

В течение примерно десятилетия (1997-2006 гг.) усилиями лоббистов-рыночников существовавшая ранее и оправдавшая себя государственная система лесоустройства и лесопользования СССР/России была заменена «рыночной». С принятием нового Лесного кодекса 2007 г. эта система фактически была уничтожена, что многократно повысило уровень уязвимости (рискогенности) лесных экосистем и тысяч живущих там людей. Как известно, лес – самый ценный после нефти и газа ресурс и одновременно самый лакомый, потому что лесоразработки на огромной территории страны практически невозможно контролировать. Недаром борьба связи власти и бизнеса за пересмотр Лесного кодекса велась практически с начала 1990-х гг. (см. подр.: Яницкий, 2002: 375–87). Как отмечал руководитель Лесной программы Гринпис-Россия, А. Ярошенко, «Новое лесное законодательство в силу своей абсурдности привело фактически к вымиранию целой отрасли народного хозяйства – лесного хозяйства, в первую очередь тех его частей, которые связаны с охраной, защитой и воспроизводством лесов. Развитию пожарной катастрофы в лесах способствовал и остаточный эффект от предыдущих реформ – разрушения централизованной системы управления сельскими лесами (лесами на землях сельскохозяйственного назначения) в 2005 году, ликвидации самостоятель-

ных Федеральной службы лесного хозяйства и Государственного комитета по охране окружающей среды в 2000 году» (Угрозы и риски...: 2). Это означало, что в рассматриваемой нами критической ситуации одни нужные институты практически были разрушены принятием нового Лесного кодекса (Служба леса), другие оказались некомпетентными или пораженными коррупцией (местная власть), третьи – просто уклонились от исполнения предписанных им законом обязанностей (арендаторы земель).

Лес, особенно в котором ведется хозяйственная деятельность, как всякая другая экосистема требует ухода, охраны и воспроизводства. Произошедшее вследствие указанных выше причин отчуждение системы власти-собственности от жизни природы, пренебрежение структурой и ритмами функционирования экосистем обошлось российскому обществу огромными потерями финансовых и иных ресурсов, болезням и смерти людей и еще более глубоким отчуждением населения от власти.

Организация природоохранных сетей тесно связана с организацией лесного и другого хозяйства, их нормативной базой и структурно-функциональной организацией (размером участков лесничеств и лесохозяйственных угодий, регулярностью рубок ухода, наличием пожарных просек, обеспеченностью техникой и инвентарем и т. д.). В советское время и вплоть до середины 2000-х гг. эти наземная и авиационная служба существовали, и у них были горизонтальные связи (конные, пешие, автотранспорт, авиация, телефон, добровольные общества). То есть *сопряженное развитие* этих служб в трех пространствах (см. Главу 2), осуществлялось. Поэтому сети экологических НПО лишь дополняли (экологическая пропаганда, участие в лесопосадках, создание школьных лесничеств) и отчасти контролировали это государственное хозяйство. Когда же оно было разрушено и наступило хозяйство рыночное, обремененное алчностью и безответственностью, экоНПО *не могли компенсировать* деятельностью своих ячеек и сетей разрушенный экономический и социальный порядок.

Принципиальный вывод из критической ситуации лета 2010 г. заключается в том, что *не социальные институты* задавали обществу ритм его жизни и действий, а *Биосфера* своими скачками, колебаниями и другими аномалиями. К ответу на этот вызов ни государство, ни общество были не готовы. Помимо развития сетей предупреждения, оповещения и профилактики возникновения подобных экстремальных ситуаций, о чем все время твердят эколо-активисты, нужен пересмотр многих институциональных структур, в первую очередь лесного хозяйства, а также статуса особо охраняемых природных территорий. А это неизбежно потянет за собой другие политические и организационные перемены.

Возникла коллизия: Лесной кодекс образца 2007 г. не сработал в данной ситуации; совокупность заданных им официальных организаций раз и навсегда закреплена существующей институциональной структурой. Эти организации привязаны к вертикали власти, и ею же определен круг их обязанностей (которые, как известно, далеко не всегда выполняются). Поэтому эта организационная структура – жесткая, с ограниченным набором вариантов стандартных ответов оказалась неспособной ответить на множество нестандартных и/или критических ситуаций, как социальных, так и природных, что и случилось летом 2010 г. Поэтому *не политики*, а ученые-экологи и лидеры

экологических движений, которые ранее боролись против принятия этого Лесного кодекса, выступили в роли публичных фигур, разъясняя обществу причины случившегося.

Еще и еще раз подтверждается моя гипотеза, что экоактивисты, владеющие как комплексом необходимых знаний, так и ноу-хау, «многорукие», очень мобильные, могут быстро переключаться с одного вида деятельности на другой. Объяснение тому очень простое: это образованные, опытные и неравнодушные люди, привыкшие работать с местным населением и потому знающие, что такое экологическая катастрофа и связанная с нею человеческая беда. Никого не хочу обидеть, но врачи – наилучшие помощники экоактивистов в подобных критических ситуациях, просто в силу их профессии и профессиональной этики. Вся история санитарного дела в России/СССР подтверждает это. А другими неравнодушными гражданами практическое знание обретается очень быстро в самом ходе добровольческого труда. Затем, например, функция организатора помощи пострадавшим (логистика) может отделиться. Все перегруппировки очень быстры, потому что диктуются изменением ситуации на местах. Пример: деятельность фонда Доктора Лизы (URL: <http://www.Doktor-Liza.ru>).

Другое принципиальное качество (социальный капитал) этих людей, которые объединены в сети, позволяющем им быстро мобилизовать нужные именно «здесь и сейчас» ресурсы и направлять их в горячие точки. Пример – структуры того же фонда. Когда доктора Лизу спросили, Кто эти добровольцы, что тушат пожары? – Она ответила: «Да там половина живого журнала». Летом 2010 г. блог доктора Лизы в ЖЖ ежедневно читали не менее 10 тыс. человек. Принципиальный вывод: виртуальная сеть способна создавать добровольные виртуально-реальные социальные организации и привлекать к ликвидации катастрофы другие гражданские организации. Эти сети служат не для «выпуска пара», а для реальной помощи природе и людям, то есть они – *ресурсные* и *мобилизационные*. Их ресурсы: сам интернет, включая ЖЖ, неравнодушные люди, их личные знания, время и связи.

Жизненно важно, что информация, циркулирующая по каналам «местные жители–ЖЖ», вернее и быстрее, чем информация по любым другим каналам. К тому же, она более детальная (какова ситуация сейчас там-то и какая конкретно требуется помощь). По официальным каналам такой информации получить нельзя, потому что структура существующих официальных органов слишком крупна и неповоротлива. Вместе с тем, и перенаправить эту информацию некому, так как нет нужных ресурсов и полномочий у лесничеств, нет достаточного количества пожарных станций, а бизнесменов, формально отвечающих за арендованный ими лес, быстро не найти, и т. д. В лучшем случае будет судебная тяжба на несколько лет, а лес горит и люди страдают сейчас, сию минуту!

Официальные организации и лица, ответственные за состояние лесного хозяйства, российской природы в целом, должны владеть искусством *социальной и политической интерпретации* естественнонаучного и технического знания. Никакие опросы общественного мнения здесь не помогут, так как это процедура односторонняя, а нужны диалог и взаимопонимание между науками, равно как и между ними и практиками охраны природы.

Невнимание российских социологов к этому связующему звену между институтами, естественными науками и простыми гражданами тем более удивительно, что в США и Европе ученые-экологи (и не только они) устанавливают при помощи всемирной паутины *прямую связь* между наукой и рядовыми гражданами, вовлекая последних в серьезные научные исследования (см., например, сеть eBird). Образуется сеть «ученый–человек улицы», необходимая для обеих сторон. Ученые без помощи тысяч добровольцев не могут собрать и обработать необходимый массив данных, а простые граждане разбросанные по всему миру, включаются в научный поиск, решая тем самыми две насущные проблемы: накопления своего интеллектуального и социального капитала и преодоления чувства своей отчужденности, заброшенности в этом большом и непредсказуемом мире. Причем не нужно менять места жительства, если индивид включен в такую сеть. Важно, что подобные сети, сформированные учеными и активистами для решения одной задачи, затем могут быть использованы многократно для решения других.

Роль бизнеса

О роли бизнеса как субъекта социальной политики социологи спорили и писали много. Одни видели в бизнесе морального должника, который должен делиться своими прибылями с простыми людьми. Другие – что исторически у российского бизнеса по отношению к людям всегда была роль благотворителя («благодетеля», как иногда именовали эту роль). Третьи полагали, что он – партнер социальной политики. Иными словами, все сходились в том, что он должен так или иначе отвечать за жизнь людей, поддерживая подающих надежду и помогая сирым и убогим (Чирикова и др., 2005; Рябов, 2005; Чирикова, 2007 и др.).

Однако события последних лет практически не подтверждают любой из этих выводов. Традиция русского бизнеса, не только помогавшего вещами и деньгами пострадавшим от пожаров, засухи и голода, но строившего по всей стране школы, больницы и странноприимные дома, участвовавшего в создании Третьяковки или Музея изящных искусств и других культурных центров мирового значения, не привилась в нашем обществе. Борьба вокруг закрытия/открытия БЦБК, авария на Саяно-Шушенской ГЭС и множество других случаев, о которых не пишет пресса и которых не показывают по телевидению, продемонстрировали нежелание бизнеса участвовать в социальной политике, если его к этому не принудят власти высшего уровня.

Вот свежий пример. Свой визит в Заполярье премьер-министр начал с заявления о том, что Норильск включен в список городов с наибольшим уровнем загрязнения воздуха по диоксиду серы и экологическая ситуация там особо тяжелая. Это действительно так.

Но вот какво объяснение этому. «Катастрофическая экологическая обстановка в Норильске ни для кого не является секретом. Но мало кто знает что причиной ее существенного ухудшения стало решения руководства «Норникеля» трехлетней давности укоротить трубы комбината. Менеджмент «Норникеля»...внял требованиям США и Канады – они жаловались, что ядовитые выбросы «Норникеля» долетают до их территорий и портят тамошнюю экологию. При проектировании завода оптимальная высота трубы рассчитана

таким образом, чтобы обезопасить окружающую среду (и, заметим, жителей города тоже – О.Ян.) от промышленных выбросов. И претензии американцы и канадцы предъявляли еще в советское время. Но тогда власти не пошли на поводу у соседей. Времена изменились, у «Норникеля» в середине 90-х появились частные собственники, которые за счет продажи его продукции обеспечили себе первые строчки в списке «Форбс», новые технологии экобезопасности стали более эффективными и доступными, но вместо того, чтобы создать мощную очистительную систему, руководство комбината просто и дешево укоротило трубы, принеся в жертву здоровье местных жителей». Как просто: трубу пониже, и заморские соседи довольны, а до своих дела нет. А что до того, что «уровень загрязняющих веществ в выбросах компании превышал ПДК в среднем в 100–450 раз, а по меди почти в 2,5 тыс. раз» (Кротов, 2010: 12), это личное дело каждого: не хочешь – не работай.

А при чем здесь пожары, спросите вы? А при том, что игнорирование правил экобезопасности, невнимание к здоровью людей, будь то его работники или их семьи, – *общий принцип* работы большей части нашего бизнеса. Чем он отличается от западного – читайте сводки о катастрофе от разлива нефти в Мексиканском заливе. Если в дело «Норникеля» пришлось вмешаться лично премьеру, значит оно из ряда вон выходящее. Однако, когда региональная власть берется за дело всерьез, результат налицо. Так, правительство Забайкальского края за три года снизило количество пожаров в семь раз, а их площади – в 30 раз! «Мы исключили бизнес из лесных пожаров», – сказал премьер Забайкальского края Александр Холмогоров (URL: <http://www.chita.ru/articles/22852>).

Конечно, ряд крупнейших российских компаний помогут в ликвидации последствий катастрофы. В лидерах (по объему вложений) находятся АФК «Система» – 600 млн. руб., Объединенная металлургическая компания – 300 млн. руб., Интеко – 150 млн. руб., Северсталь – 120 млн. руб., Русал и Сургутнефтегаз по 100 млн. руб. и другие, всего я насчитал более 20 компаний. Помощь в основном будет направлена на строительство жилья и объектов соцкультбыта, на создание новых рабочих мест, обеспечение мобильными телефонами с сим-картами, обеспечение оборудованием для приема спутниковых каналов «НТВ-Плюс», работу по обводнению торфяников, налаживанию службы оповещения о пожарах и т. д. Но и здесь не все просто.

Сейчас, когда утихло, снова возобновилась дискуссия о том, как быть с торфяниками: заливать или продолжать разрабатывать. Бывший мэр Москвы Ю.М. Лужков, губернатор Тверской области Д. Зеленин охотно делятся своими бизнес-планами относительно их использования (как топлива и др.). Зеленин полагает, что «нужно внедрять страховые принципы в сфере сохранности имущества», для начала «уменьшить количество государственных требований к арендаторам». Далее, «надо включать меры экономического стимулирования для разработчиков торфяников. У нас есть наработки в этой области. У нас есть несколько предприятий, которые производят древесные пеллеты» – это «такие сыпучие дрова, которые можно использовать для топки. Таких заводов у нас четыре, и в этом году еще три вводятся в строй. На 80% они экспортноориентированны». Но «есть темы, которые губернатор предпочитает обходить стороной. Например, раскрывать собственников некоторых территорий области, в частности той земли, на которой строится новый город Большое

Завидово» (Ведомости, 18.08.2010). Некоторые иностранные компании, работающие на территории Московской области, не дожидаясь призыва, уже оказали денежную и материальную помощь погорельцам.

Как работал бизнес на пожаре – это вопрос для скрупулезного исследования. Благотворительные фонды и добровольцы сделали очень много, но, скажем, оборудовать и обставить уже готовое жилище для погорельцев, закупить для них семенной материал или скот, они не могут. Да еще не ясно, сколько будет тех, кто попытается возродить свое хозяйство на выжженной земле. Пока ясно одно: бизнес участвовал в тушении пожаров не столько как институт, сколько *в личном качестве*. Причем, это был в основном малый и средний бизнес. Бизнесмены за свои собственные деньги предоставляли транспорт, покупали нужные погорельцам продукты, медикаменты, инструмент и технику для тушения пожаров и обеспечения ими пострадавших. В общем действовали прежде всего как *неравнодушные граждане*, а не как безучастные «обыватели» или «деловые люди». По мнению А. Ярошенко, лесной бизнес себя не оправдал: не более 1/4 арендаторов лесных земель участвовали в тушении пожаров. Оно и понятно: по Лесному Кодексу они не обязаны это делать.

Но помощь малого бизнеса была разовой – делать это постоянно он не может. Но он может и частично уже делает другое. Пока шла стройка и прокладка коммуникаций, этот бизнес обеспечивал погорельцев товарами и услугами первой необходимости, поскольку стационарная сеть медицины, торговли и обслуживания все еще восстанавливается. Какими образом? Как и 20 лет назад: прежде всего *сетью челноков* из соседних, не пострадавших районов, а возможно и из числа самих погорельцев. Это ведь тоже форма самоорганизации. Помогали и сетевые магазины из больших городов, Самары, Нижнего Новгорода или Волгограда. Логично было бы в пострадавших районах создать на время сеть магазинов с товарами первой необходимости *по социальным ценам*. Но никто этим всерьез не занимался.

Резко обогатился строительный бизнес, в частности потому, что для возведения жилья в столь короткие сроки местной рабочей силы нужной квалификации явно не хватало – приходилось обращаться на сторону и завозить гастарбайтеров. А это уже почва для конфликтов. Так, губернатор Волгоградской области «заявил, что восстановлением сгоревших домов будут заниматься строители из других регионов», чем вызвал недовольство областных строительных компаний и так находящихся не в лучшем состоянии (Гамзаева, 2010). Я не понимаю, как можно уложить в предельно сжатые сроки строительства существующие громоздкие и мало прозрачные конкурсные процедуры распределения строительных подрядов, которые, как показала практика, зачастую ведут к отсрочке начала строительных работ и «нецелевому использованию» выделенных государством и бизнесом средств. Обогатились местные строительные рынки, потому что на выделенные погорельцам деньги все равно возродить индивидуальное хозяйство невозможно, придется им брать кредит: под залог чего и под какие проценты неизвестно. Наконец, объединятся ли погорельцы для самопомощи в форме создания кооперативов: вопрос до сих пор открытый. Полагаю, что местные дельцы будут этому препятствовать.

Остается открытым и другой ключевой вопрос: кто и как будет реабилитировать лес? Явно, не его арендаторы. Восстановление и реформа лесного хозяйства – дело долгое, но бизнес, как и несколько лет назад, будет отстаи-

вать свои сиюминутные интересы. Но сгоревший лес надо срочно утилизировать, иначе к июню 2011 года он станет источником опасности для соседних здоровых лесов.

Что касается местной власти, то не думаю, что даже после острой критики в ее адрес с самого верха она сможет, точнее захочет, налаживать такой малоприбыльный и хлопотный бизнес, когда у нее открываются возможности для участия в распределении государственной помощи. Большие предприятия (если их не «нагнут», выражаясь принятым теперь у нас языком), там, где они есть, тоже помогут, но прежде всего своим работникам, что естественно. С остальными же могут поделиться списанным или еще чем-то им уже ненужным, покрыв тем самым частично убытки от той помощи, которую им прикажет оказать федеральная власть.

Я не знаю, как федеральная власть определила размер государственной помощи для восстановления жизни в пострадавших регионах. Но, исходя из вероятности «второй волны экономического кризиса» (Сонин, 2010), засухи и уже произошедшего подорожания ряда продуктов питания первой необходимости, разгоняющейся инфляции и ожидаемого падения курса рубля по отношению к доллару и, конечно, неизбывной коррупции, ясно, что суммы, требуемые для восстановления систем жизнеобеспечения погорельцев, будут возрастать. Пока не ясно, выделены ли дополнительные средства на науку, которая способна резко повысить эффективность процесса реабилитации леса (см. Независимая газета. 08.09.2010. с.6).

«Гражданскому обществу в России пора научиться доверять» – это слова Игоря Корнилова из Ульяновской области. Напомню, что малый бизнес, как и средний и большой (за исключением государственных корпораций), – тоже часть гражданского общества. Погорельцам кроме помощи нужно участие, сострадание. «Мы предпочитаем, – говорит Корнилов, – прямую передачу во всех случаях, когда это возможно, и я готов объяснить почему: для погорельцев есть разница, получить помощь от организации или от самих граждан. Когда они получают помощь от организации, пусть и общественной, то некоторые воспринимают это как “подачку с барского плеча”, и начинают требовать ещё и ещё (попадают такие), всерьез считая, что им *обязаны* помогать. Я спокойно отношусь к таким ситуациям, понимаю, стресс и всё остальное. Но как раз лучшим средством от стресса, является *непосредственное человеческое участие*. Только в этом случае люди приобретают веру в то, что их не бросят, им помогут, что они живут среди людей, которые хотя и разные, но хороших больше. Мне не раз доводилось слышать – спасибо, как от погорельцев, так и от тех, кто им смог помочь лично, так сказать: “глаза в глаза”. Пострадавшим от пожаров, по моему глубокому убеждению, очень важно ощутить поддержку таких же людей, как и они сами, а не от чиновников, не от должностных лиц, а вот наша задача – *оказать содействие и тем, и другим*».

Даша Глебова, волонтер, с другой стороны, но о том же: «Я начинаю теряться в этом море оказывающихся бестолковыми телефонов, ссылок и информации. Перестаю контролировать то, что я собственно делаю. И мне абсолютно не нравится, что я невольно превращаюсь в какого-то дезинформатора. В общем, путь один – организовываться в группы и *делать все самому*» (выделено мною – О.Ян.). Отсюда, вытекает общее правило: чем меньше посредников, тем лучше. Прямые связи между бизнес-донорами и пострадавшими

ми – экономические, материальные, информационные, – самые эффективные. Сети человеческого доверия и взаимопомощи – основа действий гражданского общества в стрессовой ситуации.

Погорельцы и местная власть

Начнем с конституционных прав местных жителей. Статья 12 Конституции РФ говорит: «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти». «Не входят» – это момент принципиальный. Далее, Статья 130, п. 1. Конституции гласит, что «Местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью», а п. 2 – что «Местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы местного самоуправления». Наконец, Статья 32, п. 1 говорит, что «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей», а п. 2 – что «Граждане Российской Федерации имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме».

Мы видимо настолько привыкнув к тому, что власть «вертикальна» и что все ее уровни как-то срослись в одно целое, забыли, что по Конституции местное самоуправление – это важнейший конституирующий элемент *гражданского общества*. Что не государственные чиновники, а местные жители должны объединяться и избираться в органы местного самоуправления, чтобы решать судьбы местного сообщества, регулировать его жизнь, накапливать ресурсы и распоряжаться ими. Более того, по Конституции РФ, «Местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно» (Статья 131, п.1), а п.2 той же статьи утверждает, что «Изменение границ территорий, в которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий» (выделено мною – О.Ян.).

Значит, местное население должно участвовать в работе органов местного самоуправления, в том числе в критических ситуациях. А именно участвовать в том, что далеко не везде делали эти органы: не только добровольно помогать МЧС и армии в тушении пожаров, но и участвовать в распределении гуманитарной и иной помощи. Участвовать и на всех последующих этапах реабилитации населенных мест и среды их непосредственного обитания, пострадавших от пожаров и засухи. Премьер министр обещал контролировать строительство жилищ для погорельцев. Вопреки популярной в советские времена песне, «мне сверху видно все, ты так и знай», вся механика, все детали видны лишь снизу, точнее изнутри этого процесса. Недаром иностранное словечко «инсайдер» и «инсайдерская информация» получили сегодня столь

широкое распространение. Население тоже должно участвовать в контроле над восстановительными после пожаров работами и распределением ресурсов, выделенных государством. Так что задача *общественного участия* с повестки для не снимается, напротив, она приобретает особое значение. Если население не будет только «ждать помощи сверху», а примет участие, в том числе, как говорит Конституция РФ, «путем прямого волеизъявления граждан», значит мы продвинулись в деле модернизации страны снизу даже в критической ситуации, а может быть благодаря ей. Большинство погорельцев осталось без своего главного ресурса существования (он же – ресурс выживания): огорода, птицы, скота, и местная власть, его власть, должна ему в этом помогать. Но пока на нее взваливают все новые обязанности, а местные бюджеты урезаются и урезаются.

Если местное население не возьмет процесс реабилитации под свой контроль, не будет участвовать в нем, то, боюсь, начнется новый передел средств, выделяемых государством регионам, пострадавшим от пожаров и засухи, тем самым в который раз подтверждая тезис акад. Ю. Пивоварова о «передельном» характере российского социума. В самом деле, хотя кадастровые работы были проведены, но после такого пожара часть жителей пойдет искать лучшей доли, другие просто не смогут начинать жизнь сзизнова, у многих документы на право владения или сгорели или оформлены неправильно. Появятся и выморочные участки. Будут «передельные» конфликты между родственниками и соседями. Будет затяжная борьба погорельцев с местными властями за право получить то, что жителям положено по закону. Уже слышны голоса местных чиновников: «Ах, вам это В.В. Путин обещал, так к нему и обращайтесь, а у нас денег нет!». Еще свеж в памяти конфликт городских властей и жителей поселка «Речник», построенный на окраине Москвы в 1950-х гг. Хотя жили в нем коренные москвичи, и за их права боролись члены Общественной палаты РФ, поселок все же был снесен. А в российской глубинке какие местные общественные организации будут отстаивать права погорельцев? А ведь не только надо на ровном месте дома построить и коммуникации подвести, но сделать это, как гласит Конституция, «с учетом исторических и иных местных традиций». То есть превратить новостройку в обжитое место, в экосистему.

Невосполнимые потери

Вследствие летних пожаров 2010 г. срединная Россия безвозвратно потеряла остатки своего национального ландшафта, то есть ценнейшую долю своего культурного капитала. Катастрофа понудила журналистов ввести в оборот новый термин: «ландшафтный пожар» (в моей терминологии, это форма всеобщего риска, когда пожар уничтожает социокультурный ландшафт начисто, как бульдозер). Причина до боли знакомая: «фактический паралич органов управления на местах...Сельские органы местного самоуправления в часы трагедии демонстрировали поразительное бессилие в тушении пожара и организации спасения людей. О профилактике <такого> чрезвычайного происшествия и говорить не приходится» (Серенко, 2010).

Но и до пожаров лучшие, уникальные куски этого ландшафта беззащитно растаскивались или уничтожались партноменклатурой, «новыми русскими» и самим местным населением. Что проект Охта-центра, что строи-

тельство промышленных зданий рядом с Ясной Поляной. С самых первых лет советской власти целенаправленно велся процесс разрушения «экологии культуры» России (Д. Лихачев), которую не могут восстановить никакие краеведы или этнографы. «Храните хранителей!» подобных ландшафтов, то есть тех, кто усилиями многих поколений сформировал местный ландшафт, завещал великий эколог Рене Дюбо. Пожар согнал этих хранителей с места и уничтожил сами ландшафты, включая многие особо охраняемые территории, то есть эталонные экосистемы (вот, что значит техническая цивилизация: палату мер и весов охраняют как зеницу ока, а эталон природы может быть стерт с лица земли в любой момент, и никто за это не ответит). Иными словами, пожар уничтожил часть мирового научного и культурного наследия. Российские социологи, зарабатывающие «репрезентативными опросами», редко работают с понятиями ландшафта и тем более локального знания. Пожары уничтожили это уникальное знание особого рода (*local knowledge*), которое отнюдь не сводится к этнографическому или этнологическому знанию.

Тем более локальное знание не сводится к опросам местного населения. Это вообще *иной род знания*, не всегда рационального, оно скорее относится к феномену *культурной рациональности*, о котором я уже говорил, поскольку в нем присутствуют элементы традиции, личного опыта и веры, но всегда представляющего собой взгляд *изнутри* ситуации или ландшафта, но никак не с птичьего полета или в результате массового опроса. В известной мере эти два вида знания – снаружи и изнутри – «перпендикулярны» один к другому. «Локальное знание» добывается социологом или антропологом, если они следуют методологическому принципу «иди за актором» (*follow the actor*). Локальное знание – не нормативное, оно скорее практическое и ситуативное. В нашем быстро меняющемся мире его значение возрастает (Яницкий, 2006; Irwin, 2001).

К локальному знанию относится также знание о местных институтах коллективности. Прав Э. Паин, который вслед за З. Бауманом утверждает, что «общество обречено на гибель, на полный коллапс социально-нормативной системы, если новые институты коллективности не смогут совместиться с традиционными» (Паин, 2010). Те, кто думает, что вместе с лесами и деревнями, сгорела отсталая, архаичная Россия, жестоко ошибаются. С одной стороны, традиция вполне может ужиться с модернизацией – см. концепцию точечной или клеточной глобализации Н.Е. Покровского (Покровский, 2005). С другой, модернизационный импульс не может быть подобен вакцинации – все равно надо выращивать, воспитывать модернизационную традицию и модернизационную среду, даже на пожарище. Полвека назад всемирно известный архитектор Ле Корбюзье спроектировал и построил в Индии г. Чандигарх со всем комплексом современных удобств западного образца. Но местные люди заселили и обжили его по-своему, разжигая костры в жилых помещениях и не пользуясь туалетами. А ведь это была британская колония с сильными европейскими традициями. Все равно модернизация как «конструкция в чистом поле» не получилась. И у нас не получится, если не беречь наш культурный капитал и считать, как сейчас принято, что лучше всего строить новую жизнь на выровненной бульдозером площадке.

Заключение: что делать социологам?

Очень не хочет местная власть (в которой все меньше местных и все больше чиновников, работающих вахтовым методом) делиться «инсайдерской информацией». Очень не хочет эта власть, чтобы социологи топтались на ее поле. В 1964 г. по просьбе Владимирского обкома КПСС в составе группы урбанистов, я, тогда начинающий социолог, принимал участие в социологическом исследовании г. Владимира. Конечно, власть и в те времена не раскрывала всех своих карт, но о жизни горожан хотела знать больше и подробнее – не чета нынешней. Позже, в ходе перестройки (1986-91 гг.), жители многих малых и больших городов и поселков обращались к социологам за помощью с вопросом: «как наладить местное самоуправление». Именно тогда возрождающаяся российская бюрократия обозначила политический рубеж: «местной власти помогайте, уборкой территорий и посадками там всякими занимайтесь, но властные структуры не трогайте и в них не лезьте!». Ларчик открывался просто: уже тогда «местное самоуправление» было всего лишь филиалом вертикальных партийных, государственных и хозяйственных структур. Никакие обращения к генсеку М.С. Горбачеву или в обкомы КПСС не помогали, потому что уже тогда местная власть была по существу монополией или как минимум локальной корпорацией. События в станице Куцевской – лишь логическое завершение этого процесса оукливания местной власти.

Что в начале 1990-х гг., что сейчас (см. массу публикаций по конфликту вокруг Химкинского леса), местная власть вместе с бизнесом «перекрывает кислород» любой местной инициативе самым привычным для них образом: принуждением к одобрению ее решений и действий, угрозами увольнения, лишением премий и т. д.) Более того, как показали недавние исследования, местные чиновники совсем не рады визитам социологов, предлагающим им ценную информацию о жизни их собственного города или поселка. Она им просто не нужна. Что им действительно нужно, чиновники знают лучше социологов: инсайдерская информация и есть их капитал. Местным общественным организациям (ветеранов и др.) они говорят: занимайтесь своим делом, рассказывайте школьникам о войне и т. п. То же говорят профсоюзным организациям, если они есть. Более того, повсеместно стремление перевести работу общественных организаций на коммерческую основу. «Не хотите? – Тогда мы повысим вам аренду в 10 раз или объявим тендер на ваш клуб, спортзал, бассейн и т. п.». Местная власть хочет иметь *рену с общественной деятельности*, и с социологов тоже. Старый принцип «разделяй и властвуй» работает исправно. Власть поддерживает общественные мероприятия только тогда, когда ей это выгодно, по деньгам или для престижа. Сегодня есть журнал «Местное самоуправление», но нет серьезных исследований местной жизни. То есть той самой инсайдерской информации о реальном положении дел в важнейшем из трех пространств, о которых говорилось выше. Перестройка шла в 1990-х гг. сверху и снизу, но странным образом никак не затронула этого низового и самого массового института власти. Успех в деле реабилитации пострадавших территорий может быть достигнут только, если социологам *совместно* с гражданами, являющимися одновременно экспертами, удастся совместить решение трех задач: массовости общественных инициатив, их

сотрудничества с другими партиями и движениями и настойчивости в деле реализации своих конституционных прав (см. выше). Может быть кто-то из социологов все же займется этим вопросом всерьез?

Наконец, еще одна новая профессиональная проблема. Как уже многократно отмечалось на страницах этой книги, многое в ликвидации последствий катастроф и развитии самого гражданского общества было достигнуто благодаря виртуальным сообществам и сетям. Но они исчезают так же быстро, как и появились. «Мы отдаём себе отчёт в том, – писала группа аналитиков из Гражданской палаты г. Пермь, – что интернет – не универсальный информационный источник. Многие активисты, их группы и формы активности по самым разным причинам просто не могли оставить следов в интернете. Прежде всего, речь идёт о местных сообществах сельских поселений и малых городов, оказавшихся непосредственно под ударами стихии. Их самоорганизация если и происходила, то в высшей степени стихийно и стремительно и, как правило, так же быстро угасала, часто не оставив никаких информационных следов в публичном пространстве» (Аверкиев и др., 2010, С. 2). Не зря эти гражданские аналитики назвали свой доклад «экспресс-анализом по остывшим следам». Значит, надо заводить специальный архив «текучих» виртуальных феноменов, стараться успеть выйти на прямой контакт с теми, кто их создает. Экологическая катастрофа требует быстрой реакции не только от спасателей и гражданских активистов, но и от нас социологов. Чем не мобилизационная социология?

ГЛАВА 12

Ледяные дожди

Специфика катастрофы

Я согласен с Р. Мэрфи, ведущим канадским социологом, много лет изучавшим последствия экологических катастроф и, в частности, ледяных дождей, «что социология и большинство других социальных наук игнорируют или стараются абстрагироваться от чрезвычайно существенных воздействий <природного> контекста на социальную и культурную жизнь общества. Эти факты ими упоминаются, но только используя собственный язык этих наук, причем всегда в кавычках или в скобках, а оценка биофизического контекста на социальную жизнь обычно откладывается на потом. Это всегда было ошибкой, потому что люди суть существа, жизнь которых “встроена” в биофизические процессы. И именно эти процессы все чаще подрывают наши представления о безопасности и господстве человека над природой» (Murphy, 2010: 15, 342).

В период с 25 по 29 декабря 2010 г. в ряде регионов Центрального и Приволжского федеральных округов России произошла экологическая катастрофа: шли ледяные дожди. Эта катастрофа сопровождалась катастрофой энергетической: массовым отключением населенных пунктов, промышленных объектов и учреждений жизнеобеспечения (больниц, школ и др.) от энергоснабжения. По предварительным оценкам, от этой двойной катастрофы пострадали несколько тысяч населенных пунктов, в основном в Московской, Нижегородской, Смоленской, Тверской, Ярославской и Владимирской областях. Непосредственной причиной этой двойной катастрофы стал так называемый «ледяной дождь» и последующие сильные снегопады.

Ледяные дожди, охватившие Центральную Россию и другие ее регионы, были одновременно продолжением летних пожаров и специфической формой экологической катастрофы, хорошо известной в США и Канаде (так, в январе 2011 г. Восточные штаты США накрыли сильные снегопады, а в Нью-Йорке в это время шел ледяной дождь), но практически неизвестной – в таком масштабе и продолжительности – у нас. Ледяной дождь представляет собой особый вид осадков, состоящих из мелких ледяных шариков. В результате на ветвях деревьев, жилых и промышленных зданиях, мачтах и линиях ЛЭП образуется достаточно толстый слой льда, который может нанести серьезный

ущерб природе и человеку, дороги и тротуары превращаются в сплошной ка-ток. Ледяной дождь, перемежаясь с обильными снегопадами, приводит к об-рыву линий электропередач, что, как и произошло, на много дней (и даже недель) лишило тысячи жителей света, тепла и вообще – возможности вести «нормальную» жизнь. В частности, эти дожди фактически парализовали движение транспорта в Москве и крупных городах; случившись в предново-годние дни, эти дожди парализовали также работу московского авиаузла, что привело к задержкам вылета сотен рейсов, причинив серьезные неудобства тысячам пассажиров (срок предполетной подготовки самолетов увеличился: вместо обычных 10 мин. необходимо было затратить по полтора–два часа на обработку самолета реагентами). В результате жизнедеятельность московского региона была сильно осложнена: *без электричества* в области остались *более 100 тыс. человек*, проблемы возникли с движением поездов, троллейбусов и трамваев, задержаны авиарейсы. Так, по данным Росавиации, на 26 де-кабря из аэропорта Домодедово на вылет были задержаны более 100 рейсов. Аномальная жара со смогом летом 2010 года и ледяной дождь в конце дека-бря нанесли серьезный ущерб как лесам, так и зеленым насаждениям горо-дов. В ночь с 1-го на 2-е января 2011 г. пошел обильный снегопад, поднялся шквалистый ветер до 18 метров в секунду и это был уже второй удар стихии, который привел к нарушению электроснабжения и вызвал принятие решения губернатором Московской области о введении режима чрезвычайной ситуации в ряде ее районов. Под тяжестью намерзшего на ветви и хвою деревьев льда, со всех сторон слоем в несколько миллиметров, деревья, главным образом бе-резы, гнутся и местами ломаются, особенно в молодых и средневозрастных на-саждениях. Наибольшая степень повреждения деревьев, по предварительным данным, наблюдается в Московской области (В центральных регионах..., 2010).

Ледяные дожди – специфический вид природной аномалии, которую я назвал бы «*ковровой катастрофой*» или еще одной формой *всеобщего ри-ска*, поскольку в отличие от пожаров, носивших по большей части очаговый характер, она целиком покрыла пространство в сотни тысяч кв. километров. К тому же эта катастрофа, случившись вскоре после лесных и торфяных по-жаров, была их «обременением», поскольку не дала людям возможности хотя бы частично справиться с последствиями предыдущей. Вообще, за последние несколько лет европейская часть континента систематически подвергается воздействию природных аномалий и прежде всего резких колебаний темпера-турного режима, к которым ни человек, ни вся его жизненная среда, включая жилище, дороги и всю техническую инфраструктуру его жизнеобеспечения, не приспособлены. Кумулятивный эффект от череды наезжающих друг на друга экологических катастроф в отношении здоровья человека и состояния природных экосистем еще только предстоит выяснить. Ледяной дождь – еще одно напоминание, сколь хрупкой, зависимой от природы является наша ци-вилизация, вся ее сложная техническая механика.

Однако, как выяснилось, сегодня всякая природная аномалия – ис-точник повышенной опасности и даже человеческих смертей. Выпало больше чем обычно снега, – увечья, резкая оттепель – опять травмы и увечья, провал крыши под тяжестью снега и льда – снова человеческие несчастья. Причем это происходило как в столицах и крупнейших городах, так и в малых на-селенных пунктах. Приходится признать, что обветшавший жилой фонд, не отремонтированные дороги, дефицит городского бюджета и равнодушные чинов-

ников, то есть вся городская инфраструктура, представляет собой перманентный источник рисков, от которых гражданам просто некуда спрятаться. Это и есть еще одна форма всеохватывающего риска. Но это – отдельная история, вернемся к ледяным дождям, хотя они в совокупности со снегопадами и резким ветром резко повысили степень риска для жителей десятков городов.

Причины возникновения

Природная аномалия? – Да, но только отчасти. Корни этих «ледяных бед» – все те же: безответственность, отсутствие гражданского контроля на энергетическими и другими монополиями, коррупция и «нецелевое использование средств» (официальный эвфемизм) или, попросту говоря, воровство. И подчеркну особо, нежелание хоть как-то модернизировать энергетическое хозяйство страны. Масштабная реформа электроэнергетики, проводившаяся с большой помпой в течение ряда лет, дала лишь один очевидный результат: разрушение единой энергетической системы страны, действительного достоинства советской эпохи. По мнению специалистов, практически всю промышленную инфраструктуру нашей страны надо не модернизировать, а строить заново. История со сгоревшим стареньким трансформатором в Чагине (район Москвы), когда это вызвало blackout почти пол-столицы, была первым звонком. И это – закономерный результат ориентации нашего бизнеса исключительно на максимизацию прибыли. Более того, «за модернизацию энергетического хозяйства, а только в Подмосковье это составит примерно 2,8 трлн. рублей, все равно заплатит конечный потребитель, то есть население. Маленький но символический нюанс: все это называется программой реновации. Не модернизации, а именно реновации, то есть нового выстраивания советской инфраструктуры на деньги налогоплательщиков и потребителей, как оно и было в СССР, хотя и с помощью иных механизмов... В тариф будут заложены все затраты (плюс откаты) на воссоздание неэффективной схемы размещения. Несмотря на модную терминологию эффективного менеджмента, в сущности это Госплан» (Полухин, 2011: 3). В условиях коррупции способом максимизации прибыли является не конкретный результат модернизации, а бесконечный процесс разработки ее планов и последующей реализации.

Но вернемся к дождям. Приведу мнение сведущего человека: «Да, провода обледенели. Обледеневшие деревья падали на них, выводя линии из строя. А почему у нас такое допотопное сетевое хозяйство? Почему энергоснабжение огромного количества населенных пунктов оказалось критически зависимым от этих проводов? Почему эти провода не были давным-давно убраны в виде кабелей под землю? Почему деревья падали на провода? Где полосы отвода? Почему эти полосы не расчищали?»

Потому что деньги не вкладывались (простите меня за это слово) в модернизацию сетевого хозяйства. Потому что главным в нашей реформе электроэнергетики было создание генерирующих компаний – «голубые фишки», и тогда туда, вроде как, пойдут инвестиции. Потому что созданные компании, получая значительные прибыли, не спешат вкладывать эти деньги в развитие. Пока играли в эти «фишки – шашечки», износ основных фондов оставался сверх всякой меры.

Какое там решение задачи? Убрать провода под землю, чтобы повысить надежность энергоснабжения? Другие задачи решаются. Главное, чтобы тарифы были побольше. У нас было почти десятилетие бешеных цен на нефть, у нас были, соответственно, и средства на обновление основных фондов в электроэнергетике. Но чисто большевистский подход к реформированию сложнейшей отрасли привел и к трагедии на Саяно-Шушенской, и к страданиям многих людей зимой 2010-2011 гг.» (Николаев, 2011).

Ситуация и расстановка сил

Ледяные дожди ударили прежде всего по жизненно важным коммуникациям жизнеобеспечения сотен тысяч людей. Однако ситуация сразу стала социально дифференцированной: для одних это была катастрофа, для других – серьезные материальные потери, для третьих – временные неудобства. Более всего пострадали жители малых городов и сельских поселений. Дифференциация произошла и по имущественному признаку: материально обеспеченные люди тут же обзавелись альтернативными источниками жизнеобеспечения, бедные могли только ждать помощи от государственных служб, которая в условиях сильного снегопада не могла придти своевременно и потому, по неофициальным оценкам, стоила десятков жизней. Тем, кто снабжался теплом и светом от тепловых станций или местных котельных на мазуте и угле повезло больше; тем, кто зависел исключительно от централизованного снабжения электроэнергией – значительно меньше. По имеющимся скудным материалам, я не нашел в поведении пострадавших признаков катастрофического сознания. Да тревога и страхи были, но не метафизические, а вполне земные: как будет завтра, где жить, что есть и т. п. По результатам массового обследования 1999 г., 68% «западников» и 89% «традиционалистов» более всего опасались снижения своего жизненного уровня (Иванова, 1999: 107). Нет у меня сравнительных данных, но полагаю, что когда у человека есть цель и ресурсы для ее достижения, страха у него нет – есть забота и опасение, что он может не справиться.

О расстановке сил в привычном понимании трудно говорить, так как здесь не было прямого столкновения интересов власти, бизнеса и гражданского общества (возможно, что это произойдет позже). Тем не менее, ясно, что частные сетевые энергетические компании, понесли значительные убытки, которые, правда, по мнению специалистов, уже были или будут погашены из государственного бюджета. Во всяком случае, интересы обслуживаемого ими населения были не на первом месте. Поскольку blackout был налицо, то скорее восстановлением энергоснабжения были озабочены областные власти и, в первую очередь, Московской области. Тем более, что на них оказывал давление сам премьер-министр. Но, как оказалось, распоряжения высоких чинов из областных администраций не оказали мобилизующего воздействия на сетевые компании – дело восстановления сетей шло как шло всегда, ни шатко ни валко. И были тому опять же объективные причины: полосы отвода в большинстве случаев не были расчищены, упавшие или наклонившиеся деревья смерзлись, так что к поврежденным или упавшим мачтам ЛЭП

быстро подобраться было невозможно. Коренная причина все та же: она не экологическая, а системная, основанная на известном принципе: максимум прибыли – минимум ответственности.

Как всегда, выжимая максимум из предновогодней горячки путешествий, руководители наземных служб аэропортов не обращали внимания на предупреждения о приближающемся резком изменении ситуации: несмотря на прогнозы, аэропорты оказались не готовы к возможному коллапсу и действовали по ситуации. Как написал в выходные в своем живом журнале гендиректор аэропорта Шереметьево М. Василенко: «На протяжении последних двух суток мы столкнулись с редким для наших широт природным явлением – переохлажденными осадками, т. н. «ледяным дождем». Причем уникальность не столько в самом метеоявлении, а в том, что оно продолжается уже больше 48 часов... Для авиакомпаний очень трудно точно спрогнозировать время вылета рейсов. Они не могут сформировать свое расписание. Из-за этого мы сейчас не можем оперативно оповещать наших пассажиров об изменениях в расписании» (Цит. по: Селина, Селиванова, 2010).

Поведение населения

Как и в случае с лесными пожарами, определяющим фактором было разделение населения на богатых и бедных. Первые могли уехать (в другое место, в свой второй дом, к родственникам, за границу), вторые – этого сделать не могли. Здесь проявилась так и не преодоленная территориально-имущественная дифференциация: большой город, богатый пригород, городки и кварталы, застроенные старыми панельными домами, где живут в основном «бюджетники» и, наконец, деревня. Естественно, что ледяные дожди почти не имели никаких негативных последствий для богатых – минимум временных неудобств (заторы на дорогах, необходимость включения автономных систем освещения и обогрева загородных домов). Для бедных последствия были куда серьезнее: холод, невозможность из-за заносов и гололеда купить необходимые лекарства и продукты, не получение вовремя медицинской помощи, пенсий и т. д. Хуже всего было бездомным – привычные их обиталища оказались холодными или затопленными. Пострадали и гастарбайтеры, если они не имели возможности уехать домой. По сравнению с летними пожарами волонтерская помощь была значительно меньшей, никаких виртуальных сообществ взаимопомощи почти не возникло.

В этом случае трудно выявить главный и другие фреймы, поскольку мобилизации населения практически не происходило. С известной долей условности можно сказать, что искейп был главным фреймом богатых, а бессилие и пассивное ожидание помощи – бедных, что вполне соответствует введенному З. Бауманом разделению населения на «поточников», то есть тех, кто свободно перемещается по всему миру (современные «кочевники») и «привязанных» к месту жительства или работы. Если у богатых темп жизни продолжал *ускоряться*, то у бедных произошло его *общее* вынужденное *замедление*, что, как подтвердила жизнь, стоило многим из них здоровья и даже жизни. Интегральная оценка произошедшего, данная бедными, была прежней: «придется терпеть, не было бы хуже».

Нужна ли была в данном случае самоорганизация местного населения? Точнее, могло ли оно что-либо сделать самостоятельно, чтобы уменьшить материальные и людские потери и ускорить реабилитацию? Нужна и очень, если бы муниципальные образования состояли из реальных самоорганизующихся единиц, обладающих средствами, техникой. Но поскольку муниципалитеты уже давно стали филиалом областной власти, без средств и без ответственных и квалифицированных кадров, без прав контроля над состоянием энергосетей, то ответ напрашивается сам собой: *самоорганизации без прав и ресурсов быть не может*. Конечно, взаимопомощь, как и некоторая помощь знакомых и родственников, живущих в больших городах, осуществлялась, но существовала она только на бытовом уровне. Никакой социальной *мобилизации* в строгом смысле этого слова не могло быть. Выживали как всегда: терпением, смекалкой, помощью от близких. Поэтому практически не было, как в случае с лесными пожарами, и эмерджентных виртуальных систем помощи и поддержки. Сработала культура бесконечного терпения пожилых, которым такие ситуации были далеко не впервой. Об эвакуации не было и речи, хотя, например, в Китае из региона, накрытого ледяными дождями (провинция Гуйчжоу), было эвакуировано 22,8 тыс. человек. По предварительным подсчетам, всего от непогоды пострадали 1,8 млн. человек. Ущерб нанесен почти 80 тысячам гектаров сельскохозяйственных угодий. Экономический ущерб оценивается в 300 миллионов юаней (45,3 миллиона долларов) (На Китай..., 2010).

Реакция властей

Поскольку помощь пострадавшему населению в первую очередь должны были оказывать властные структуры, мы остановимся на их реакции на катастрофу. Как выясняется, эта реакция на пожары и ледяные дожди в целом однотипна. Неподготовленность соответствующих институтов и ведомств, несвоевременность, отсутствие координации и безответственность некоторых чиновников, чьей прямой обязанностью было готовиться к такой катастрофе и заниматься ее ликвидацией – вот основные черты этой реакции. Думаю, иначе и быть не могло, поскольку нет у нашего государства экологической политики в строгом смысле этого слова, нет понимания различия между «инцидентом» как частным случаем и катастрофой как всеобщей бедой, поэтому нет и алгоритма реакции на подобного рода катастрофы. Приведу любопытное сопоставление «поведения» бюрократии в ситуации обеих катастроф, выполненное журналистами по горячим следам (см. таблицу 3).

И все же, сопоставляя случаи пожаров и ледяных дождей, убеждаешься, что если есть хоть малейшая возможность *самоорганизации*, то жизнь и настроение людей заметно улучшается. В случае дождей жизнь людей буквально была «подвешена» к состоянию опор магистральных и местных электросетей. А вот в случае погорельцев, очень многое зависело от поведения местной администрации. Вернусь на границу Рязанской области и Мордовии. Волею административного произвола деревня Свеженькая была разрезана пополам между этими двумя субъектами федерации. Деревня-то сгорела вся, но на рязанской ее половине, как не взывали погорельцы к властям и общественности, так и получили, что по закону, то есть новые дома, и не более того. Погорельцев переселили в райцентр, а деревня, где осталось всего 20 дворов,

оказалась «неперспективной» (термин пришел к нам еще из эпохи правления Н.С. Хрущева). И действительно, если реализуется «планов громадьё» (В. Маяковский) иных модернизаторов, то есть произойдет сселение экономически активного населения страны в два десятка гигантских городских агломераций, то что там какие-то двадцать дворов!

Таблица 3

**Природа власти. Почему так похожи смог в августе 2010 года
и обледенение в декабре 2011-го**

	Смог	Обледенение
Природная причина	Аномальная жара и засуха, не случавшиеся с 1972 г.	«Ледяной дождь», редкое природное явление, последний раз – в 1977 г.
Социальная причина	Лесной кодекс 2006 г.: расформирование Рослесхоза и переложение ответственности на арендаторов	Беспечность и безответственность: нет профилактики состояния электросетей, полос отвода и т. д.
Реакция федеральных властей	Практически никакой	Стереотипная: «устранить», «наладить» и т. п.
Реакция региональных властей	Стереотипная: «все под контролем», «справимся сами». Противопожарной техники на местах нет	Ищут «стрелочников», вопрос об ответственности энергетиков не ставится
Реакция федеральных властей на углубление катастрофы	Двойкая: демонстрация первых лиц своей озабоченности плюс «ручное управление»	Обещания и рапорты в СМИ «устраним в кратчайшие сроки». Blackout продолжается
Дальнейшая реакция власти	Продолжение технологии «ручного управления»: премьер лично наблюдает за процессом восстановления	Отвлекающий маневр: власть требует усилить борьбу с коррупцией, выборы местных властей за восстановление сетей
Кадровые и иные меры	Практически никаких	Наказания только «стрелочников»
Выводы, планируемые перемены	Лесной кодекс не пересмотрен, лесная служба переведена в прямое подчинение правительству	Отчет Роскомгидромета о последствиях изменения климата в целом по стране и миру (2008)
Последствия и их официальная оценка	Официальных подсчетов нет, неофиц.: гибель 60 тыс. чел. Прогнозов относительно здоровья граждан тоже нет	Официальных подсчетов нет, экоНПО: «вероятность повторения лесных пожаров увеличена»
Общий вывод	Вертикаль власти, безответственность бизнеса, коррупция и бедность – мультипликаторы катастрофы	Вертикаль власти, безответственность бизнеса, коррупция и бедность – мультипликаторы катастрофы

Источник: составлено по: Латынина, 2011; Оценочный доклад...; Отчет Роскомгидромета, 2008 и ряду других источников.

А вот на Мордовской половине ситуация совсем другая. Местная власть хотела даже поначалу отказаться от своих полномочий, а потом остались руководить половиной деревни по простой человеческой причине: «Кому-то же надо делать». И стали помогать сельчанам в мелочах, так необходимых, когда

огонь лишил тебя всего. И вот председатель Мордовской половины деревни стала участвовать в распределении гуманитарной помощи, вела списки, помогала одиноким старикам и старухам обставить мебелью новые дома. Сейчас эта председательница «активно продвигает систему льготного кредитования фермерских хозяйств. Некоторые в деревне кредиты уже взяли, накопили гусей и поросят. Скажу чудовищную вещь: мордовская половина деревни, в отличие от рязанской, в большинстве своем оценивает прошедший год как вполне благополучный... Всем, кто хотел остаться в деревне, отстроили новые дома – с газом, горячей водой, и даже оптоволоконный кабель подвели. Кто хотел уехать – получил дом в райцентре Зубова Поляна» (Боброва, 2010: 27). Не ошибусь если скажу, что это и есть мобилизация высшей пробы, без лозунгов и митингов, а по велению совести и чувства долга, что в сущности одно и то же. И все же, при всем при этом Боброва права: «погорельцы потеряли в огне большой кусок прошлого», их кокон «основополагающего доверия и безопасности» уже не восстановится никогда. Дом, свет, тепло есть, однако привычная среда обитания была безвозвратно разрушена.

По имеющимся у меня предварительным сведениям, общественные экологические организации не были готовы к участию в борьбе с ледяной стихией. Вот типичное восприятие лидера одной из таких организаций: «Ситуация была полностью неожиданной... А надо было ожидать, давно пора начать ожидать разные неблагоприятные природные явления, начиная, я не знаю, от, не дай бог, наводнений, заканчивая катастрофическими ветрами, ледяными дождями, засухами, наводнениями и т. д., связанными с изменением климата. Можно спорить об антропогенном, не антропогенном характере, – я в этом не специалист, – что климат меняется, уже доходит почти до всех, кроме как до органов управления природными ресурсами... Наша организация, в общем, не занимается подготовкой к этим явлениям. Подготовкой к подобным явлениям должны заниматься соответствующие ведомства. Если конкретно по лесам, это Рослесхоз. Заниматься надо было видимо тем, что иметь соответствующий штат сотрудников, соответствующие аналитические силы, соответствующий научный потенциал для борьбы и с таким явлением тоже, и с его последствиями. Наша организация в связи с ледяными дождями занималась тем, что пыталась рассказать журналистам, общественности – всем, кому интересно, через сайт и так далее, какие последствия имеет этот ледяной дождь и как, может быть, с ним надо справляться».

Иными словами, не наше это дело – это дело государственных органов. Мы – только информируем о возможных последствиях. Это тем более странно, что в ликвидации последствий пожаров конкретно эта общественная организация участвовала. Но несколько важных мыслей этот респондент высказал: «Наибольшую опасность борьбы с последствиями ледяных дождей представляет собой сама эта борьба. Я имею в виду, что для природы ущерб от борьбы с последствиями будет гораздо больше, чем от самих последствий. Смысл в том, что, несмотря на то, что <пока> нет оценок, сколько там ледяной дождь повалил, поломал, как потом будут распространяться пожары, насекомые, вредители и т. д., – безусловно, весь этот совокупный пул последствий вряд ли превысит миллионы кубометров древесины, которую собираются спилить электрики для восстановления энергоснабжения».

Кроме того, работа ликвидаторов – опасная, ею тоже должны заниматься профессионалы. В самом деле, «работа около линий электропередач, в городе и вне его, сопряжена со многими трудностями... Понятно, что там должны быть квалифицированные вальщики и т. д., чтобы не уронить эти деревья на провода, и чтобы их не замкнуло вместе с этими деревьями. Кроме того, просто уборка погнувшихся деревьев, зависших деревьев, деревьев, находящихся до сих пор под снегом, если не подо льдом, согнутых, представляет собой очень большую опасность для вальщиков, потому что дерево может лопнуть, ветка отскочить и человека убить». Возможно, именно поэтому самоорганизации населения, как при пожарах, не было. «Население пыталось предупредить, чтобы на них, на их конкретные провода деревья не упали. Люди звонили электрикам, но большинство, насколько мне известно, таких вызовов заканчивалось тем, что людям отвечали: “Вот упадет, тогда звоните”».

Фаза реабилитации

Данная фаза – это возвращение к нормальной, то есть к предшествовавшей катастрофе, жизни в ее же условиях: воровства, коррупции, бюрократизма, невыполнения региональными и местными властями реабилитационных планов, разработанных федеральным правительством. Выступая на одном из его заседаний в середине февраля 2011 г., премьер-министр обрушился с критикой на руководителей всех уровней власти, отмечая невыполнение обещаний, данных правительством пострадавшим от пожаров и наводнений более полугода назад. Странно было бы ожидать, что в условиях разрушения «вертикали власти» и усиления самовластия местных князьков они поступят иначе, чем привыкли поступать обычно, преследуя прежде всего свой собственный интерес.

Начнем с условий реабилитации, в соответствии с Лесным кодексом. «Рубка опасных для ЛЭП деревьев должна осуществляться теми, кто осуществляет использование лесов, в границах тех полномочий, которые определяются правоустанавливающими документами на использование лесов. То есть рубка этих деревьев не может осуществляться лесничествами и другими органами управления лесами (в соответствии с принципом «недопустимости использования лесов органами государственной власти»), и не может осуществляться лесхозами и другими организациями, имеющими правоустанавливающие документы лишь на охрану, защиту и воспроизводство лесов».

Далее, «Рубка опасных для ЛЭП деревьев должна осуществляться на платной основе, в соответствии с принципом «платности использования лесов». То есть рубка должна осуществляться или на основании договоров аренды лесных участков, или на основании договоров купли-продажи лесных насаждений – других вариантов платного использования лесов Лесной кодекс не предусматривает (не считая заготовки древесины для собственных нужд граждан и заготовки древесины при осуществлении мероприятий по охране, защите и воспроизводству лесов – к данной ситуации эти варианты неприменимы). Поскольку действующая редакция Лесного кодекса допускает проведение таких рубок без предоставления лесных участков, логично предположить, что речь идет о возможности рубки на основании договора купли-продажи лесных насаждений». И, наконец, вырубка восьми тысяч гектаров леса, пусть

даже формально ради благих целей и в интересах энергетической безопасности – это очень ощутимая потеря для лесов Подмосковья, в особенности для бывшего лесопаркового защитного пояса, где плотность ЛЭП и других линейных объектов максимальна. Даже если такая рубка действительно необходима и обойтись без нее никак невозможно (что во многих случаях вызывает самые серьезные сомнения), проводить ее можно только при условии одновременного обеспечения компенсационных мероприятий – выделения дополнительных земель эквивалентной площади под лесоразведение, причем в тех же районах области и вокруг тех же населенных пунктов, где будут проводиться работы по расширению просек ЛЭП. Разумеется, все вышеизложенное представляло бы серьезную проблему для правового государства с развитым лесным хозяйством.

В наших реальных условиях органы государственной власти могут, как всегда, закрыть глаза на нестыковки в законодательстве в угоду кажущейся целесообразности, предложить собственное толкование Лесного кодекса, очень далекое от буквального, и начать расширение просек под ЛЭП. Аукнуться это может уже летом 2011 года – усыханием примыкающих к ЛЭП лесов, новыми пожарами, потерей ценных рекреационных объектов. А самое главное – это не предотвратит будущие энергетические аварии, поскольку основными причинами их возникновения является не падающие деревья, а чрезмерная изношенность оборудования и утрата профессиональных кадров» (Ледяной дождь..., 2011). Но сколько времени займет восстановление лесов сказать сейчас трудно. Наверное, не менее десяти лет. Но это зависит от того, что именно считать «полным» восстановлением, а что «достаточным».

Как сказал уже цитированный выше экоактивист, наша организация «предлагала *до того*, как идти пилить дополнительные просеки и т. д., *провести оценку* тех лесов, которые предполагается пилить, оценку ценности с экологической точки зрения, социальной и т. д., и на основе этой оценки принимать решение о том, надо ли расширять просеку, или надо искать какие-то технологические решения. Кабель закапывать под землю, например. Опять-таки, посмотреть, возможно, найдутся такие участки леса, которые рубить в долгосрочной перспективе будет дороже, чем закопать кабель в землю» (выделено мною – О.Ян.).

Теперь – о социальных и психологических последствиях дождей и последовавшего за ним *blackout*'а. Они еще серьезнее, потому что дело было зимой, с отсутствием электричества в малых городах отказывает почти все, и восстановление теплоснабжения растягивается на недели и месяцы. Это еще один пример ситуации *всеобщего риска*, связанный с привязкой все городской инфраструктуры к одному источнику энергии. Русская деревня в этом смысле была куда устойчивей. Об автономных и альтернативных источниках энергии, чем так сейчас озабочены в США, начиная от президента и до рядового потребителя, у нас пока и не думают. Нет, думают, но не более.

Но главным, как и всегда, является длительный психологический стресс и ухудшение здоровья, потому что бедные люди еще раз убедились, что чиновники думают только о себе. «Этот год отобрал у нас последнюю надежду», – так сказал один из погорельцев. Но эта оценка человеческой ситуации в полной мере относится и к последствиям ледяных дождей и многим другим большим и маленьким катастрофам.

О реабилитации в строгом смысле слова говорить пока не приходится. Авральные восстановительные и спасательные работы продолжалась от двух недель до месяца и более, и это только если речь идет о восстановлении электроснабжения, да и то часто по временным схемам. Совокупный объем материальных, людских потерь, а также потерь рабочего времени и интеллектуального капитала пока еще никто не считал. Уборка поваленных или нависающих над дорогами и домами деревьев, угрожающих жизни людей и движению транспорта, продолжается до сих пор. О расчистке лесных завалов на полосах отвода до весны говорить нечего. Повторяющиеся сильные снегопады, увеличивая груз обледенелых проводов, обрывали только что восстановленные линии, и население снова мерзло и сидело в темноте. Больницы, поликлиники и особенно травмпункты в конце декабря 2010 г. работали в режиме нон-стоп.

Скорость, степень и качество реабилитации пострадавших тоже были территориально и социально дифференцированными. Богатые пострадали значительно меньше, чем бедные, хотя коллапс в аэропортах и пробки на дорогах на несколько дней уравнили тех и других. Продолжительность реабилитации лесов, приусадебных участков и зеленых насаждений в городах и требуемые для этого ресурсы еще предстоит выяснить. Подчеркну, психологический эффект ледяных дождей остается неизученным. Так или иначе, как и в случае с лесными и торфяными пожарами, прежнее состояние человеческих сообществ и природных экосистем вряд ли когда-либо будет достигнуто. В этом я согласен с выводами американских исследователей последствий аварий и катастроф, цитированных в начале книги.

Но ледяные дожди конца декабря 2010 г. и последовавшие за ними сильные снегопады – еще не конец нашей истории. Резкое потепление, пришедшее из Европы, снова повергло северо-запад и центр России в состояние экокатастрофы. То есть мы уже вошли в период *перманентных* малых и больших *экокатастроф*. Похоже, что если власти до сих пор мало обращали внимания на поддержание городских и иных инфраструктур в надлежащем состоянии, то теперь *природа навяжет* им свой ритм реабилитации. Тогда по идее прежде всего надо думать о надежном прогнозе и о диагностическом фрейме для населения потенциально уязвимых регионов.

Однако, как всегда, власть скорее всего пойдет по проторенному пути: кое-что будет действительно восстановлено (чаще всего, на живую нитку), где-то отработают о не сделанном, но в любом случае потери будут так или иначе списаны на население (посредством повышения коммунальных тарифов, увеличения налогов, стоимости проезда в городском транспорте и т. п.) Вывод известен: «Когда кувшин падает на камень – горе кувшину, когда камень падает на него – опять горе кувшину». Наша социальная система всегда найдет способ сделать бедных ответственными. Даже если, как предлагают некоторые, создать специальный фонд для ликвидации последствий катастроф, то израсходован он будет по известному принципу: «хотели как лучше, а получилось как всегда». Но самое очевидное и печальное, что когда случилась эта катастрофа (а затем теракт в аэропорту Домодедово), наш доблестный сервис показал свое отвратительное лицо. Работники таксопарков при аэропортах (такого института нет нигде в мире, но у нас свои порядки) пытались нажать сначала на опаздывающих на очередной рейс, а потом – на горе пострадавших или их родственников. У нашего сервиса – своя мобилизация, ее главный фрейм: «урвать побольше», и это – очень серьезная проблема, с которой еще никто всерьез не пытался бороться.

Выводы для социологов и политиков

Если относиться к катастрофам как неустранимому моменту социотехнической динамики, то они, как ни парадоксально, «креативны», поскольку вынуждают общество менять правила игры и совершенствовать свои институты – все, а не только отвечающие за ликвидацию последствий аварии и катастроф. Они «помогают» преодолеть существующее в обществе представление о приемлемости риска, а также указывают на те (ошибочные) решения, которые привели к той или иной беде. Социологическая проблема состоит не в констатации катастрофы и выяснении мнений о ней, а в способности общества извлекать уроки из случившегося и строить антикризисную политику, ключевым моментом которой является предвидение.

Вот что по этому поводу говорит Р. Мэрфи словами другого специалиста по катастрофам: «Среди правительственных профессионалов по общественной безопасности культура безопасности не угасла, не исчезла. Напротив, она становилась все лучше организованной и эффективной. Однако на уровне политиков и населения я не вижу никаких признаков развития этой культуры, нежели той, что была до ледяного шторма. Если после него дело кризисного управления продолжало прогрессировать, то политики оказались не на высоте». – Почему? Мэрфи видит следующую закономерность: «существует кривая зависимости чувствительности к рискам и опасностям в зависимости от времени. Чем более длительно время “нормальности” <то есть бескризисной ситуации>, тем кривая чувствительности к рискам снижается. Отсюда главная задача лидеров состоит в предотвращении снижения этой чувствительности» (Murphy, 2010: 243).

Необходимые социальные изменения происходят тогда, когда катастрофа побуждает общество создавать новые институциональные структуры и практики. Их элементы давно известны: риск-анализ, осмысление опыта прошлых катастроф, прогнозирование, мобилизационная готовность соответствующих организаций, включая гражданские. Мэрфи полагает, что меры по предотвращению катастроф, включая пожары и ледяные дожди, должны стать органической частью территориального планирования, особенно в городских агломерациях. Но, подчеркивает он, дело это весьма ресурсоемкое. Пока тихо, всегда есть желание отодвинуть принятие превентивных мер в неопределенное будущее. Еще одно его принципиальное соображение состоит в том, что «катастрофический дискурс» нельзя смешивать с реальной практикой их предупреждения или ликвидации: «Природные сдвиги взаимодействуют с материальной практикой, а не со словами» (Murphy, 2010: 242, 243). Видимо поэтому до сих пор мы знаем мало примеров, когда общество даже после таких глобальных катастроф как Чернобыльская или в Бхопале научилось реально снижать уровень локальных и глобальных рисков. Тем не менее, катастрофы стимулируют развитие не только специальных антикризисных сил, но и науки в целом. Так, Р. Мертон утверждал, что корни многих достижений в математике, астрономии, механике и теории магнетизма кроются в тех огромных потерях, которые понесла Испания и другие мировые морские державы XVI-XVII веках (Merton, 1970). Очень медленно, с отставанием, человечество все же учится на примере катастроф. Как утверждает Мэрфи,

в провинции Квебек, особенно пострадавшей от ледяного шторма, одним из его позитивных следствий была дискуссия между профессионалами и представителями местного населения о необходимости преодоления размежеваний между сферами техники и социальной жизни (Murphy, 2010: 142). Что особенно интересно, так это возросшее после blackout'a понимание опасности всеобщей зависимости жизни людей от централизованного энергоснабжения и необходимости, там где это возможно, перехода на автономное обеспечение энергией. Научно-технический прогресс и глубокое разделение труда сделал массу людей просто бессильными перед риском коллапса централизованного энергоснабжения. Простой пример: когда нет света, не работают и системы оповещения и тревоги, что и произошло в Японии после землетрясения и цунами. Поэтому технический прогресс должен быть сегодня повернут в сторону создания технических средств индивидуального жизнеобеспечения. В США, например, были разработаны рекомендации, согласно которым индивиды и местные сообщества должны быть способны к самостоятельному жизнеобеспечению в течение минимум трех дней, пока пострадавшая инфраструктура не будет восстановлена. Вместе с тем, должны существовать общественные «убежища», где жертвы катастрофы могли бы быстро спрятаться. Хотя, как показывает мировая и отечественная практика, люди до последнего стремятся не покидать свои дома, полагаясь на авось и собственные силы. Так или иначе, социолог должен помнить, что инфраструктура жизнеобеспечения рано или поздно будет восстановлена, но количество бездомных и других категорий «лишних людей» от этого не уменьшится.

Общий вывод, о котором я писал уже не раз (Яницкий, 1998), теперь сделаю словами крупнейшего американского специалиста по катастрофам Э. Тернера, который, начав изучать природные катастрофы как историк, пришел к необходимости их исследования как клубка взаимосвязанных природных, технологических и социальных процессов. Вот что говорил Тернер: «Когда мы думаем о современных технологиях, мы обычно имеем в виду системы и устройства, которые требуют все меньшего вмешательства человека... <Так> компьютеры требуют меньше времени обслуживания профессионалами, чем пишущие машинки... Однако технологические “решения” катастрофических рисков обнаруживают другую, неожиданную сторону технологий. Их безопасность требует *большего* внимания человека. Как традиционные, так и современные технологии требуют постоянного внимания и заботы. Наш прошлый успех в борьбе с лесными пожарами или разрушительными океанскими волнами привел нас к необходимости долговременного поддержания тех искусственных режимов, которые мы создали сами. Императив принуждения к этому поддержанию... применим в одинаковой степени как к природным угрозам, так и к структурам, созданным человеком» (Turner, 1996: 94). Подчеркну еще раз: жизнь в технологизированном обществе есть жизнь в обществе всеобщего риска.

Почему по прошествии полутора месяцев с момента окончания ледяных дождей нет почти никакой реакции (и интереса) со стороны российского профессионального сообщества социологов? Причин такого «молчания» несколько. Во-первых, по сложившейся традиции (см. цитату из Р. Мэрфи в начале этой главы), такая и ей подобные экологические катастрофы – не предмет традиционного интереса наших социологов. Отсюда нет и опробованных социологических методик. Социологи вообще не привыкли иметь дело с ка-

тастрофами как таковыми, даже если они имеют политические и социальные причины. Внезапность, резкие изменения всего и вся – не стали до сих пор предметом социологического интереса. Вот если какие перестановки во властных структурах или реформа образования, тогда – да, социологи проводят исследования и включаются в публичную дискуссию. Однако тема катастроф – не рыночная, больших политических дивидендов на ней не заработаешь.

Поэтому и приходится пользоваться данными журналистов, в том числе журналистских расследований (эта их работа всегда очень опасна), а не результатами социологического наблюдения, хотя бы включенного, или «устными историями», рассказанными пострадавшими или очевидцами, – ведь существует же такие методы в социологии. Более, того как и во всяком цивилизованном обществе, человеческое несчастье, как правило, становится мобилизующим фактором. Пример совсем из другой области, но по сути о том же: в Новосибирске смерть грудного ребенка по причине плохих наших дорог, непрофессионализма, равнодушия и сильно забюрократизированной медицины вызвала к жизни целое общественное движение в защиту детей и детского здравоохранения. Новая сеть уже в первые дни после этого трагического события соединила более 10 тыс. человек (Чернова, 2010: 15–16).

Социология в целом как социальный институт, да простят меня мои коллеги по цеху, становится *все менее* мобильной, респонсивной и включенной в быструющую жизнь, что находится в явном противоречии с убыстряющимся темпом экономических и социальных перемен. «Неожиданными» становятся как сами катастрофы, так и человеческие сети, возникающие как реакция на них. Но когда пик критической ситуации пройден, значительная часть этих сетей распадается или переключается на другие острые социально-экологические проблемы. Поэтому и выходят на первый план и формируют общественный дискурс не социологи и политологи, которым для получения результата требуется привести в действие весь свой громоздкий и дорогой исследовательский аппарат, а журналисты и публицисты. Это тем более удивительно, что с самого начала своего существования (вспомним основателей Чикагской школы) социология была генетически связана с журналистикой, репортерскими расследованиями и вообще – со жгучим интересом граждан к текущей повседневности. Понятно почему это происходило тогда: волны эмигрантов, накатывающиеся на Америку, требовали немедленного и адекватного ответа, что неизбежно вызывало мобилизацию всей пишущей братии. Но почему сегодня наши американские коллеги даже опросы общественного мнения проводят по телефону или через интернет? Потому что *скорость реакции* и индивидуальность ответа имеют решающее значение. Еще раз скажу: сегодня «ситуативная социология» или, по научному, «социология ситуативного знания» играет решающую роль в фиксации и анализе поведения населения и общественных институтов в условиях неожиданных и быструющих катастроф.

Наконец, для нашей эпохи характерен уже не столько «нормальный несчастный случай» (С. Perrow), сколько цепь чередующихся и наезжающих одна на другую социальных, техногенных и природных катастроф. Готова ли социология к такому повороту событий?

ГЛАВА 13

Перспективы экомодернизации России

Необходимые условия

Вернемся к исходным позициям нашего анализа. Как убедительно показал в свое время М. Вебер, рационализация, давшая миру неслыханный экономический рост, позволивший потреблять все больше продуктов и более высокого качества – отличительная черта общества модерна. Но, как выяснилось со временем, оборотной стороной всеобщей рационализации являются неожиданные негативные последствия процесса неудержимого прогресса (Weber, 1930). Век спустя, нарастающий вал больших и малых катастроф подтвердил правильность выводов Вебера. Вслед за ним У. Бек показал, что риски современного этапа рационализации отличаются от прежних двояко: во-первых, их масштабом, изменяющим саму структуру мироздания, и, во-вторых, тем, что они конструируются прежде всего наукой, научным знанием. Отсюда, производство и распространение рисков и угроз ('bads') становится столь же существенным, как и производство благ ('goods') (Beck, 1992: 154). Логическим продолжением этого катастрофического сценария общественного развития является формирование общества всеобщего риска (Яницкий, 1998, 2000, 2003; Yanitsky, 1998, 2000).

Экологические катастрофы в США, Объединенной Европе, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и т. д. перманентно демонстрируют нам уязвимость даже самых «продвинутых» обществ, не говоря уже о бедных и беднейших странах. Уязвимость социобиотехнических систем есть следствие рациональных решений и приоритетов. Не бывает чисто природных катастроф, в которых в конечном счете не обнаружился бы человеческий фактор. Нарушение экологического баланса, будь то пожары, наводнения или ледяные дожди, дорого обходящиеся обществу и государству, является в 90 процентах случаев следствием проектов или решений, принятых в прошлом. Если «социальная история ничему не учит», то история экологических бедствий и катастроф «учит» человечество присущей ей способом: она сокращает его

количественно и качественно. Обучение на опыте экокатастроф – необходимое условие процесса экомодернизации. Если государственные институты осваивают опыт таких катастроф медленно и частично, то институты гражданского общества, которые были в центре внимания нашего повествования, пока что более лабильны и, следовательно, легче обучаемы.

С этих позиций, ключевой инструмент для решения задачи экомодернизации России – консолидация гражданского общества в целом, а не только его экологически обеспокоенной части. Волны «экологической мобилизации» последних 20 лет серьезно увеличили политический ресурс и социальный потенциал гражданского общества. Феномен двух блоггеров, австралийца Л. Ассанджа и русского А. Навального, показал, что этически правильно поставленная задача и социальные сети ею порожденные способны мобилизовать также и крупные финансовые средства (для борьбы с коррупцией и др.). Все более обозначается сдвиг от протестной к креативной деятельности: разработке альтернативных проектов и программ разрешения социально-экологических конфликтов, у российских экологических групп и движений все больше союзников и сочувствующих, как внутри страны, так и за ее пределами. А главное – это движение становится все более движением за базовые гражданские права и свободы.

Поэтому идея «экологического поворота» – не утопия, но она нуждается в ресурсах, одним из важнейших которого является развитие «умных» и одновременно практически деятельных сетей глобального гражданского общества. Включение российских экологических движений, инициативных групп, общественных организаций и коалиций неправительственных организаций в процесс осуществления этого поворота – магистральный путь их сохранения и укрепления как социальной и политической силы, наращивания интеллектуального потенциала этих ячеек и сетевого ресурса гражданского общества в целом. Это также путь реальной экономической и политической экомодернизации нашего общества и создания их необходимой теоретической и практической предпосылки – сдвига центра тяжести модернизационной деятельности от «директивы» к регулированию и саморегулированию (*from government to governance*) на основе диалога и консенсуса власти и гражданского общества.

Вместе с тем, «экологический поворот» – это не поворот ключа в замке. Логика развития капитала – это глобализация его экспансии при минимизации ответственности за причиненный вред. ‘Hit and Miss’ остается его стратегией. Значит, нет иного пути развития гражданского общества как его глобализация. Борьба между «транснационалами» и «локалами» (в широком понимании этих терминов), между интересами «потока» и «места», как предсказывал З. Бауман, будет продолжаться. Транснациональные корпорации и банковские структуры всегда будут стремиться подчинить своим интересам тех, кто выступает на стороне природы, чья цель – не частный интерес, а общее благо. Отсюда, единственный путь достижения базовых интересов гражданского общества в сфере экологии – это *борьба*. Борьба за сохранение ценностного и смыслообразующего значения понятий «общее благо» и устойчивое развитие, за увеличение доли экспертов-граждан и их независимых профессиональных сообществ в научно-технических инновациях и процессах охраны природы, за право быть услышанным – таковы лишь некоторые стратегические цели гражданского общества на ближайшее будущее.

Но этого мало. Гражданские организации шаг за шагом должны расширять публичную площадку, чтобы вести диалог с государственной и местной властью на равных. Диалог не формальный, а дающий практические результаты в деле экомодернизации, будь то экономия энергии и материалов, развитие природоохранного законодательства, экологического образования и пропаганды.

Другой вызов процессам экомодернизации и укреплению глобального сетевого гражданского общества, также порождаемый рынком, это перманентно производимая последним переоценка ценности территорий и биосферных ресурсов и, следовательно, изменение геополитических интересов и идущих за ними транснациональных производств и инфраструктур. Сегодня идет борьба за рынки углеводородов, завтра ее центр может переместиться в сферу рынка чистой воды или воды для промышленного производства, затем – в область космического пространства и т. д. Не только монополии, но и сами люди постоянно производят такую переоценку. Сегодня большинство из них делают это в соответствии с ценностями общества потребления, но завтра этот тренд может измениться. Уже сейчас в центрах этого общества появились зоны и сети не только альтерглобализма, но нигилизма и варварства. Современные варвары, мобильные и соединенные тайными узами, крушат с одинаковой злобой и исторические памятники, и тонкие нити человеческих связей – вспомним недавнюю массовую атаку хакеров на Живой журнал. Замечу, что если специфика сетей и ресурсов теневого и криминального бизнеса социологами осмыслены и интерпретированы достаточно, то мотивы, сети и ресурсы современного массового варварства и вандализма – далеко не в полной степени.

Наконец, параллельно с формированием глобального гражданского общества идет смена поколений. Каковы будут завтра ресурсы и сети сегодняшних «кнопочный детей», которые будут это общество в очередной раз перестраивать, еще только предстоит выяснить.

Что касается отношения «наука–практика», точнее, «наука–гражданское общество», то старая (вертикальная) парадигма «наука–практике» социологического исследования постепенно вытесняется парадигмой «партнерского» анализа, когда ригоризм строгой научной аналитики сверху соединяется с локальным восприятием/знанием/действием снизу. Все чаще исследовательский процесс движется по схеме: «включенное наблюдение–соучастующее исследование–отстраненная рефлексия», а совокупное производство социально-экологического знания все более становится политической практикой, нежели изготовлением «научных фактов». Или, иначе, неполитической политикой (У.Бек). Глокальность, то есть центрированность на «месте» такой политики, – условие существования демократии в современном мире.

Роль социолога

Сегодня социолог не может быть только дистанцированным наблюдателем, занимающимся эмпирическим тестированием собственных или заимствованных гипотез. Тем более, он не может удовлетвориться ролью создателя «зеркала», отражающего текущую структуру общественного мнения, степень напряженности конкретного социально-экологического конфликта или реакцию населения на загрязнение среды. Сегодня задача социолога на порядок

сложнее: он должен быть одновременно аутсайдером и инсайдером, способным понять организованный мир значений (фреймов), который конституирует социальные миры «мест» и их социальный порядок. Социолог должен быть способным ориентироваться в сфере наук, связанных с функционированием природных и технических систем. В такой ситуации социолог есть именно соучаствующий исследователь (*participative researcher*), а не отстраненный наблюдатель или аналитик. Понимание того, что социальное знание вырабатывается в ходе диалогического, дискурсивного процесса, стремление вникнуть в механизмы восприятия и логику действий другой стороны, сочувствие (эмпатия) по отношению к местному населению и понимание ценности местного культурного и природного ландшафта, выявление ключевых смыслообразующих значений (их можно назвать главными фреймами) и только потом организация соучаствующего исследования – такова общая последовательность шагов ученого-гуманитария, опирающегося на модель культурной рациональности. Надеюсь, что в результате взаимодействия обеих сторон возродится, хотя и в иной форме, этическая норма российской науки и инициированного ею экологического движения XX века: они должны быть полезными и нужными людям и природе.

Я хочу закончить книгу призывом к гуманизации процесса модернизации нашего общества. Речь о необходимости распространения экологической культуры уже была – сейчас не об этом. Главный вопрос: что будет с нашей культурой *вообще*, каков будет *базовый культурный фрейм* ближайшего будущего? Информационные технологии современной модернизации делают мир мало предсказуемым, переменчивым и всеобщим связанным. Новое прирастает и перемещается по миру с такой скоростью, что рядовому гражданину остается время только на мгновенную реакцию, но не на размышление, рефлексию. Массовый *протест* становится все более типичной реакцией на растущую нестабильность и непредсказуемость жизни, на эксклюзию не только отдельных групп и сообществ, но целых стран из мирового культурного процесса. Не придется ли переформулировать саму проблему производства культуры: накопление духовных ценностей или их захват, разрушение, разграбление? Длительный и все более эффективный процесс обустройства своей жизненной среды, («кокона основополагающего доверия», как назвал его Э. Гидденс), или захват чужой для сиюминутного потребления? Могут возразить: так было всегда! Нет, не всегда. Одно дело – естественный процесс замены старого новым, производство и освоение инноваций, то есть именно то, что называется модернизацией, и совсем другое – насильственное подавление и разрушение ценностей одного общества другим. Вообще, насильственная модернизация – отнюдь не редкий феномен всемирной истории.

Советскую форсированную модернизацию делали «спецы», русские ученые, инженеры и квалифицированные рабочие, корпус которых был сформирован интеллектуальным и гражданским подъемом России 1860-1920 гг. Несмотря на гонения советской власти, эти «спецы» были воспитаны в духе высокого профессионализма и гражданской ответственности. Им было не до экологии. Сегодня даже для техно-бюрократической модернизации таких кадров просто нет. Вот он «бумеранг» нашего молодого капитализма. «Что даст лично мне эта планируемая наверху модернизация?», – этот вопрос современного российского обывателя далеко не праздный. Начиная с периода позднего брежневизма, негласно направлявшего жизнь масс по принципу

«живи и давай жить другим», *не труд*, и тем более – не труд творческий, инновационный, а *потребление* стало главным ориентиром этой жизни. Без восстановления этики честного, напряженного творческого труда и его справедливого вознаграждения, уважения человека труда никакой модернизации не будет. Это звучит как пропись, но иного пути нет. Юноша с автоматом Калашникова – это не агент модернизации.

На мой взгляд, следует различать идею и идеологию гуманистической модернизации. Идея ее стара: *человек в центре*. Что же касается идеологии гуманистической модернизации, то я бы сформулировал ее ядро таким образом: *общее движение вперед и общая ответственность на основе перманентной рефлексии относительно общего будущего*. Рефлексии, реализующейся в гуманизации и демократизации социальных институтов. В течение нескольких веков российская элита все время что-то конструировала, рассматривая население как ресурс. Но он истощился, и пора остановится, чтобы оценить «цену побед и поражений». Пора положить предел всепоглощающей страсти к обогащению. Судя по общему настрою нашей политической элиты, это будет прежде всего модернизация существующей ресурсно-ориентированной экономики и связанной с нею политической и социальной структуры. И это, с точки зрения правящей бюрократии, вполне логично, поскольку именно существующая модель такой экономики обеспечивала как ее, элиты, экономические и политические интересы, так и социально-политическую стабильность в обществе.

Посмотрим на ее возможные последствия. Следование ей означает все больший разрыв с западной моделью непрерывно развивающейся модернизации, которая, согласно концепции «больших волн» Н.Д. Кондратьева, уже приближается к переходу от четвертой к пятой технологической революции, тогда как мы все еще остаемся на рубеже завершения третьей, то есть индустриальной революции, и перехода к четвертой, информационной. Наша же, ресурсная модель модернизации и основанная на ней потребительское общество не предполагают серьезных изменений в ценностных ориентирах общества. То, что является мотором всякой модернизации, – «впередсмотрящая элита» и связанный с нею слой инноваторов – просто отсутствуют в данной связке. Всегда проще и эффективнее купить на Западе новые технологии по добыче и переработке ресурсов и привлечь западных специалистов для их установки и наладки, чем создавать дорогостоящую школу подготовки собственных ученых и технического персонала. Вывод: российские специалисты в массе своей будут деградировать или останутся на вторых ролях. Не случайно лидеры правящей партии заговорили о модели «консервативной модернизации».

Информатизация: инструмент или тип культуры?

Возникает принципиальный вопрос: что, повсеместная информатизация – это только инструмент, облегчающий доступ потребителя к вожделенному новшеству, или же это – новый культурный феномен, то есть культурная революция? В результате огромного и постоянно меняющегося объема информации, давящей на индивида, возникает новая композиция (структура) социокультурной памяти как системы фильтрации того, что в первую

очередь необходимо для поддержания воспроизводства жизнедеятельности на усредненно-функциональном уровне – уровне обывателя, но не морально и тем более не экологически ориентированной личности. Очевидно, что только мультипликация информационного потока не может служить мобилизующим фактором в деле экомодернизации российского общества, его поворота к новой экологической парадигме.

Виртуальная массовая культура, продуцируемая СМИ, создает картину мира (*dominant worldview*), нацеленную не на мобилизацию и критическое освоение потока идущего с Запада «сообщений», упакованных в новейшие гаджеты, а на нерелексивное потребление этих информационных импульсов. Переход от императива «долженствования» сложившейся культуры к функционированию «смотря по обстоятельствам» ведет к тому, что личность становится функцией от сложившейся ситуации. Ощущение же внутренней неустойчивости обывателя создает у него стремление к кумиротворению, то есть соотнесения себя с наиболее «раскрученными» образцами, продуцируемыми СМИ.

Теперь – о влиянии интернет-среды на формирование этики индивида. Эта среда безгранична, легко доступна, из нее можно извлекать что и когда угодно, «высокое» и «низкое», необходимое и мусор и т. д. Сбрасывать в нее можно тоже почти что угодно: правдивую и ложную информацию, шантажировать, причем, как правило, не неся *никакой ответственности*. В такой среде свою идентичность индивид может выбирать подобно любому товару, конструируя ее из произвольно набранных элементов, но также легко отказаться от нее, заменив на другую.

Если раньше культура структурировала, мобилизовала и направляла индивидуальное поведение, то теперь массовая поп-культура, пренебрегая критерием рациональности и пользы, иррационализирует и демобилизует его. Вместо духовной концентрации, напряженной внутренней работы, то есть рефлексии индивидуального сознания, устремленности вперед, к идеалам, господствует желание получить удовольствие «здесь и сейчас». Труднодоступное будущее отстранено, так как оно раздражает и пугает, приятно только легкодоступное настоящее. В этом случае не надо преодолевать себя, концентрироваться, мобилизовываться – надо просто сидеть на диване, смотреть и наслаждаться (забываться, отвлекаться). Суровая действительность никуда не ушла, но от нее теперь можно временно отгородиться, отстраниться, уйти в иллюзорный мир. Пришла культура всеобщего добровольного искейпа. А там, глядишь, как говорил некогда ныне здравствующий известный российский социолог-академик, «Может быть все еще будет и ничего». То есть пронесет, опасность пройдет мимо, тебя лично не задев.

В отличие от прошлой эпохи, когда человек сам строил себя, превращаясь из индивида в личность, в современных СМИ циркулируют готовые «индивидуальные жизненные проекты», и остается лишь выбрать один из них, а потом сменить на другой, третий... Культурная работа перестает быть расшифровкой и интериоризацией «текстов» – она становится потреблением визуальных образов. В этих условиях нужно огромное интеллектуальное напряжение и смелость, чтобы отключиться от этого наркотизирующего потока и снова вернуться к парадигмальному образу мышления, чтобы начать кон-

струировать что-то новое или, напротив, сберечь и культивировать «старое». Сегодня, как я старался показать, на это способны немногие, и в первую очередь, лидеры экологического движения.

Еще одна болезненная для защитников природы перемена: смена преобладающего типа этики труда. Сегодня первейшая забота любого, от начальника до рядового, это – *обеспечение безопасности*. Прежде всего детей – в школе и по дороге к ней, на улице. Не то, какими знаниями они будут овладевать, сколь интенсивен и полезен им в будущем этот процесс, а безопасность. *Труд* как стержень учебного процесса вытесняется все более облегченными формами приобретения знания, вплоть до их покупки в уже упакованном виде. Отсюда и школьники, и родители делают простой вывод: зачем ребенку рисковать и напрягаться, когда знания можно просто скачать или купить.

Но посмотрим на проблему трудовой этики с иной точки зрения. Долгое время связь человека с местом (ландшафтом) была *трудовой* (для крестьянства) или *рекреационно-эстетической* (для землевладельцев и аристократии). Теперь первая связь практически исчезла, так как деревня обезлюдела, а вторая, рекреационная, осталась для «новых русских» и нового среднего класса. Но главная связь человека с землей (ландшафтом) теперь меркантильная: *земля стала товаром*, причем очень быстро дорожающим для самых разных нужд: рекреации и уединения богатых, прокладки транснациональных трубопроводов, разработки новых месторождений полезных ископаемых. В конечном счете ситуация поляризовалась: появились оазисы благоденствия (обустроенные и охраняемые пригороды) в пустыне дичающей природы, перерезанной «зонами отчуждения». Сегодня Россия рассматривается ее элитой как источник ресурсов, нежели как пространство для жизни населения в условиях здоровой и безопасной среды.

А эта среда разве не *культурная* среда? Не воспитывающая и обучающая? Распад СССР и последующая трансформация его экономического и социокультурного пространства породили выделение огромных масс *энергии распада* (беженцев из районов локальных войн и этнополитических конфликтов, вынужденных переселенцев, бомжей, беспризорных детей, криминальных элементов всех разновидностей) и, соответственно, *превышение несущей способности среды обитания*. Эта среда из поглотителя рисков (радиоактивных и прочих отходов, гниющих искусственных морей и т. п.) стала превращаться в их источник, поражающий все живое, только медленно и незаметно и/или «неожиданно» взрываясь. Техно-бюрократическая цивилизация тем отличается от остальных, что ее нельзя бросить без ухода, без присмотра. Риски и опасности, создаваемые ею, превратились в неустранимый компонент любой человеческой деятельности, как созидательной, так и разрушительной. Россия стала обществом всеобщего риска (Яницкий, 2001).

На мой взгляд, торможение этого процесса, поворот к экологической культуре лежит на путях преодоления социальной фрагментации общества, возвращения этики напряженного, честного и ответственного труда, культуры самореализации и самоорганизации. Отсюда, задача социальных движений – преодоление этой фрагментации. Главный инструмент – реполитизация публичной сферы (Offe, 1996: 118). Основа этой реполитизации – борьба против экологических рисков, общих для самых разных групп населения. Инструментами достижения названных целей являются соединение усилий экологического, феминистского движений и движения за развитие Третьего

мира с профсоюзным движением, движением за гражданские права, антивоенными и антиатомными движениями, религиозными организациями и группами. Основой и мотором такого движения обновления может стать массовое движение за экологическую справедливость.

Социология для «экологического поворота»

Последний вопрос: какая социология нужна для экологического поворота?

Во-первых, не «представительская социология», потому что в этом случае право думать за народ берут на себя социологи. Нужна «социология совместного анализа и действия», когда вопросы сохранения среды жизни ставятся, структурируются и разрешаются социологами *совместно* с представителями власти, бизнеса и населения. Для теории и практики создания природоохранных сетей нужна «инсайдерская» социология, то есть социологическое знание, тесно связанное с местом, территорией, природными экосистемами и социальными сообществами. Огрубляя, можно сказать, что в первом случае это «государственная социология», во втором – социология соучастия гражданского общества (или, как ее именуют наши коллеги на Западе, *participatory sociological research*).

Во-вторых, идея социологии как «зеркала общества» ущербна, потому что люди в массовых опросах обезличены, а главное – сведены в искусственные группы, которые никак не привязаны к территории и в которых они никогда реально не участвуют как акторы, а связь между этим знанием-зеркалом и действием многократно институционально и политически опосредована. Экологическое движение потому и получало название нового, что в нем сотрудничают представители разных социальных слоев и групп и потому, что цели его – не отражение себя любимого «в зеркале», а экологически отрефлексированное и ситуативно опосредованное социальное действие.

В-третьих, социология должна преодолеть свою *двойную изоляцию*: от процессов выработки идеологии мирового развития и от естественных наук. Только тогда она станет способной *социологически интерпретировать* в целях охраны природы факты и концепции, полученные другими науками, а также – мировидение и идеологии, отличные от европейского либерализма. Она должна преодолеть свою корпоративную замкнутость и взаимодействовать с естественнонаучными и техническими дисциплинами, зная их социальную обусловленность.

В-четвертых, социолог должен быть не только индифферентным наблюдателем, но и инсайдером, способным увидеть взаимодействие разнородных и разноуровневых процессов изнутри, причем синергетически, в конкретной ситуации. Не даром многие западные социологи говорят о ситуативном социальном знании.

В-пятых, *социально-гуманитарная* концепция модернизации России, о которой только что шла речь, означает участие гражданских организаций как в разработке Новой экологической парадигмы, так и инструментов ее реализации. Необходим не только свод рекомендаций, их и так достаточно,

а разработка *сценария перехода* от ресурсно-потребительской модели общества к ресурсосберегающей и природоохранной. Такой переход может быть осуществлен только на базе гуманистических ориентиров.

Наконец, в-шестых, я считаю важнейшей задачей социологии борьбу против потребительской идеологии. Не о сокращении потребления идет речь (оно уже сократилось под воздействием экономического кризиса и роста стоимости почти всех ресурсов, а в будущем сократится еще более под воздействием инфляции и бюджетного дефицита), а об экологически-дружественной экономике, изменении приоритетов социальной политики в пользу сглаживания кричащих различий в уровне материального благосостояния богатых и бедных, об обеспечении здоровой среды обитания и максимума возможностей для свободного творчества.

Если техно-бюрократическая модель модернизации укоренится в России, если будут приняты соответствующие программы и под них будут выделены ресурсы, то поворот к ее экологически-ориентированной модели все равно состоится, но уже в форме массовых движений протеста и социальных взрывов.

Выводы и рекомендации

1. Сети, реальные и виртуальные, личные и безличные, являются мощными социальными инструментами формирования и структурирования коллективного социального действия, в том числе про-экологического. Сети выполняют ряд важнейших социальных функций: информирования, программирования, убеждения, идентификации и самоидентификации, формирования человеческих общностей, мобилизации материальных и человеческих ресурсов, накопления индивидуального и коллективного социального капитала и т. д.

2. Чем более общество модернизируется, тем более оно становится сетевым, тем более оно «сжимает» его институциональную структуру, делая ее нерелевантной быстро изменяющемуся контексту. Возникла коллизия: «ситуация против закона». Сеть официальных организаций раз и навсегда закреплена существующей институциональной структурой. Эта сеть привязана к вертикали власти, и ею же определен круг обязанностей (которые, как известно, далеко не всегда выполняются). Поэтому эта сеть – жесткая с ограниченным набором вариантов стандартного ответа на множество *нестандартных* и *быстро меняющихся ситуаций*, как социальных, так и природных, что и случилось летом и зимой 2010-11 гг.

3. Пример: организация природоохранных сетей леса тесно связана с организацией лесного и другого хозяйства, их нормативной базой и структурно-функциональной организацией (размером участков лесничеств и лесохозяйственных угодий, регулярностью рубок ухода, наличием пожарных просек, обеспеченностью техникой и инвентарем и т. д.). В советское время и вплоть до середины 2000-х гг. все это существовало, и у лесников были горизонтальные связи (конные, пешие, авто, телефон). Поэтому сети экоНПО лишь дополняли (экологическая пропаганда, участие в лесопосадках, создание школьных лесничеств) и отчасти контролировали это хозяйство. Когда новый

Лесной кодекс фактически разрушил лесное хозяйство России, организации гражданского общества были не в силах своими сетями компенсировать утраченный экономический и социальный порядок.

4. Сегодня природоохранные сети России относятся к общему классу «субъектов посредничества» между гражданским обществом и государством. Их функции (ступени): установление контакта, нахождение общего языка, диалог и поиск компромисса и как наивысший результат – участие в принятии решений. К этому классу относятся не только все НПО и их различные формы постоянного или временного объединения (союзы, коалиции), но и полу/внеинституциональные посредники, как, например, общественные палаты и советы при органах исполнительной власти, а также помощники депутатов законодательных собраний и муниципальных советов. Возникает вопрос, чем являются эти сети: «приводными ремнями» государственной политики или же публичными площадками для совместной с организациями гражданского общества выработки решений?

5. Собственно сети охраны природы, создаваемые организациями гражданского общества, построены по *принципу альтернативности*. Чтобы эффективно противостоять проектам, угрожающим природным экосистемам, нельзя их просто отвергать – надо предлагать альтернативы. А для того, чтобы предлагать альтернативы, – они должны быть вписаны в социально-экономическую систему региона, при этом показать, что для осуществления альтернативного проекта есть (или потребуются) такие-то материальные, людские, законодательные и иные ресурсы. Но самое главное: они должны иметь собственную точку зрения и убедить оппонентов в ее правильности, показав ее социальный и экологический эффект.

6. В российских условиях сети имеют особое значение, поскольку они являются *одновременно* организационной структурой, мобилизующей ресурсы для охраны природы и экологически обеспокоенных граждан, площадкой для публичной дискуссии, средством экологического воспитания и массовой информации. Они имеют такое значение еще и потому, что формируют и консолидируют экологических и других лидеров системной оппозиции, предоставляя им площадку для воздействия на общество. Наконец, посредством виртуальных сетей наше общество структурируется на множество «мы» и «они» иным образом, нежели это предлагается официальными СМИ.

7. Однако разделение на «мы» и «они» зависит от того, о каком типе коллективного актора идет речь. Если о конфликтном, нацеленном на перемены, то «мы» предполагает наличие противостоящих «они» и, следовательно, создания первыми сильных сетей мобилизации своих сторонников и разрушения (кооптации) «их» сетей. Если же – о консенсусном, например, о Всероссийском обществе охраны природы, то «мы» не предполагает сетей его мобилизации и накопления социального капитала.

8. Сети создаются, структурируются и ликвидируются социальными акторами в зависимости от социально-экономического, экологического и культурного контекста. Хотя ядра (узлы) сетей могут сохраняться долгое время, сами сети не вечны. Поэтому цель их *оптимизации* заключена по сути в их *мобильности*, то есть в способности к перманентной структурной и содержательной перестройке в зависимости от изменяющегося контекста. Специфика

природоохранных сетей состоит в том, что их структура, функции и временные параметры диктуются не только вмешательством человека в природу, но и *самой природой* (ее ритмами и циклами, климатическими аномалиями и природными катастрофами).

9. Сети охраны природы как инструмент экомодернизации должны синхронно развиваться в трех пространствах: территориальном, социальном и виртуальном. Иными словами, эти сети зависят от двух других ее *пространств*: социального и территориального, которые в данном случае качественно различны. Если первое становится все более мобильным, экстерриториальным (потoki капитала, материальных и людских ресурсов), то второе (и связанные с ним природоохранные сети) остается привязанным к земле и циклам и ритмам природы. Экомодернизация требует синхронного изменения этих трех пространств.

10. Экономические и политические факторы оказывают серьезное дифференцирующее влияние на саму возможность создания и поддержания природоохранных сетей. Огромные территории России, требующие сетевого покрытия, не имеют его вследствие экономической «нецелесообразности», включающей низкую плотность и бедность живущего там населения. Эта социальная эксклюзия создает повышенный уровень экологического риска (лесные пожары, загрязнение рек утечками из нефтепроводов, массовое браконьерство) и дальнейшее обезлюдение.

11. Развитие интернета и других виртуальных ресурсов позволяет расширить информационное поле адептов экомодернизации, а главное – не дать общественному вниманию сосредоточиться только на тех конфликтах и катастрофах, которые получили широкий, но обрывочный и краткосрочный резонанс в центральных СМИ, оставляя без внимания массу других подобных, особенно в нашей огромной стране с недостаточно развитой системой коммуникаций и рефлексией населения относительно происходящего.

12. Чтобы мобилизовать население на коллективное действие в защиту природы, необходимо сформировать в сознании его активистов, группы поддержки и сочувствующих образ некоторого события как конфликта или ситуации, неприемлемых в данном обществе или сообществе с определенной культурой и совокупностью социальных норм и мотивировать людей к участию в конкретных акциях.

13. Вводится понятие «рынка» фреймов, то есть их конкуренции на публичном пространстве с целью завоевания потенциальных сторонников движения. Публичный дискурс является той фокальной точкой, где различные фреймы некоторой социально-экологической проблемы тестируются на предмет их валидности и легитимности. Чтобы завоевать этой «рыночную площадь» публичного дискурса, экологические акторы должны четко определить свой общественный имидж.

14. Мобилизационные фреймы и формируемые на их основе природоохранные и иные сети носят «эмерджентный», то есть непостоянный, формируемый для данной ситуации (например, для достижения целей движения или конкретной массовой кампании) характер. Если эти фреймы работают продолжительное время, то они могут закрепляться как политические предпочтения

и социальные нормы, а затем – и как культурные нормы и коды. Чтобы такие мобилизационные фреймы закреплялись, они должны соответствовать каким-то ожиданиям потенциальных участников движения в защиту природы.

15. Наконец, главный, диагностический, мобилизационный и другие фреймы и соответствующие им природоохранные сети могут конструироваться учеными и активистами целенаправленно, например, посредством применения методики «социологической интервенции», то есть их диалога, имеющего целью создание и легитимизацию общего про-экологического фрейма.

16. Наше исследование подтвердило гипотезу о значимости микро-фреймов. Эти фреймы конструируются внутри первичных экоструктур, которые «состоят» из ядра (индивида или малой группы) и сети воспроизводящих его связей в трех измерениях: прошлом, настоящем и будущем. Значительная часть социального опыта охраны природы кодируется и хранится в памяти индивидов именно в виде микро-фреймов. Более того, такое ядро должно содержать и/или быть хранителем истории основных вех движения. Такая личностно хранимая и передаваемая из поколения в поколение история – ядро социального капитала экологического движения.

17. Инструментами *практического* усиления политических позиций природоохранного движения и развития его сетей являются:

- объединение идеологически сходных, но не связанных ранее общей сетью фреймов, относящихся к конкретной проблеме или конфликту;
- амплификация фрейма, то есть прояснение, уточнение и придание большей убедительности и силы существующим фреймам, касающимся конкретной проблемы или конфликта;
- распространение влияния некоторого фрейма на широкую аудиторию «не обеспокоенных» и/или колеблющихся;
- разъяснение населению несостоятельности (ошибочности, опасности) фреймов контр-экологических движений и их идеологии;
- наконец, наиболее радикальным инструментом является создание нового «пакета фреймов» с целью замещения доминирующего взгляда общества на мир как на «источник ресурсов» на видение мира как «среды жизни».

Для выдвижения и пропаганды такого «нового пакета» требуются мощные сети, нацеленные на перепрограммирование активности потенциального оппонента или «молчаливого большинства». Такие пакеты и сети создаются усилиями уже не только природоохранных, но политических движений, отстаивающих базовые права и свободы граждан.

18. Отмечая роль коллективных акторов в создании сетей охраны природы, нельзя забывать об активности других «групп интереса», лоббирующих свои решения и проекты через политиков, *непосредственно* через лиц, *ответственных* за экологическую политику государства. Эти лоббисты тоже могут оказывать на нее влияние посредством мобилизации своих сторонников, но, как правило, они воздействуют скрыто и непосредственно на названных политиков. Есть и третий способ воздействия на экологическую политику:

кооптация, то есть вхождение лидеров движения во властные структуры. Но здесь есть опасность, что ресурсы и сети, созданные движением (охраны природы), будут использованы в интересах власти преобладающих.

19. Так или иначе, речь идет о способности устанавливать контроль одних коллективных акторов над другими, что зависит от двух ключевых механизмов: способности этих акторов программировать и перепрограммировать цели сетей, их способности соединять, связывать различные сети с целью усиления их кооперации посредством общих целей и накачки их ресурсами. Первую группу акторов можно квалифицировать как «программистов», то есть тех, кто придает смысл, интерпретирует события или конфликты, вторую – как «переключателей».

20. Между названными выше инструментами экомодернизации существует тесная связь: социально-экологические конфликты активизируют экологические и другие движения; они создают главный и другие фреймы, которые используются лидерами движения для пропаганды идей экологизации, мобилизации ее сторонников, переубеждения сомневающихся и противников. Для этого сетевые структуры (сайты, форумы, блоги, ЖЖ) используются как публичные площадки. Их легитимизация (институционализация) облегчает создание новых сетей охраны природы.

21. Социально-экологические конфликты и экокатастрофы, мобилизуя сети в трех указанных выше пространствах, позволяя выявить мобилизационный, то есть *пределный, социальный капитал* этих сетей, оказывают на природоохранные сети двойное воздействие. С одной стороны, эти конфликты и катастрофы инициируют создание *новых сетей* и публичных площадок, мобилизуют сторонников, выявляют инициативных граждан, снижают административные и бюрократические барьеры. Более того, ядра этих сетей являются коллективными лидерами модернизации общества в целом. С другой, когда социальные и экологические конфликты и катастрофы следуют одна за другой, ресурсный потенциал природоохранных сетей *истощается*, а сами эти сети поглощаются сетями политической борьбы.

Литература

Абалкин Л., Барышева А., Сорокин Д., ред. 2002. *Гуманистические ориентиры России*. М.: Институт экономики РАН.

Абульханова-Славская К.А. 1980. *Деятельность и психология личности*. М.: Наука.

Аверкиев И., Бедерсон В., Першакова Е. 2010. Люди на пожарах. Общественное участие в борьбе с пожарами и их последствиями летом 2010 года: гражданские смыслы и результаты. *Пермская гражданская палата* URL: <http://www.pgpalata.ru/actual/0023>

Ахиезер А.С. 1997. *Как «открыть» закрытое общество*. М.: Магистр.

Ахиезер А.С. 1997а. Нравственность в России и противостояние катастрофам. *Социологический журнал*, 6: 26–37.

Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. 2002. *Социокультурные основания и смысл большевизма*. Новосибирск: Сибирский Хронограф.

Барщ М.О., Гинзбург М.Я. 1930. Зеленый город. *Современная архитектура*. 1–2.

Бауман З. *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М.: «Весь Мир». 2004.

Бессонова О.Э. 2006. *Раздаточная экономика России: эволюция через трансформацию*. М.: РОССПЭН.

Боброва О. 2010. Наша Свеженькая. *Новая газета*. 24 декабря 2010 г.

Богданов А. 1925. *Всеобщая организационная наука (тектология)*. Ленинград-Москва: «Книга».

Борейко В.Е. 1997. *История охраны природы Украины (X век-1980 г.)*. Том 1. Киев: Киевский эколого-культурный центр.

Булдаков В.П. 2007. *Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления*. М.: РОССПЭН.

Булдаков В.П. 2010. Расплата за квартиры. *Аргументы недели*. 16 декабря. с. 16.

Бурдые П. 2002. Формы капитала. *Экономическая социология*. 3(5): 60–75.

В центральных регионах Европейской России наблюдается сильное повреждение лесов намерзшим льдом. *Гринпис-Россия*. 26 декабря 2010 года. URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?p=49925#p49925>

Вернадский В.И. 2001. *Дневники 1926-1934 гг.* / отв. ред. В.П. Волков. М.: Наука.

Выводы и рекомендации, С. 34–35, в сб.: Макарова Т.Д. и др. *Реформа местного самоуправления: взгляд изнутри*. Сыктывкар: РНФ «Серебряная тайга».

Гамзаева С. 2010. Губернатор Бровко призвал варягов. *Независимая газета*. 08 сентября. С. 6.

Гольдфарб С.И. 1996. *Байкальский синдром. Расследование экологического преступления века*. Иркутск: Агентство «Комсомольская правда».

Горшков М.К., ред. 2010. *Социальные факторы консолидации Российского общества: социологическое измерение*. М.: Новый Хронограф.

Гудков Л., Дубин Б. и Левинсон А. 2008. Фоторобот российского обывателя. *Новая газета*. 30 июня 2008. С. 6–7.

Галазий Г.И. 1990. Угроза экосистеме Байкала, с. 322–348. В кн.: Лемешев М.Я., ред. *Экологическая альтернатива*. М.: Прогресс.

Дубин Б. 2010. 34% россиян с высшим образованием никогда не читали книг. И не хотят. *Новая газета*. 28.06.2010. с. 2–3.

Ефременко Д.В. 2006. *Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция*. М.: ИНИОН.

Заключение Общественной комиссии по расследованию причин и последствий природных пожаров в России в 2010 году (мимео)...

Зверева Г. 2005. Националистический дискурс и сетевая культура. *Pro et Contra*. 9 (29): 25–40.

Здравомыслова Е.А. 1993. *Парадигмы западной социологии общественных движений*. СПб.: Наука.

Зеленцова Е. 2010. Требуется идея. Срочно. Дорого. *Новая газета* 28 июня. с. 20–21.

Иванова В.А. 1999. Политические формы страха: «западники» и «традиционалисты», с. 96–109. В кн.: *Страхи и тревоги россиян*. СПб: Издательство РХГУ.

Иноземцев В.Л. 2011. Россияне не станут хозяевами своей земли. *Московский комсомолец*. 16 марта.

К проблеме социалистического города. 1930. М.: ОГИЗ.

Кавтарадзе Д.Н. 2009. *Обучение и игра. Введение в интерактивные методы обучения*. М.: Просвещение.

Кистяковский Б.А. 1990. В защиту права (Интеллигенция и правосознание). с. 101–130. В сб.: *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. (репринтное издание 1909 г.)*. М.: Изд-во «Новости»,

Клеман К., Мирясова О. и. Демидов А. 2010. *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в России*. М.: «Три Квадрата».

Ключеский В.О. 1988. *Сочинения в 9-ти томах*. Т. 3. М.: Мысль.

Коулман Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий. *Общественные науки и современность*. 3: 121–139.

Кротов Г. 2010. Дело – труба. *Новая газета*. 06.09.

Кустарев А. 2007. Кем и как управляется мир. *Pro et Contra*. 6 (39): 6–19.

Къеза Дж. 2006. *Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния*. М.: Эксмо.

Лапин Б.Ф., сост. 1987. *Слово в защиту Байкала*. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство.

Латынина Ю. 2011. Код доступа. *Эхо Москвы*, 26 февраля 2011 года. URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/code/752955-echo.phtml>

Латынина Ю. 2011. Природа власти. Почему так похожи смог в августе и обледенение в декабре 2010 года? *Новая Газета* 12 января, с. 9.

Ледяной дождь и сильный снегопад в центральной России могут привести к изменениям в лесном законодательстве. *Гринпис-Россия* 03 января 2011 URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?p=50241#p50241>

Лемешев М.Я., ред. 1990. *Экологическая альтернатива*. М.: Прогресс.

Макарова Т.Д. 2009. Местное самоуправление в Республике Коми: реформа для народа или для Совета Европы? с. 4–11. В сб.: Макарова Т.Д. и др. *Реформа местного самоуправления: взгляд изнутри*. Сыктывкар: РНФ «Серебряная тайга».

Мардарь И.Б. 2007. Взаимодействие некоммерческих общественных организаций и социальных институтов города (на примере г. Новочеркаска). с. 146–151. В сб.: *Природа и общество: Сибирь – судьба России / Отв. ред. Э.С. Кульпин*. М.: ИАЦ – Энергия.

Мардарь И.Б. 2008. Гражданские инициативы как коммуникаторы между властью и обществом, с. 44–47. В сб.: *Российская социология в публичном пространстве страны и мира*. М.: ГУВШЭ.

Мардарь И.Б. 2008а. Проблемы трансформации социального активизма в России (на примере крупного города), с. 31–39. В сб.: *Модернизация России: научные и образовательные проблемы / под ред. О.Н. Яницкого*. М.: ИС РАН.

Мардарь И.Б. 2009. Виртуальная экология гражданского общества. *Социологические исследования*. 7: 52–59.

Мардарь И.Б. 2009а. Зарождение и становление структур гражданского общества в г. Новочеркасске на рубеже XX века. с. 214–230. В сб.: *Социологические этюды: сборник статей аспирантов*. Вып.2 / под ред. М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН.

Менделеев Д.И. 1991. *С думой о благе российском: Избранные экономические произведения*. Новосибирск: Наука.

Моисеев Н.Н. 1982. *Человек, среда, общество*. М.: Наука.

Моисеев Н.Н. 1996. *Агония России: есть ли у нее будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора*. М.: Экспресс-«ЗМ».

Мосахико К. 2008. Действовать безотлагательно. *Ведомости* 14 апреля С. А04.

На Китай обрушились ледяные дожди: более 22 тысяч человек эвакуированы. 5 января 2011. <http://www.newsru.com/world/05jan2011/led.html>

Нариньяни А. 2009. От homo sapiens к eHOMO. *Новая газета*. 08 мая. «Народ за Байкальск без БЦБК!» 2010. *Пресс-конференция общественных экологических организаций*. Москва 11.02.2010. Режим доступа: URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/4441628>

Нигматулин Р.И. 2001. Интервью редактору петербургской газеты «Общество и Экология». с. 2–6.

Николаев И. 2011. Почему люди без света? 05 января 2011 г. URL: http://www.echo.msk.ru/blog/nikolaev_i/739500-echo/

Оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации, 2008. М.: Росгидромет. URL: <http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/december-in-msc/>

Паин Э. 2010. О социокультурных условиях модернизации России. *Независимая газета*, 03 сентября. с.4.

Петренко Е.С., ред. 2008. *Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры*. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Пивоваров Ю.С. 2006. *Русская политика в ее историческом и культурном отношении*. М.: РОССПЭН.

Пожары: первые итоги и перспективы (деятельность общественных организаций). *ЕСО-НР.3674*, 27 августа 2010 г.

Покровский Н.Е. 1995. *Ралф Уолдо Эмерсон. В поисках своей вселенной*. Massachusetts: The Center for American Studies at Concord.

Покровский Н.Е. 2005. Исследования сельских сообществ в настоящем и будущем, с. 5–22. В сб.: *Современный российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре*. М.: ГУ ВШЭ.

Полицук Е.А. 2005. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 5. Экономика. № 1.

Полухин А. 2011. Подержите свечку. *Новая газета*. 17 января 2011. с. 3.

Радаев В.В. 2002. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация. *Экономическая социология*. 3 (4): 20–33 [электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.ecsoc.msse.ru>

Распутин В.Г. 1990. Байкал, с. 296–320. В кн.: Лемешев М.Я., ред. *Экологическая альтернатива*. М.: Прогресс.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1968. Т.3. М.: Политиздат.

Родионов К. 2011. Спасение утопающих. *Независимая газета*. 12 января.

Рыжков Н.И. 1990. Дело спасения Байкала сдвинулось с мертвой точки. *Наш Байкал*, 3: 2–3.

Рябов А.В. 2005. *Самобытность вместо модернизации. Парадоксы российской политики в постстабилизационную эру*. М.: Московский центр Карнеги.

Сабсович Л. 1929. *Города будущего и организация социалистического быта*. М.

Селина М., Селиванова М. 2010. Ледяной ущерб для пассажиров. 27/12/2010. URL: <http://www.rian.ru/analytics/20101227/314130905.html>

Семенова В.В., Фотиева Е., ред. 1996. *Судьбы людей: Россия XX век*. М.: Институт социологии РАН.

Серенко А. 2010. Ожоги бабьего лета. *Независимая газета*. 06 сентября.

Силаева В.Л. 2009. *Виртуальные паттерны культуры*. М.: СоПСо.

Силласте Г. 2010. Городские гетто. Половину населения России планируют загнать в агломерации ради вступления в ВТО. *Аргументы недели*. 16 декабря. с. 3.

Соболев Н.А., ред. 2003. *Критерии и методы формирования экологической сети*. М.: Изд-во ЦОДП.

Соболев Н.А. 2003а. От природного каркаса к экологическому. *Охрана дикой природы*. 4 (25): 16–19.

Соловьев В.С. 1989. Враг с Востока, с. 432–44. В кн.: Соловьев В.С. *Сочинения в двух томах*. М.: Правда. Т. 2.

Смидович П.Г. 1930. Краеведение на путях социалистического строительства, в кн.: Смидович П., Кржижановский Г., ред. *Социалистическое строительство и краеведение*. М.: ОГИЗ.

Сонин К. 2010. Вторая волна. *Ведомости*, 06 сентября, с. А04.

Сорокин П. 1994. *Общедоступный учебник социологии*. М.: Наука.

Сорокин П. 2003. *Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь*. М.: Academia.

Степанский А.Д. 1980. *Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX-XX вв.* М.

Степанский А.Д. 1982. *Общественные организации России на рубеже XIX-XX вв.* М.

Стиглиц Дж. Бездонная война. *Ведомости* 14 апреля 2008, с. А04.

Стратегия действий СоЭС по мобилизации общества на решение экологических проблем. 1989. (архив Яницкого О.Н.).

Стрельникова, Л.В. 2003. Социальный капитал: типология зарубежных подходов. *Общественные науки и современность*. 2: 36–43.

Угрозы и риски природных пожаров в 2011 году. *Пресс-релиз пресс-конференции*. Интерфакс. 11 января 2011 г.

Яницкий О.Н. 2006. Поток и место: к проблеме локального социально-экологического знания. *Неприкосновенный запас*. 2 (46): 30–44.

Фальц-Фейн Ф.Э. 1995. Очерк жизни. В кн: Борейко В.Е., сост. *Словарь деятелей охраны природы*. Киев: Киевский эколого-культурный центр.

Фомичев С.Р. 1995. Крайне зеленые. *Социологические исследования*. 8: 36–41.

Фомичев С.Р. 1997. *Разноцветные зеленые. Стратегия и действие*. М. – Нижний Новгород: Издательство «Третий путь».

Фуко М. 1999. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.

Фукуяма Ф. 2004. *Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию*. Перев. с англ. М.: АСТ; Ермак.

Халий И.А., ред. 1999. *Участие. Альманах*. Вып. 2, июль 1999 г.

Халий И.А. 2000. *Общественность регионов на страже окружающей среды*. М.: Милъеконтат Оост-Европа.

Халий И.А. 2004. *Участие: социальная экология регионов России*. Альманах, выпуск 13.

Халий И. 2007. Защита Байкала: хроника конфликта. *Социологические исследования*. 8: 26–34.

Цепилова О.Д. 2002. Общественные движения в районе экологического бедствия: история возникновения, развитие, социальные последствия. *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. V. Вып. 1.

Чаянов А.В. 1925. *Организация крестьянского хозяйства*. М.

Чернова Н. 2010. Вторая жизнь Максима. *Новая газета*. 26 ноября 2010 г.

Чижевский А.Л. 1976. *Земное эхо солнечных бурь*. Изд. 2-е. Предисл. О.Г. Газенко. Отв. ред. П.А. Коржув. М.: Мысль.

Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю., Шилова Л.С., Шишкин С.В. 2005. *Бизнес как субъект социальной политики: должник, благодетель, партнер?* М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.

Чирикова А.Е. 2007. *Взаимодействие власти и бизнеса в реализации социальной политики. Региональная проекция*. М.: Независимый институт социальной политики.

Шевцова Л. 2011. Про слойки. *Новая Газета* 12 января, с. 2–3.

Шмидт С.О., ред. 2004. *Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития*. М.: АНО ИЦ «Москвоведение».

Шугуров М. 2004. Новая идентичность. Человек и власть в пространстве посткнижной культуры. *Свободная мысль – XXI*. 3:105–129.

Экология и права человека (электронный бюллетень), 7 ноября 2010 г.

Ядов В.А. 2010. Попытка расширенного толкования концепции фрейдом И. Гоффмана. В: *Социология в мире коммуникаций: инновационные подходы (материалы конференции)*. М.: СоПСо, ГУ ВШЭ, РФФИ.

Яницкая Т.О. 2008. *Практическое руководство по выделению лесов высокой природоохранной ценности в России*. М.: Всемирный фонд дикой природы.

Яницкий Н.Ф. 1915. *Экономический кризис в Новгородской области XVI века*. Киев: Типогр. Импер. Ун-та Св. Владимира. – Репринтное издание [сост. О.Н. Яницкий]. М.: TAUS. 2007.

Яницкий О.Н. 1991. *Социальные движения. Сто интервью с лидерами*. М.: Московский рабочий.

Яницкий О.Н. 1994. Альтернативная социология. *Социологический журнал*. 1: 70–84.

Яницкий О.Н. 1986. Человеческий фактор и социально-воспроизводственные процессы. *Рабочий класс и современный мир*. 4 (94): 33–48.

Яницкий О.Н. 1996. *Экологическое движение в России. Критический анализ*. М.: Институт социологии РАН.

Яницкий О.Н. 1998. Социология и рискология, с. 9–35. В кн: Яницкий О.Н., отв. ред. *Россия: риски и опасности «переходного» общества*. Москва: Институт социологии РАН.

Яницкий О.Н. 2002. *Россия: экологический вызов (общественные движения, наука, политика)*. Новосибирск: Сибирский Хронограф.

Яницкий О.Н. 2003. *Социология риска*. М.: Издательство LVS.

Яницкий О.Н. 2004. Диалог науки и общества. *Общественные науки и современность*. 6: 86–96.

Яницкий О.Н. 2004. Риск-солидарности. *Интер*. 2–3: 52–62.

Яницкий О. 2004. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции. *Общественные науки и современность*. 2: 5–15.

Яницкий О.Н. 2006. Производство социально-экологического знания. Политический и культурный аспект. *Общественные науки и современность*. 6: 138–47.

Яницкий О.Н. 2006. Экологическая парадигма как элемент культуры. *Социологические исследования*. 7: 83–93.

Яницкий О.Н. 2007. Акторы и ресурсы социально-экологической модернизации, *Социологические исследования*. 7: 3–12.

Яницкий О.Н. 2007. *Экологическая культура. Очерки взаимодействия науки и практики*. М.: Наука.

Яницкий О.Н. 2008. *Экологическое мышление эпохи “великого передела”*. М.: РОССПЭН.

Яницкий О.Н. 2009. Экосоциология как перспектива, с. 37–56. В кн.: *Россия реформирующаяся. Ежегодник*. Вып. 8. под. ред. М.К. Горшкова. М.: Институт социологии РАН.

Ярошенко В.Г. 1989. *Экспедиция «живая вода»*. М.: Молодая гвардия.

Arsenault A. and M. Castells. 2008. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology* 23 (4): 488–513.

Bauman Z. 2004. *Wasted Lives. Modernity and its Outcasts*. Cambridge, UK: Polity Press.

Beck, U. 1992. *Risk Society. Toward a New Modernity*. London: SAGE.

Beck U. 2010. Re-mapping Inequality and Power in an Age of Climate Change: The Emergence of ‘Cosmopolitan’ Risk Communities. *Lecture at the ISA World Congress of Sociology*, 11-17 July, 2010, Sweden.

Beck U. and Beck-Gernsheim E. 1994. Individualisierung in modernen Sociologie, pp.10–42. In Beck U. and Beck-Gernsheim E., eds. *Riskante Freizeiten*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Boyden S., Millar S., Newcombe K. and O’Neill B. 1981. *The Ecology of a City and its People. The Case of Hong Kong*. Canberra: Australian National University Press.

Castells M. ‘Materials for an Exploratory Theory of the Network Society. *British Journal of Sociology* 2000, 51 (1): 5–24.

Castells M. 2007. Communication, Power and Counter-Power in the Network Society. *International Journal of Communication* 1 (1): 238–266.

Conway J., Keniston K, and L. Marx. 1999. *Earth, Air, Fire, Water. Humanistic Studies in Environment*. Amherst: Univ. of Massachusetts Press.

Della Porta, D. and M. Diani. 2006. *Social Movements*. 2nd.ed. Malden, Mass: Blackwell.

De Tocqueville A. 1955. *The Old Regime and the French Revolution*. N.Y.: Anchor Books.

Diani M. 1997. Social Movements and Social Capital. A Network Perspective on Movement Outcomes. *Mobilization*. 2: 129–47.

Diani M. and D. McAdam (eds.) 2003. *Social Movements and Networks. Relational Approaches to Collective Action*. Oxford: Oxford Univ. Press.

Della Porta, D. and M. Diani. 2006. *Social Movements*. 2nd. ed. Malden, Mass: Blackwell.

Eder K. 1996. Institutionalization of Environmentalism: Ecological Discourse and the Second Transformation of the Public Sphere, pp. 203–223. In: Lash S., Szerszynski B., and Wynne B., eds. *Risk, Environment and Modernity. Towards a New Ecology*. London: Sage.

Fisher Fr. 2003. Citizens, *Experts, and the Environment. The Politics of Local Knowledge*. Durham and London: Duke University Press.

Fisher-Kowalski M. 1997. Society's Metabolism: On the Childhood and Adolescence of a Rising Conceptual Star, pp.119–137. In Redclift M. and G. Woodgate, eds. *The International Handbook of Environmental Sociology*. Northampton, MA: Edward Elgar.

Fisher-Kowalski M. and H. Haberl. 2007. *Socioecological Transitions and Global Change. Trajectories of Social Metabolism and Land Use*. Vienna: Klagenfurt University.

Fraser M., ed. 2007. *European Union: The Next Fifty Years*. London: Financial Times Business.

Gamson W. 1990. *The Strategy of Social Protest*. 2nd ed. Belmont, CA: Wadsworth Publishing Company.

Gerhards Ju. and D. Rucht. 1992. Mesomobilization: Organizing and Framing in Two Protest Campaigns in West Germany. *American Journal of Sociology*. (98): 555–95.

Goffman, E. 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. N.Y.: Harper.

Hall J.1996. *Civil Society. Theory, History, Comparison*. Cambridge, UYK: Polity Press.

Hannigan J. 1995. *Environmental Sociology. A Social Constructivist Perspective*. Lnd.& N.Y.: Routledge.

Hodkinson E., Stewart M. 1991. *Coping With Catastrophe. A Handbook of Disaster Management*. London: Routledge.

Irwin, A. 2001. *Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Malden, MA: Polity.

Johnston H. 1995. A Methodology for Frame Analysis: From Discourse to Cognitive Schemata, pp. 217–46, in: Johnston H. and Klandermans B. *Social Movements and Culture* Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.

Jorgenson A.K. 2009. Political-economic Integration, Industrial Pollution and Human Health: A Panel Study of Less-Developed Countries, 1980-2000. *International Sociology*. 1 (24): 115–144.

Kaldor, M., H. Anheier and M. Glasius, eds. 2003. *Global Civil Society*. Oxford: Oxford University Press.

Klandermans B. The Social Construction of Protest and Multiorganizational Fields, pp. 77–103. In: Morris A. and C. Mueller, eds. 1992. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven and London: Yale Univ. Press.

Kriesi H., Koopmans R., Duyvendak J, Giugni M. 1995. *New Social Movements in Western Europe. A Comparative Analysis*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.

Kriesi H.P. 1988. The Political Opportunity Structure of New Social Movements: Its Impact on Their Mobilization. In: J.S. Jenkins and B. Klandermans (eds.). *The Politics of Social Protest. Comparative Perspectives on States and Social Movements*. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press.

- Lane D. 2010. Civil Society in the Old and New Member States: Ideology, Institutions and Democracy. *European Societies*, 12 (3): 293–315.
- McCarthy D., King L. 2005. *Environmental Sociology: From Analysis to Action*. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc.
- Merton R. 1970. *Science, Technology and Society in Seventeenth Century Europe* [first edition 1938]. N.Y.: Harper Torchbooks.
- Mol A.P.J. and D. Sonnenfeld eds. 2000. *Ecological Modernization around the World: An Introduction, in Ecological Modernization around the World. Perspectives and Critical Debates*. London: Frank Cass.
- Murphy R. 2010. *Leadership in Disaster. Learning for a Future with Global Climate Change*. Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Obama's Plan to Stimulate the Economy. 2009. *Official Site of Barack Obama*: URL: <http://www.barackobama.com/>
- Offe K. 1996. *Modernity and the State: East, West*. Cambridge: Polity Press.
- Passy F. 2003. Social Network Matter. But How?, pp. 21–48. In: Diani M. and D. McAdam, eds. *Social Movements and Networks. Relational Approach to Collective Action*. Oxford: Oxford University Press.
- Perrow Ch., 1984. *The Normal Accidents. Living with High-Risk Technologies*. N.Y.: Basic Books.
- Rinkevicius L. 2000. Ecological Modernization as Cultural Politics: Transformation of Civic Environmental Activism, pp. 171–202. In: Mol A.P.J. and D. Sonnenfeld. *Ecological Modernization around the World*.
- Sagan S. 1993. *The Limits of Safety. Organizations, Accidents, and Nuclear Weapons*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Schwartz M. and Paul S. 1992. Resource Mobilization versus the Mobilization of People: Why Consensus Movements Cannot Be Instruments of Social Change, pp. 205–221. In: Morris A. and C. Mueller, eds. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven and London: Yale Univ. Press.
- Seligman A. 1992. *The Idea of Civil Society*. N.Y.: The Free Press.
- Snow D. and R. Benford. 1992. Master Frames and Cycles of Protest, pp. 133–153. In: Morris A. and C. Mueller, eds. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven and London: Yale Univ. Press.
- Susskind L. 1994. *Environmental Diplomacy. Negotiating More Effective Global Agreements*. N.Y.: Oxford University Press.
- Tarrow, S. 1988. *Democracy and Disorder. Protest and Politics in Italy, 1965-1975*. Oxford and New York: Clarendon Press.
- Tarrow S. 2005. The Dualities of Transnational Contention: 'Two Activist Solitudes' or a 'New World All Together'. *Mobilization: An International Journal*, 10 (1): 53–72.
- Tilly Ch. 2004. *Social Movements, 1768-2004*. London.: Paradigm Publisher.

Touraine A., Dubet F., Hegedus Z., Wieviorka M. 1983. *Anti-nuclear Protest. The Opposition to Nuclear Energy in France*. Cambridge: Cambridge University Press.

Turner E. 1996. *Why Things Bites Back: Technology and the Revenge of Unintended Consequences*. N.Y.: Alfred A. Knopf.

Waters M. 1995. *Globalization*. Lnd.& N.Y.: Routledge.

Weber M. 1930. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. 1904-05. Translated by Talcott Parsons. Lnd: Unwin.

Weigle M. and J. Butterfield, 1992. Civil Society in Reforming Communist Regimes. *Comparative Politics*. 26 (1): 67–75.

Weiner, D. 1988. *Models of Nature: Ecology, Conservation, and Cultural Revolution in Soviet Russia*, Bloomington, Indiana University Press.

Weiner D. 1999. *A Little Corner of Freedom. Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.

Yanitsky O. 1982. Towards an Eco-City: Problems of Integrating Knowledge with Practice. *International Social Science Journal*. XXXIV (3): 469–80.

Yanitsky O. 1988. Modernization and Globalization from the Perspective of a Transition Society, pp.165–84. In: Gijswijt A., Buttell F., Dickens P., Dunlap R., Mol A. and Spaargaren G., eds. *Sociological Theory and the Environment*. Amsterdam: SISWO.

Yanitsky O. 1988. Towards Creating a Socio-Ecological Conception of a City, pp.54–57. In: *Cities and Ecology*. The International Expert Meeting. Souzdal, September 24–30, 1984. Moscow: Nauka Publishers,

Yanitsky O. 1996. The Ecological Movement in Post-Totalitarian Russia: Some Conceptual Issues, *Society and Natural Resources*, 9: 65–76.

Yanitsky O. 1999. Russian Environmental Movements, pp. 184–205. In: Conway J.K., K. Kenniston and L. Marx. *Earth, Air, Fire, Water. Humanistic Studies of the Environment*. Amherst: University of Massachusetts Press.

Yanitsky O. 2000. *Russian Greens in a Risk Society. A Structural Analysis*. Helsinki: Kikumora Publications.

Yanitsky O. 2000a. Sustainability and Risk: The Case of Russia. *Innovation: The European Journal of Social Sciences*. 13 (3): 265–77.

Yanitsky O. 1999. The Environmental Movement in a Hostile Context. The Case of Russia. *International Sociology*, 14 (2): 157–172.

Yanitsky O. 2000. Sustainability and Risk: The Case of Russia. *Innovation: The European Journal of Social Sciences*. 13 (3): 265–77.

Yanitsky, O. 2004. Risk Solidarities. *Inter*. 2-3: 155–64.

Zald M.M. and J.D. McCarthy (eds.) 1987. *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*. New Brunswick: Transactions books.

Научное издание

Яницкий О.Н.

**ЭКОМОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ:
ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ПЕРСПЕКТИВА**

Компьютерная верстка И.М. Ситдиков

Издатель: Учреждение Российской академии наук Институт социологии РАН

Тел.: (499) 128-86-76

E-mail: yanitsky@isras.ru

**Подготовка электронного издания:
IT-Центр Института социологии РАН**

Подписано в печать 20.04.2011.

Усл. печ. л. 15,5.

URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2113>